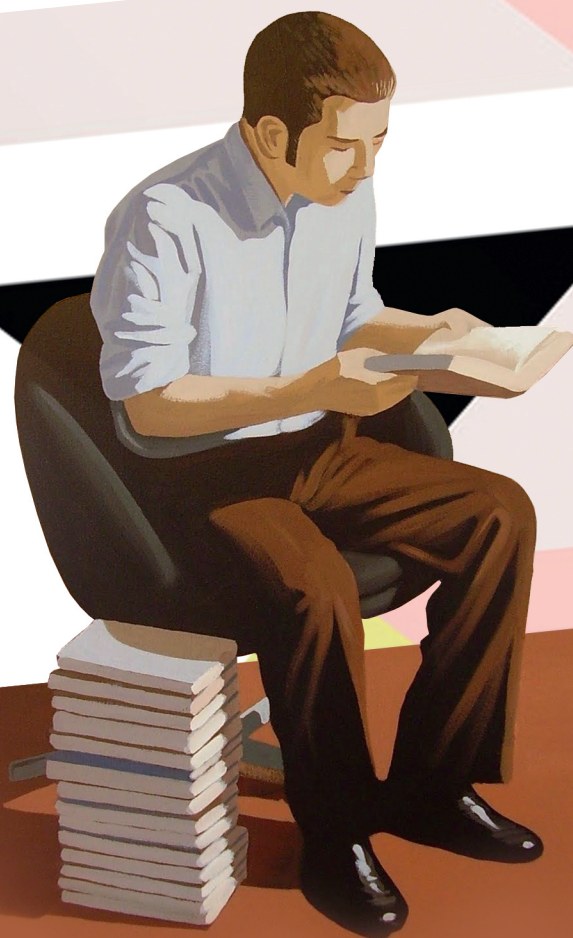

РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ОТДЕЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ ТЕОРИИ
И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Материалы круглого стола

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ответственный редактор: С.В. Кодан

**Российский фонд
фундаментальных
исследований**
Отделение гуманитарных
и общественных наук

**Уральский государственный
юридический университет**
Научно-образовательный центр
изучения проблем теории
и истории государства и права

**Проект научного исследования
«Историография, источниковедение и методология
истории политических и правовых учений:
теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик»**

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

Теоретические, методологические и исследовательские проблемы

Материалы круглого стола

Ответственный редактор:
доктор юридических наук,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Уральского государственного юридического университета
С.В. Кодан

**Екатеринбург
2020**

**Круглый стол проведён в рамках реализации финансируемого
Российским фондом фундаментальных исследований
проекта научных исследований № 20-011-00779
«Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых
учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик»**

Историография истории политических и правовых учений. Теоретические, методологические и исследовательские проблемы. Материалы круглого стола. / под общ. ред. С.В. Кодана. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. - 82 с.

В сборнике представлены доклады и сообщения участников круглого стола «Историография истории политических и правовых учений. Теоретические, методологические и исследовательские проблемы», который состоялся в 2020 г. в рамках реализации финансируемого Российским фондом фундаментальных исследований научного проекта «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

Сборник адресуется преподавателям, аспирантам и студентам юридических и исторических учебных заведений, а также широкому кругу читателей, интересующихся методологией и историографией истории политических и правовых учений.

ISBN 978-5-7845-0643-6

© *Уральский государственный юридический университет,*
2020

Подписано в печать 30.12.2020. Объем уч. изд. л. 11,1. Тираж 50 экз.
Отпечатано: ООО «Издательство «Раритет». г. Екатеринбург, ул. Чаадаева 4.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теоретико-методологические проблемы в изучении историографии истории политических и правовых учений

<i>Кодан С.В.</i> Историографии в структуре истории политических и правовых учений: проблемы определения предметного пространства и места в структуре научной дисциплины.....	4
<i>Малюгин С.В.</i> Контексты и подходы в историографических исследованиях истории политических и правовых учений.....	8
<i>Честнов И.Л.</i> Диалогическая методология истории политических и правовых учений.....	16
<i>Корнев А.В.</i> Государство в контексте проблемной историографии (дореволюционный период истории политических и правовых учений).....	19
<i>Горбань В.С.</i> О некоторых актуальных проблемах историографии политической и правовой мысли.....	24
<i>Зипунникова Н.Н.</i> История политических и правовых учений в учебной литературе: к 130-летию со дня рождения с. Ф. Кечекьяна и 65-летию с момента выхода в свет издания «История политических учений (м., 1955)».....	31
<i>Козлихин И.Ю.</i> О преподавании истории и истории правовых и политических учений в юридических вузах.....	35

Конкретные историографические исследования в истории политических и правовых учений

<i>Сырых В.М.</i> Был ли И.В. Сталин действительным продолжателем дела В.И. Ленина?.....	38
<i>Золотухина Н.М.</i> Формирование и эволюция правопонимания в средневековой России (X–XVI вв.).....	44
<i>Дидикин А.Б.</i> Восприятие марксистских оснований советской юриспруденции в нормативизме г. Кельзена: концептуальные разногласия.....	51
<i>Поцелуев Е.Л.</i> Концепции государства и права В.И. Ленина в постсоветской учебной литературе по «Истории политических и правовых учений».....	57
<i>Коровин К.С.</i> Советы как форма организации государственной власти в социалистической конституционной доктрине в 1917-1918 гг.....	63

Междисциплинарные историографические исследования в истории политических и правовых учений

<i>Кожевина М.А.</i> Историография истории русского права в отечественном правоведении XIX века.....	71
<i>Яцук Т.Ф.</i> Институционализация историко-правовой науки в советский период 1918-1940-х гг.....	74
<i>Чашиников В.А., Старикова О.Н.</i> Правовая доктрина как источник права (историко-юридический аспект).....	79
<i>Смыкалин А.С.</i> Иудейское право: возникновение и развитие.....	82

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

С. В. Кодан,

*доктор юридических наук,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета.*

ИСТОРИОГРАФИИ В СТРУКТУРЕ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТНОГО ПРОСТРАНСТВА И МЕСТА В СТРУКТУРЕ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ*

Аннотация: В статье акцентируется внимание на примете историографии истории политических и правовых учений. Автор обращается к особенностям предметной направленности и основным характеристикам этой области знания в указанной научной дисциплине. Предлагается авторское определение предмета историографии как направления в исследовательском пространстве истории политических и правовых учений как науки.

Ключевые слова: юридическая наука, историко-юридические науки, история политических и правовых учений, историография изучения политико-правовой мысли.

S. V. Kodan

*Doctor of Law,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Department of Theory of State and Law
Ural State Law University.*

HISTORIOGRAPHY IN THE STRUCTURE OF THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES: PROBLEMS OF DEFINING THE SUBJECT SPACE AND PLACES IN THE STRUCTURE OF SCIENTIFIC DISCIPLINE

Abstract: The article focuses on the feature of the historiography of the history of political and legal doctrines. The author refers to the features of the subject orientation and the main characteristics of this area of knowledge in the specified scientific discipline. The author offers the author's definition of the subject of historiography as a direction in the research space of the history of political and legal doctrines as a science.

Key words: legal science, historical and legal sciences, history of political and legal doctrines, historiography of the study of political and legal thought.

Проблема определения общих характеристик и позиционирования историографии в составе истории политических и правовых учений и в системе междисциплинарных связей в юриспруденции и социогуманитаристике связано с отсутствием разработанности этой проблемы в целом. Соответственно возникает и ряд вопросов, которые требуют рассмотрения для позиционирования историографии в структуре истории политических и правовых учений и которым к ним относятся прежде всего её предметная направленность. Этому собственно и посвящён данный доклад.

Предмет историографии истории политических и правовых учений не относится к числу проработанных в данной историко-юридической науке. Между тем проблема определения предметной области историографического знания является важной для его идентификации в рамках истории политических и правовых учений и, соответственно, требует обращения к области науковедческих вопросов – проблемам взаимоотношений между указанной научной дисциплины в целом и историографии в качестве её исследовательского направления и раздела науки. В этой связке проблем безусловно определяющим является именно предмет истории политических и правовых учений, который, при определённой его дискуссионности, в целом сводится к тому, что «в рамках данной юридической дисциплины исследуется и освещается специфический предмет – история возникновения и развития теоретических знаний о государстве, праве, политике и законодательстве, история политических и правовых теорий, история теорий права и государства» - указывает В. С. Нерсесянц¹.

При определении предмета историографии истории политических и правовых учений важно учитывать дуализм её исследовательской направленности, который определяется тем, что эта наука является одновременно научной дисциплиной исторического и юридического профиля. «Особенность этой науки состоит в том, что в ней общий теоретический анализ сочетается с конкретно-историческим. Если теория государства и права и история государства и права исследуют свой предмет с применением одного метода - теоретического либо исторического, - то история политических и правовых учений призвана раскрывать свой предмет не только в абстрактной, теоретически последовательной форме, но и в конкретно-исторической форме. В рамках этой исто-

* Публикация подготовлена в рамках реализации финансируемого РФФИ научного проекта № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

¹ Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. Учебник в 2 т. М., 2018. Т.1. С. 11.

рико-теоретической науки политические и правовые учения рассматриваются прежде всего с конкретно-исторических позиций. Воззрения каждого отдельного юридического или политического идеолога, представителя правовой науки исследуются с учётом особенностей той исторической эпохи, в которой они возникли, кроме того, даются описание, конкретный анализ и оценка каждого из изучаемых учений. Одновременно оценка научной значимости конкретной правовой доктрины, ее роли в развитии правовой науки даётся в теоретически последовательной форме, с учётом современного состояния правовой науки и ее последних достижений» - отмечает В. М. Сырых². И хотя в определении предмета и характеристиках предметных и особенностей истории политических и правовых учений речь о её историографии прямо не идёт, то вполне резонным является вопрос об истории изучения теоретического политико-правового наследия юристами-историками – это собственно и подразумевает наличие в составе истории политических и правовых учений историографии как исследовательского направления и раздела указанной научной дисциплины.

Для определения предмета историографии в составе истории политических и правовых учений в связи её его основной направленностью на изучение историографических процессов в сфере указанной науки необходимо предметную направленность историографии рассматривать в контексте науковедческих проблем истории науки - общего понимания предмета историко-научных исследований. «В самом общем смысле под предметом историко-научного исследования понимается генезис и процесс развития науки, состоявшиеся в прошлом. Это означает, что под предметом понимается историческая реальность, т. е. то, что реально было, но чего уже нет, что недоступно непосредственному наблюдению. Есть лишь остатки, следы, памятники прошлых процессов и есть современное состояние науки, реальность сегодня, как продолжение исторической реальности. Последовательное проведение принципа "предмет - то, что было" с необходимостью ведёт к характерному пониманию основной цели историко-научных исследований, а именно: анализируя источники и устанавливая факты дать знание о том: "как это было", как именно возникла наука, какими конкретными путями она развивалась» - характеризует предмет историко-научного исследования И. С. Тимофеев³.

Предметная направленность историографии истории политических и правовых учений ориентируется на историю науки, связана и требует обращения к достаточно широкому комплексу вопросов, которые входят в её предмет. Поэтому представляется важным определить структурные элементы как демаркационные характеристики данного направления в как составе указанной научной дисциплины, так и структуре юриспруденции и социогуманитаристике. При этом используем историографические наработки в сфере социально-гуманитарных наук и, прежде всего, в исторической науке, в которой историография является динамично развивающейся областью знания. Изучение последних сочетается с общим видением развития историографической ситуации в социогуманитаристике, представленном ранее, и позволяет выделить пять составляющих предмета историографии истории политических и правовых наук.

(1) *Науковедческая составляющая в предмете историографии истории политических и правовых учений* связана с изучением истории данной научной дисциплины в динамике её развития от возникновения до современного состояния научных исследований и направлена на анализ и критическое отношение к научному наследию науки с учётом факторов и акторов развития научного знания, понимания условий деятельности учёного в их преломлении и отражении в содержании конкретного научного труда. В данном аспекте важным является формирование способности исследователя к осознанию современного звучания многих научных идей и концепций прошлого в современном исследовательском пространстве истории политических и правовых учений с учетом преемственности и новаций в научной деятельности. Не случайно основоположник исследований по истории науки академик В. И. Вернадский по этому поводу подчёркивал - «История науки и ее прошлого должна критически составляться каждым научным поколением и не только потому, что меняются запасы наших знаний о прошлом, открываются новые документы или находятся новые приемы восстановления былого. ... Необходимо вновь научно перерабатывать историю науки, вновь исторически уходить в прошлое, потому что, благодаря развитию современного знания, в прошлом получает значение одно и теряет другое. Каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории науки отражение научных течений своего времени. Двигаясь вперёд, наука не только создаёт новое, но и неизбежно переоценивает старое, пережитое. Уже поэтому история науки не может являться безразличной для всякого исследователя»⁴.

(2) *Теоретическая составляющая в предмете историографии истории развития истории политических и правовых учений* определяется её направленностью на проработку и обобщение на теоретическом уровне накопленных эмпирических знаний с созданием неких относительно универсальных положений относительно понимания историографических процессов с выводом их на проблемные пространства исследовательских практик в историографии данной науки, что связано с тенденцией теоретизации представлений о предмете историографии. В данном аспекте представляется важным изучение комплекса теоретических проблем историографии, которые связаны с определением коммуникативного пространства, познавательными стратегиями, научно-познавательными средствами и др. вопросами, образующими обобщённое представление об историографических процессах в истории политических и правовых учений. Одновременно важно учитывать, что «современный мир

² Сырых В. М. История и методология юридической науки. М., 2018. С. 115.

³ Тимофеев И. С. Методологическое значение изменений в понимании предмета и целей историко-научных исследований // Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982. С. 244-245.

⁴ Вернадский В. И. Из истории идей // Его же. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С. 203.

предполагает быструю смену концептуально-методологических подходов к теоретическим основаниям деятельности и ее инструментария. Формальной логики построения науки оказывается недостаточно для превращения теоретического знания в практическую силу. Связь между теорией и практикой предполагает развитый интеллект, опыт деятельности и ещё одну важную составляющую – способность к домысливанию, которая обнаруживает ассоциативные связи с реальным миром в рамках теоретических представлений» - подчёркивает Л. И. Лурье⁵.

(3) *Источниковедческая составляющая в предмете историографии истории развития истории политических и правовых учений* обусловливается необходимостью изучения носителей историографической информации - понимания их особенностей, содержательных оснований классификации, специфики отдельных видов и использования в исследовательских практиках и др. источниковедческих проблем историографии. При этом заметен, что источниковедческий подход в изучении истории развития истории политических правовых учений, в отличие от исторического источниковедения, практически не разработан и требует привлечения наработок историографии в междисциплинарном пространстве социогуманитаристики с учётом специфики изучения биоисториографического наследия в юриспруденции. О. М. Медушевская по этому поводу справедливо отмечает – «Важнейшим направлением дальнейшего развития междисциплинарных исследований является изучение источников по истории науки и техники, успешное развитие которой является одним из проявлений синтеза естественно-научного и социально-исторического познания целостного, единого в своём многообразии мира. История науки нуждается в источниках, а следовательно, в источниковедении. Обе задачи источниковедения – эвристическая и аналитическая – необходимы для истории науки. История исторической науки раньше других поставила эту проблему и формирует источниковедение историографии»⁶.

(4) *Методологическая составляющая в предмете историографии истории развития истории политических и правовых учений* выступает в качестве определения системы методологических знаний как инструментария исследования истории указанной науки на уровне методологических принципов, подходов, методов, а также методик и технологий исследования. На этой основе в историографии определяются основные инструментально-познавательные пространства изучения историографии как своеобразные исследовательские «срезы» изучения историографии с учётом основных методологических подходов, которые рассматривают историографию истории политических и правовых учений в контексте пространств интеллектуальной истории, историографических источников и историографической биографики. На это важную составляющую процесса научного познания обращает внимание Г. П. Щедровицкий - «Методология... исходит из того, что одному и тому же объекту может соответствовать много разных представлений и знаний. ... Методология начинает свою работу с представлений профессионалов об объекте, и первоначально объект задан только этим множеством представлений. Лишь затем, исходя из всей этой совокупности представлений, методолог может ставить вопрос о реконструкции объекта в том виде, как он существует "на самом деле", и производить эту реконструкцию, предполагая, что все имеющиеся представления характеризуют объект с разных сторон, как бы в разных его проекциях»⁷.

(5) *Междисциплинарная составляющая в предмете историографии истории развития истории политических и правовых учений* выступает как стиль мышления учёного, форма организации научного знания и направленность научной деятельности на взаимодействие с другими науками социально-гуманитарной направленности. Такая ориентация историографии создаёт возможность активного вовлечения и объединения теоретических и подходы отдельных дисциплин современной социогуманитаристики для в изучение историографических процессов в пространстве изучения политико-правовой мысли. Рассматривая взаимодействия научных дисциплин призму междисциплинарности как общего обозначения, необходимо учитывать, что это явление в науке выступает как «интеграция, кооперация, взаимодействие и взаимодополнение подходов, методов и практик, развитых в отдельных научных областях» и как познавательный механизм служит «для получения нового научного знания, а также для эволюции традиционных научных дисциплин и изменения контуров их конфигурации». Междисциплинарные исследования являются интегративными, продуктивными, креативными и наиболее востребованными современными научными институтами» - отмечает Е. Н. Князева⁸.

В итоге можно констатировать, что предметная сфера историографии в составе истории политических и правовых учений находится на начальном этапе её формирования и связана потребностями развития исследований по истории развития исследований в сфере освоения политико-правового наследия. Освоение этого исследовательского пространства указанной науки должно сочетаться с созданием и отработкой научного теоретико-методологического инструментария. Тем не менее, представляется возможным представить видения предмета историографии истории политических и правовых учений.

Предмет историографии истории политических и правовых учений – направление исследований в рамках научной дисциплины, связанное с изучением процессов формирования, развития и состояния научных изысканий учёных и их результатов в сфере освоения истории политико-правовой мысли на отдельных вре-

⁵ Лурье Л. И. Становление учёного как педагогический процесс // Образование и наука. 2010. №6. С. 130-131.

⁶ Медушевская О. М. Теория, история и метод источниковедения // Ее же. Собрание сочинений в 4 т. М.; Берлин, 2017. Т.1. Философия истории и теория исторического познания. С. 763.

⁷ Щедровицкий Г. П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Его же. Избранные труды. М., 1995. С. 97.

⁸ Князева Е. Н. Философия науки. Междисциплинарные стратегии исследований. М., 2020. С. 16-19.

менных и пространственных этапах на основе науковедческих, теоретических, источниковедческих, методологических и междисциплинарных подходов в современной социогуманитаристике и юриспруденции.

Предмет историографии истории политических и правовых учений – направление исследований в рамках указанной научной дисциплины, связанное с изучением процессов формирования, развития и состояния на отдельных временных и пространственных этапах научных изысканий и их результатов в деятельности правоведов в сфере освоения истории политико-правовой мысли и получением нового зафиксированного и отрефлектированного научного знания историографического характера на основе науковедческих, теоретических, источниковедческих, методологических и междисциплинарных подходов в современной юриспруденции и социогуманитаристике.

Место историографии в структуре истории политических и правовых учений определяется в целом в рамках её предмета через назначение данного направления в изучении указанной научной дисциплины. При этом необходимо учитывать, что историография в широком плане – это «знания об истории знаний»⁹. Это своеобразие – оригинальность и специфика места историографии в истории политических и правовых учений как науке – обуславливается её назначением и связано с аспектами её позиционирования как раздела указанной научной дисциплины и научного направления через её сегменты как относительно обособленные области знания. Представляется, возможным выделить **области историографического знания** в рамках истории политических и правовых учений, как взаимосвязанные его сегменты, в совокупности дающими представление о месте этого направления в науке и исследовательских практиках.

(1) Историография истории политических и правовых учений как *область истории знаний* на уровне «исследователь – история науки» носит эрудиционный характер и включает учёного в коммуникативное многомерное пространство накопленной информации о тенденциях и закономерностях формирования и развития научной дисциплины, её месте, роли, целевых установках, задачах и значении в пространстве данной юридической науки, юриспруденции и социогуманитаристике в целом, позволяет анализировать факторы, акторы и контексты процессов, происходящих в научной сфере деятельности, и отражение их на результатах исследований во взаимосвязи с временным состоянием исследований. В этом плане историография позволяет проследить развитие науки в диахронной проекции как в целом, так и применительно к отдельным проблемам изучения политико-правовой мысли учёными в рамках конкретных исследований.

(2) Историография истории политических и правовых учений как *специальная область знаний* на уровне «исследователь – историографическое знание» историография истории политических и правовых представляет учёному совокупность сведений культурно-познавательного, теоретического и методологического характера, овладение которыми способствует повышению эффективности научно-исследовательской работы с носителями историографической информации в исследовательском пространстве конкретной проблемной области исследования и позволяет оценивать степень изученности проблематики и концептуальные подходы учёных к отдельным вопросам в научной литературе, определять отдельные лакуны в области знания и выходить на необходимый уровень актуальности и новизны научной работы;

(3) Историография истории политических и правовых учений как *вспомогательная область знаний* на уровне «исследователь – историографический источник», историография истории политических и правовых обеспечивает представление учёному комплекса сведений о наличествующих публикациях по проблематике исследования, данных о справочных и энциклопедических биографических и библиографических изданиях, местах и особенностях организации хранения историографических материалов в библиотеках, архивах, музеях и других учреждениях, об электронных базах данных и т.п., помогающих учёному в поиске, отборе и анализе историографических источников в целях проведения конкретного научного исследования;

(4) Историография истории политических и правовых учений как *прикладная область знаний* на уровне «исследователь – историографическое исследование» историография истории политических и правовых представляет в распоряжение учёного сведения об апробированном в исследовательских практиках методологическом инструментарии, методиках и технологиях работы с носителями историографической информации, служащие основой для изучения и оценки научной литературы, а также получения аргументированного, верифицируемого и доказательного знания на основе и с учётом истории и состояния разработанности проблематики в рамках научной дисциплины или проблемном пространстве конкретного научного исследования;

(5) Историография истории политических и правовых учений как *междисциплинарная область знаний* на уровне «исследователь – научно-познавательное пространство» историография знакомит с новыми направлениями, методологией, методиках и технологиях в историографических исследованиях в социально-гуманитарных науках в целях их адаптации и использования в исследовательских и образовательных практиках истории изучения политико-правовой мысли в юридической науке и образовании в пространстве теоретических, исторических и отраслевых научных дисциплин и пересечений сфер познания с другими науками социогуманитаристики.

Итак, историография выступает как история изучения политико-правовой мысли в юриспруденции. В структуре истории политических и правовых учений историография позиционируется через предмет – рассмот-

⁹ Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М., 2003. С. 20.

рение совокупности находящихся в исследовательском пространстве вопросов для изучения. На этой основе определяется и место историографии в данной научной дисциплине – системы взаимосвязанных областей знаний историографического характера.

Библиография

- Анкерсмит, Ф.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М., 2003.
Вернадский, В. И. Из истории идей // Его же. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988.
Князева, Е. Н. Философия науки. Междисциплинарные стратегии исследований. М., 2020.
Лурье, Л. И. Становление учёного как педагогический процесс // Образование и наука. 2010. №6.
Медушевская, О. М. Теория, история и метод источниковедения // Ее же. Собрание сочинений в 4 т. М.; Берлин, 2017. Т.1. Философия истории и теория исторического познания.
Нерсесянц, В. С. История политических и правовых учений. Учебник в 2 т. М., 2018. Т.1.
Сырых, В. М. История и методология юридической науки. М., 2018.
Тимофеев, И. С. Методологическое значение изменений в понимании предмета и целей историко-научных исследований // Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982.
Щедровицкий, Г. П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Его же. Избранные труды. М., 1995.

С. В. Малюгин,

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета.*

КОНТЕКСТЫ И ПОДХОДЫ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ*

Аннотация: Предмет статьи сфокусирован на изучении основных значимых условий (контекстов) и методологических подходов, используемых в историографии применительно к научным исследовательским практикам в истории политических и правовых учений. Целью статьи является получение новых научных данных об исследовательских возможностях контекстов и применяемых подходов, сложившихся в историографии истории политических и правовых учений в формировании различных смыслов политико-правового учения. В исследовании раскрываются основные возможности использования таких контекстов как общественные условия развития исторической науки, процесс накопления знания о человеческом обществе, процессы формирования проблем исторической науки, институциональные и идеологические условия исторической науки.

Ключевые слова: история политических и правовых учений, юридическая наука, историография, исследовательский подход, контекст, история юридической доктрины.

S. V. Malyugin,

*Candidate of Legal Sciences,
Associate professor of the Department of Theory of State and Law
Ural State Law Court State Law University.*

CONTEXTS AND APPROACHES IN HISTORIOGRAPHIC STUDIES IN THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES

Abstract: The subject of the article is focused on the study of the main significant conditions (contexts) and methodological approaches used in historiography in relation to scientific research practices in the history of political and legal doctrines. The purpose of the article is to obtain new scientific data on the research possibilities of contexts and applied approaches that have developed in the historiography of the history of political and legal doctrines in the formation of various meanings of political and legal doctrine. The study reveals the main possibilities of using such contexts as the social conditions for the development of historical science, the process of accumulating knowledge about human society, the processes of forming the problems of historical science, institutional and ideological conditions of historical science.

Key words: history of political and legal doctrines, legal science, historiography, research approach, context, history of legal doctrine.

Современное состояние исторической правовой науки о политико-правовой мысли вызывает потребность выявления особенностей методологии этой предметной области юриспруденции, выделения новых направлений и подходов в исследовательских практиках¹. Исторический характер истории политических и правовых учений обуславливает осмысление методологических практик научных исследований, сложившихся и являющихся востребованными и актуальными для исторической науки в целом. Одним из таких интереснейших и многообещающих междисциплинарных подходов является историография. Историография в исторических исследованиях понимается преимущественно как особое направление, представляющее собой историю ис-

* Публикация подготовлена в рамках реализации финансируемого РФФИ научного проекта № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

¹ *Честнов И. Л.* Современное состояние науки истории политических и правовых учений // История государства и права. 2009. №7. С. 12.

торической науки. Соответственно, рассматривая историю политических и правовых учений как науку историческую, можно упрощенно представить историографию как «историю истории политических и правовых учений» как науки. В этом отношении историография для данной науки выполняет ряд важных функций онтологического, гносеологического¹, аксиологического и праксиологического характера.

История политических и правовых учений рассматривается как наука со своими собственными истоками, историей возникновения, становления и развития. Понимание истории юридической науки в России является одной из проблемных, а попытаться выделить из юридической науки историю науки политических и правовых учений еще сложнее. Здесь возникает проблема понимания совокупности инструментов для такого анализа. Таким инструментарием, конечно, могут выступить истоки политических и правовых учений, которые восходят к немецкой политической философии конца XVIII начала XIX и ее активного проникновения в интеллектуальную среду университетского юридического образования, накопление исторической информации о праве, создание университетского образования, установление научных и образовательных контактов с немецкими энциклопедистами и многих других факторов, обусловивших актуализацию обращения к прошлым политико-правовым идеям, что обуславливает формирование определённой культуры понимания права. Не вдаваясь в дискуссию применительно к данному важному вопросу, следует отметить, что традиционно политические и правовые учения возникают из первоначального этапа² становления «Энциклопедии законоведения»³ («Энциклопедии права») и приобретают университетское оформление в пятитомном издании Б. Н. Чичерина. Именно с данного момента можно говорить о формальном начале собственно истории политических правовых учений. Есть и еще одно важное замечание к историографии истории политических и правовых учений. Историография будет рассматриваться применительно к отечественной истории политико-правовой мысли, что связано со спецификой данной юридической науки именно в России⁴. Следовательно, историография истории политических и правовых учений ограничивается хронологическими рамками с 60 гг. XIX века и до начала XXI века, а также отечественной интеллектуальной исследовательской средой.

Историографию отличает как диалектическое единство предметной области и методологического инструментария, так и множественность использования различных методов, которые в своей совокупности отвечают за конструирование прошлого, отыскание закономерностей развития теоретико-исторического знания. Анализ научной теоретической, методологической и историко-правовой литературы позволяет определить следующие сложившиеся *значимые условия изучения политико-правовых идей (контексты) и выделить подходы*, применяемые в историографических исследованиях⁵.

Значимые условия осмысления политико-правовых идей (контексты). Учения о праве, политике и государстве невозможно рассматривать изолированно от исторического времени, политической ситуации и многих других факторов, которые в своей совокупности помогают сформировать наиболее объективные смыслы данного учения. За формирование соответствующих контекстов в современной историографии во многом отвечают полученные научные знания других наук, которые выполняют роль дополнительного инструментария познания в корреспондирующих социо-гуманитарных областях. Контексты⁶ во многом выполняют субсидиарную роль по отношению к тексту самого учения, отвечают за конструирование прошлого во всей своей совокупности, представляя его как сложную совокупность взаимосвязанных элементов. Следовательно, знание в истории политических правовых учений может добываться посредством обращения общественно значимым условиям, после чего преобразовываться в теоретическую предметную область юридической науки. Причем, важным является интерпретация соответствующего исторического знания юридической наукой поскольку она, конечно, может анализировать отдельные исторические факты, но, например, понимание когнитивных механизмов в историографии ей не доступны. Поэтому очень важным является солидарность в вопросах научных исследований и разработок с точки зрения отдельных исследований, что предполагает комплексность в исторических исследованиях. Здесь же возникает трудность интерпретации и согласования результатов текста и контекста изучаемого учения. При такой постановке вопроса, можно утверждать, что методологическое обогащение истории политических и правовых учений историографическим инструментарием будет способствовать получению новых данных об истории идей о государстве, политике и праве, что вызовет ряд проблем, которые потребуют своевременного разрешения. На актуализацию данного направления и обозначения новых проблем во многом и направлена публикуемая статья.

Общественные условия развития исторической науки выступают определяющим контекстом, задающим общий вектор движения исторического знания. Множественные факторы и акторы социальной жизнедеятельности общества обуславливают развитие исторической науки как сформировавшейся институции. В рассматри-

¹ По мнению профессора Н. В. Иллерицкой высшая познавательная функция историографии заключается в обнаружении механизма историографического творчества. *Иллерицкая Н.В.* Теория и практика современной историографии. М., 2020. С. 134.

² *Слобожанинов О. К.* Наука энциклопедии права в Российской империи в период с XIX века по 1917 г. // Genesis: исторические исследования. 2020. №5. С.122-140.

³ *Неволин К.* Энциклопедия законоведения. Т.1. Киев, 1839.

⁴ В европейском научном знании проблемы истории мысли о политике, праве и государстве рассматриваются преимущественно в рамках философского осмысления. В современном отечественном юридическом образовании история политических и правовых учений является юридической наукой.

⁵ *Шеуджен Э. А.* Историография. История исторической науки. Курс лекций. Майкоп, 1999. С. 3 -21; *Зевелев А. И.* Историографическое исследование: методологические аспекты: Учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». М., 1987. С. 5, 13, 18; Великая цепь бытия: История идеи. М., 2001. С. 15, 19, 26.

⁶ Контекст [от лат. contextus - сплетение, соединение] - совокупность причин, обстоятельств, влияющих на существование и развитие каких-л. явлений, ситуаций и т. п. См.: Толковый словарь Ефремовой. URL: <https://www.efremova.info/word/kontekst.html#Xui8QKsuc2w> (дата обращения 16.06.2020 г.)

ваемой науке политико-правовое учение традиционно осмысливается в виде политико-правовой доктрины¹ (структурного спектра учения²), которая является методологическим инструментом ее познания, именно предметного юридического описания и соответствующего научного отношения. Социальное нормирование, отношение к религии, экономическое развитие во многом влияют на объем, характеристику и направления развития науки в целом. Историческая наука во многом выбирает в себя социально-культурный контекст общества и воспроизводит его в историческом знании путем использования соответствующего языка, инструментов познания мировоззренческого уровня, ресурсов изучения исторической действительности и т. д. В таком общем подходе к истории политико-правовых идей проявляется *культурно-познавательный контекст системы*, который выступает в качестве определяющего инструмента с точки зрения структуры, содержания и языка учения через соответствующие механизмы влияния «парадигмы» научного знания, слой воспринятых философско-методологических и универсальных обществоведческих представлений и совокупности циркулировавших на момент создания учения абстрактных политико-теоретических понятий, имевших в то время хождение³. С другой стороны, в современной исторической науке подчеркивается, что оценка работ, созданных на предшествующих этапах, с позиций современных знаний может проходить только по таким методологическим принципам⁴. Как верно указывал в свое время О. Э. Лейста политические и правовые учения более всего связаны с политико-правовой областью духовной и материальной жизни общества, так как любое учение о государстве, праве, политике разрабатывается с учетом современной ему политико-правовой действительности, которая обязательно отражается в самом, казалось бы, абстрактном теоретическом построении⁵. Так, сочетание культурно-исторического контекста настоящего и прошлого учитывается, с одной стороны, в понимании настоящего, тех фундаментальных основ, на которых строится современное знание, а, с другой стороны, ориентируется на культурно-мировоззренческие смыслы исторического этапа. Именно поэтому современный этап историографии как направления в исторических исследованиях представляется собой не реконструкцию, а конструкцию событий прошлого. Таким образом, общественные условия, по сути, формируют логико-методологическую (философскую) основу учения, выступая в качестве общего фона развития политико-правовой мысли. В таком отношении понимание контекстного уровня развития общества и функционирующего в нем мировоззрения науки поможет определиться с рамками методологического основания самого учения, сопоставить его с условиями развития общественного сознания в целом. При таком подходе получается, что учение не может выходить за рамки мировоззренческих оснований того времени, в котором такое учение создано.

Осмысление процесса накопления знания о человеческом обществе раскрывает основные закономерности качественного и количественного развития исторической информации, которое способствует пониманию происходящих процессов на «линейной шкале» развития исторической науки. А. И. Зевелев в этой связи указывает, что творения предшественников живут в мышлении последующих поколений исследователей в большинстве случаев в переработанном и обогащенном виде, вследствие предъявления новых требований к знанию, вытекающих из изменившихся исторических условий⁶. Накопленная информация вызывает в научном сообществе задачу по ее обработке и комплексному осмыслению. Осмысление научной информации, с одной стороны, позволяет активизировать разработку новых направлений исследований и не обращаться к уже разработанным, а с другой стороны - пересмотреть процессы проведенных исследований, выявить методологические ошибки и обратиться к ним вновь. Формирующаяся научная информация о политико-правовой мысли выступает катализатором процесса развития идей права, политики и государства. Выступая источниковыми основаниями во многих учениях основные политико-правовые идеи становятся частью правовой культуры общества и выступают в качестве информационного основания учений. При таком рассмотрении состоявшееся и рассматриваемое учение является закономерным продолжением предыдущей мысли. Использование такого инструментария позволяет оценивать политические идеи как новые, относительно новые или неновые. И в случае неясности смысла учения привязываться к содержанию прошлых учений, на основании которых строится новая мысль.

Процесс формирования проблем исторической науки показывает движение и развитие исторического знания применительно к проблематике конструирования исторической действительности. Понимание схем и моделей описания, конструкций исторических событий вызывает комплекс множественных сложностей фактологического и методологического характера. Поиск проблем исторической науки позволяет выявить телеологическую направленность исследований и проблематику методологического аппарата науки конкретного этапа. Проблема поиска универсального, наиболее объективного и целостного понимания права, политики и государства – это то, что объединяет всех исследователей политико-правовой мысли. К примеру, проблема понимания права в историографии политико-правовой мысли досоветского периода во многом формировалась в русле соответствующих подходов (теорий), где ставилась проблема определения права с позиций философии, догматики и науки, а в последующем – примирения основных теорий права у А.С. Яценко⁷ и прагматического отношения к праву у Б. А. Кистяковского⁸. В вопросах правопонимания советского периода просматривается во мно-

¹ См. подробнее: История политических и правовых учений. Учебник для вузов / под ред. О. Э. Лейста. М., 2006. С. 2-4.

² См. подробнее: Графский В. Г. История политических и правовых учений: Учебник для вузов. 3-е изд., доп. М., 2009. С. 20-25.

³ Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль / Графский В. Г., Грацианский П. С., Деев Н. Н., Лазуренко В. Д. М., 1976. С. 51.

⁴ Иллерицкая Н.В. Указ. соч. С. 46

⁵ История политических и правовых учений. Учебник для вузов. С. 4.

⁶ Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты ... С. 88.

⁷ Яценко А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1914. С. 83.

⁸ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 317.

гом отдаление от сформированных направлений типов правопонимания, а начало XXI века показывает несформированность данных подходов. Отсюда совершенно другая постановка проблемы его понимания от согласования понимания права с идеологическими марксистскими основаниями до осмысления права в философском ключе. Таким образом, проблематика истории политических и правовых учений является необходимым целевым ориентиром для токования учений о праве, политике и государстве и показателем состояния и развития юридической науки в целом.

Институциональные условия исторической науки раскрывают организационные основания появления, формирования и развития знания об истории юридической доктрины. Роль и значение знаковых научных учреждений и институций препарирует систему организационных оснований развития исторической науки в системе отношений и социального нормирования историко-теоретической научной коммуникации. Идеи государства, политики и права могут вполне рассматриваться в контексте функционирующих юридических научных институтов, которые создают свои традиции, особенности и направленность исследований. Такие знаковые центры в области юридических исследований как Московский университет (С. А. Муромцев), Санкт-Петербургский университет (Н. М. Коркунов), Казанский университет (Г. Ф. Шершеневич) создали уникальные образовательные и научные центры, которые являются основными механизмами воспроизводства и передачи добываемых знаний о праве, политике и государстве. К примеру, в научной литературе отмечается, что на протяжении XIX столетия в Санкт-Петербургском университете происходила постепенная трансформация курса естественного права в курс философии права¹, что обусловило формирование соответствующего отношения к поднимаемой тематике. Таким образом, институциональные основания истории политических и правовых учений во многом показывают зависимость развития политико-правовой мысли от традиций университетского образования и помогают выработать соответствующее отношение к соответствующим источникам учения.

Идеологический контекст изучения политико-правового учения является фундаментальным мировоззренческим основанием в юридических исследованиях поскольку по оценкам известного английского исследователя Дениса Ллойда в идеи права неизбежно отражаются наши общие воззрения на место человека в окружающем его мире². Изучение политико-правовых идей с позиции влияния идеологии просматривается довольно отчетливо и у профессора Квентина Скиннера³, которая, по его мнению, выступает основанием и двигателем политико-правовых идей. Так, материалистическая философия показывает, что между политико-правовой идеологией и содержанием учения имеется тесная взаимосвязь, которая проявляется во взаимовлиянии как на процессы, происходящие в интеллектуальной среде, так и в обратном влиянии на содержание политической теории, выражающиеся в оценке действительности. Во многом материалистическая теория обосновывает и причинность идеологического аспекта подавляющим влиянием мыслями господствующего класса⁴. Действительно, понимание права и государства сильнейшим образом опирается на политические представления о его роли и значении в жизнедеятельности общества. Существующие взгляды идеологического контекста во многом способствуют рассмотрению назначения права и государства в общественных структурах в целом. Именно поэтому, многими исследователями отмечается либеральная направленность дореволюционного периода политико-правовой мысли и классовая сущность понимания государства и права советского периода. Расклад политико-правовых сил в вопросах и выраженных в них политических институтов во многом может пролить свет на специфику смысла текста источника политико-правовой мысли. К примеру, принадлежность Председателя I Государственной думы С.А. Муромцева к партии кадетов вполне может характеризовать его учение как либеральное, а сущность права с позиции свободы. Однако, напрямую исходя из источников его политико-правовой мысли такое понимание не выводится. Именно поэтому сочетание историографических подходов требует самостоятельного исследования и внимательного рассмотрения.

Собственно подходы к изучению политико-правовых идей вбирают в себя методологию современных наук и являются необходимым познавательным инструментарием в исследовании политико-правовой мысли.

Изучение источникового основания исторических исследований и используемого методологического инструментария как составная часть научного исследования в принципе, способствует осознанию специфики предметной области истории как всей линии исторической науки, так и отдельных направлений исторических исследований. Источниковая база исторической науки выполняет функцию получения научной информации, соответствующей источниковедческим принципам⁵ и основаниям включаемых историческую науку исследовательских данных. Источниковедение выполняет важную роль в историографических исследованиях поскольку от разновидности соответствующего источника зависит оценка полученной информации. В самом общем виде источники политической и правовой мысли можно представить как носители информации, содержащие взгляды, оформленные в доктрину о государстве, праве, политике. Художественные произведения, научные произведения, учебная литература, частная переписка, собственно политико-правовые сочинения (трактаты) являются

¹ Осипов И. Д. Философия права в Петербурге // Философия в Санкт-Петербурге: Справочно-энциклопедическое издание. 1703-2003 / отв. ред. А. Ф. Замалеев, Ю. Н. Солонин. СПб., 2003. С. 237.

² Иллерицкая Н.В. Указ. соч. С. 14.

³ Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Volumes one: The Renaissance. С. 12-13.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966. С. 59.

⁵ Кодан С. В. Понятие методологических принципов юридического источниковедения и их место в формировании источниковой базы научного исследования // Юридическая техника. 2020. №14. С. 21-28.

совершенно различными источниками информации о политико-правовых идеях. Классическим вариантом отношения к художественным источникам политико-правовой мысли является «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева¹. Особенностью данных произведений, как представляется, является описание контекста определённой эпохи, которое помогает понять идеологический контекст времени и самого произведения. Как правило, в литературных произведениях дается оценка политической действительности², через которую концептуализируется идеальное представление о государственно-правовом устройстве и способах их достижения. Например, А. Н. Радищев критически оценивает самодержавие, крепостное право и полагает о необходимости просвещения угнетенного класса крестьян. Сложности выявления смысла в художественной литературе определяется тем, что та или иная часть доктрины описывается посредством большого количества литературного текста и постигается читателем по прочтении всего произведения или его большей части. Научная литература в данном классификационном ряду связывается не с типом научной рациональности (следует сказать, что и зависящим от него), а предъявляемыми к научным исследованиям правилам описания процесса научного исследования, использования понятийного аппарата, строгости изложения текста, формальности, основных выводов и результатов. Вопрос отнесения того или иного произведения к научным является спорным, но все же позволяет выделить большинство современных произведений как европейского, так российского правоведения с опорой на появление юридической науки, прежде всего, в аспекте такого правила, как технического описания научного исследования. В познавательном плане юридические научные исследования имеют наибольшую ясность, точность и представлены для узкого круга читателей (ученых). Источниковая база политико-правовой мысли в учебной литературе³ концентрируется в фокусе авторов для целей формирования профессионального правосознания юристов. Указанная цель опосредует особый характер и изложение политико-правового учения. С точки зрения информационного подхода к данным источникам данные произведения показывают отражение в сознании юристов политических учений прошлого и их оценку. Например, Б. Н. Чичерин дает весьма интересную оценку юридического мышления космологического периода Древней Греции, которое еще не получило самостоятельного развития⁴. Кроме того, особенностью такого источника является и то, что в нем фактически концентрируются знания о политико-правовой мысли. Таким образом, источниковедение является самостоятельным направлением исследований контекста политико-правового учения, ведущего к соответствующему подходу историографии и задающему смысловую нагрузку учения.

Библиографическое направление историографии характеризуется совокупностью исследовательских данных в отношении проблем исторической науки. Понимание процессов использования накопленного знания о проблематике предметной области исследований показывает в тесной взаимосвязи с источниковедением каким образом научная информация участвовала в формировании картины мира историков и конструирования ими моделей реальности прошлого. Наличие необходимой информационной основы в юридических исследованиях являются важными с точки зрения ресурсных оснований юридической науки. В изучении политико-правовых идей на первоначальном этапе становления истории политических и правовых учений сильное влияние оказывала зарубежная литература (в основном немецкая). Во многом отечественная традиция историографии истории политических и правовых учений на начальном этапе выстраивалась на основании зарубежной литературы и в последующем во многом антагонистического отношения ко многим вопросам. На этом основании в начале XX века и была создана во многом уникальная отечественная политико-правовая мысль. Советское же время во многом может быть охарактеризовано с позиций недостаточности современной тому времени западной литературы. Отсутствие доступа источниковой основы зарубежной (буржуазной) научной литературы во многом не обеспечивало должную востребованность в политико-правовом знании. Таким образом, понимание механизмов передачи научной информации во многом влияет на содержание как самого учения, так и процессов историографического творчества в соответствующих областях политико-правовой доктрины.

*Изучение произведений историка-исследователя с учетом социальной среды и его личности*⁵ является одним из знаковых направлений методологического инструментария в историографии применительно к следующей схеме: историографический факт - историографический источник – их осмысление историком – изучение историографом через проекцию историка, его мотивов, целей и задач исторического факта. Такое осмысление прошлого через «опосредованное» восприятие помогает через особенности отдельной личности получить значимые исследовательские данные. Немаловажное значение имеет понимание социальной среды, в которой работал ученый, изучение социальных норм корпорации научных исследователей, интеллектуальной среды научного сообщества исследователей данного направления, а также общего «фона» социальной жизни, при которых создается историческое произведение. Историография во многом функционирует через действия субъекта – историографа, его социальных взглядов, пристрастий и т. д., которые не могут не сказаться на формировании

¹ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1992.

² Кодан С. В. Художественная литература и история государства и права России: грани взаимодействия // Российский юридический журнал. 2015. №6. С. 36.

³ См. например: Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Т.2. М., 1896; *Его же*. Политические мыслители древнего и нового мира. Т.2. 1897; Лившиц А. С. Краткий курс по энциклопедии права (По произведениям профессора Л.И. Петражицкого). СПб., 1908; Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1911.; Коржунов Н. М. Лекции по общей теории права. 5-е изд. М., 1917. С. 109; Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права. Ч.1. М., 1877; Петражицкий Л. И. Краткий курс по энциклопедии права. М., 1908.

⁴ Чичерин Б. История политических учений. Ч.1. Древность и Средние века. М., 1896. С. 20.

⁵ Тимофеева А.А. Советское государство и право: методология и историография проблемы // История государства и права. 2010. №20. С. 10 - 13.

историографических концепций, идей, взглядов и т. п.¹. Личность исследователя в отношении вопросов права, политики и государства имеет важное значение. С помощью данного подхода становится возможным понять целевые установки автора, которые служат необходимыми ориентирами фактора личности в историографии создаваемых им политико-правовых идей.

Отдельное внимание учеными истории политико-правовой мысли уделяется и *историческому подходу (принципу историзма)*, который по мнению исследователей применяется для уяснения роли и назначения концептуально оформленных политических и государственно-правовых теорий в совокупной системе знаний той или иной эпохи, для анализа соотношения политических учений с другими элементами в общей структуре политических знаний соответствующей эпохи, прослеживания связей между различными концепциями прошлого и современности, освещения генезиса и последующей жизни той или иной теории в исторической ретроспективе и перспективе, анализа специфической логики в истории политических учений, связей политических учений и пр.². При такой постановке проблемы политико-правовые идеи концептуализируются в программной части политико-правовой доктрины. Основной характер учения определяет его направленность и связность понятийным аппаратом доктрины и концептуально оформленной частью. Концептуально оформленная часть учения, как правило, входит в программы институциональных элементов политической системы, которые в дальнейшем их реализуют, придя к публичной власти. Поэтому рассмотрение учений с позиций исторических процессов является важным с точки зрения линии исторических событий и их детерминации различными представлениями о праве, государстве и политике как инструменте, цели, ценности и т. д. В данном отношении историография политико-правовой мысли тесно связывается с предметной областью истории государства и права как институционального оформления и воплощения во внешних формах права основных положений учений. В такой проекции основное содержание форм права может рассматриваться во взаимовлиянии политико-правовой мысли на внешние проявления права в исторической проекции.

Свою специфику приобретает и такое направление в историографии как *«история понятий»*, при помощи которого задается смысловое единство современности и той эпохи, в которой данные понятия формулируются и включаются в юридический дискурс политико-правовой теории. Лингвистическое направление в историографии позволяет показать принципиальные смыслы политико-правовой идеологии и их выражение в категориальном аппарате интеллектуальной научной истории. Весьма важным в данном вопросе является не конкретно историческое смыслообразование конкретного юридического понятия, а его формирование, изменение, приспособление к различным научным практикам. К примеру, сложившаяся в начале XX века в отечественной юриспруденции традиция разделения права в объективном и субъективном смысле свойственна многим ученым-цивилистам, во многом занимающимся социальным направлением юриспруденции³. Такое сформированное понимание права во многом повлияло, в том числе, на зарождение позитивизма (права как совокупности норм) и пониманию права в психологической теории Л.И. Петражицкого как императивно-атрибутивных переживаний (явлений⁴) субъективного порядка, противоположного объективному праву, нормам⁵. Следовательно, история понятий выполняет важное значение в смыслообразовании структурных компонентов как самого учения, так и развития отдельных элементов истории доктрины поскольку от смыслового значения слов учения формируется прямая зависимость к его пониманию.

История памяти («живая память»⁶) становится перспективным направлением исследований, связанных, с психологическими процессами и проявлениями в обществе, правосознания и мышления научного и профессионального юридического сообщества, а также происходящих государственно-правовых идеологических преобразований. Процессы переживания истории представляют собой рациональную и иррациональную психоэмоциональную реакцию человека, основанную в идеологическом и знаниевом компоненте в структуре правосознания. Изучение места и значения совокупных переживаний политико-правовых идей в правовой идеологии и правовой системе государства раскрывает процесс переживания истории идей о государстве, политике и праве как ее необходимое социокультурное основание. Данное направление в историографии показывает рациональный аспект оценки политико-правовых идей прошлого, который присущ именно узкому слою профессионально мыслящего класса юристов, которые в происходящих процессах переживания истории идей рефлексивно осмысливают и развивают государственно-правовую действительность, формируют ценностные установки профессионального юридического сообщества и генетически воспроизводят знания о механизмах профессиональных мыслительных процессах, сохраняя профессиональную правовую культуру и социокультурное идеологическое своеобразие своей правовой системы. К примеру, понимание права как возведенной в закон воли правящего класса еще долго будет находиться и оцениваться исторической научной памятью и приводится в качестве аргументов для обоснования различных политико-правовых теорий. Таким образом, переживание истории политико-правовых идей вполне может рассматриваться в историографии как фактор выражения в правосознании интеллектуального сообщества вопросов формирования отношения к идеям права, политики и государства.

¹ Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты ... С. 85

² Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль. С. 85-87.

³ Учебник гражданского права / под ред. Е. В. Васьковского. М., 2003. С.44; Анненков К. Н. Система русского гражданского права. Т.1. Введение и общая часть. М., 1899.

⁴ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности в 2 ч. Ч.1. М., 2020. С. 103.

⁵ Там же. С. 192.

⁶ Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль. С. 9

Когнитивно-психологический подход в историографии показывает каким образом осуществлялось интеллектуальная мыслительная деятельность в решении основных проблем юридической науки. Мышление выступает необходимым основанием возникновения науки как таковой поскольку в основании возникновения юридической науки по мнению Н. Н. Тарасова лежит именно профессиональное правосознание и мышление юристов, как особых носителей юридического знания и обладающих особым способом помыслить право¹. Мышление носителей юридических знаний является также первоосновой восприятия государственно-правовой действительности и решения теоретических и практических задач этапа развития научного знания. Поскольку, учение – это всегда набор смыслов, выраженных в языковой знаковой форме, т. е. текст, то он может рассматриваться как продукт процессов мышления, оформление и след процессов мышления². В этой связи можно смело утверждать, что по своей сути политико-правовая идея выступает продуктом мышления, она оформляется и включается в действующую идеологическую систему отношений посредством источника политико-правовой мысли. Следовательно, знание представляют политико-правовые идеи, а процессы, ведущие к появлению этих идей - продукт мышления эпохи. Актуализируя значение истории философских учений, Н. М. Коркунов указывал, что для юриста изучение политико-правовых теорий требуется «для сознательного усвоения готовых выводов науки. Для полного научного объяснения явлений общественности, - поучительно указывал Н. М. Коркунов, необходимо принимать во внимание и то, как относятся к ним люди, как думали и думают о них»³. Именно поэтому здесь следует привести очень примечательное размышление Г. П. Щедровицкого о том, что «все то, что мы с вами делаем сегодня, каждый раз участвуют и Аристотель, и Галилей, и Гегель; они работают вместе с нами»⁴. Именно поэтому первостепенным и значимым является не только изучение политико-правовых идей, выраженных в учении, но и опосредованное восприятие порядка мышления автора учения как выразителя эпохи, через текст источника которого воспринимается определённый порядок помыслить государство, политику и право. Именно способы размышления, рассуждения, оперирования о праве, политике и государстве выступают теми вещами, определяющими юридическое мышление, которое накапливается и передается от поколения к поколению юристов⁵, сохраняя и поддерживая в работоспособном состоянии правовую систему. Следовательно, мышление рассматривается в историографии как показатель сформированного особого типа отношения к идеям политики, праву и государству и помогает определить способ их восприятия и обоснования в системе всего учения.

Таким образом, значимые историографические контексты и подходы в изучении истории политических и правовых учений как отдельно, так и в своем содержательном единстве могут выступать инструментами познания политико-правовых идей. Общественные условия функционирования науки являются определяющим контекстом, в который позволяет понять фундаментальные основания политического и правового учения, привязаться к внешним объективным факторам развития общества и, прежде всего, социокультурным основаниям, которые выражаются в мировоззрении эпохи. Идеологическое многообразие, политическая система, показатели исследовательских центров правоведения, особенности интеллектуальных каналов научной коммуникации, доступ к научной информации – необходимые субсидиарные инструменты познания, в которых учения приобретают необходимую смысловую оформленность и значимость. Научная этика и целевая направленность интеллектуальной творческой интеллигенции являются основными саморегулируемыми системами, которые во многом определяют функциональную направленность научного правового знания об идеях права, политики и государства. Юридическое мышление в историографии является весьма перспективным направлением исследований, поскольку при помощи обращения к тексту учения становится возможным понимать и определять основные способы решения проблем научного знания в когнитивных процессах интеллектуальных генераторов научного познания. При понимании таких мыслительных процессов открываются огромные возможности для фундаментального теоретического описания политико-правовых идей прошлого как продуктов профессионального правосознания и мышления юристов. Применительно к изучению механизмов формирования историографического творчества в вопросах осмысления учений одними из характерных направлений исследования являются процесс накопленной информации о праве, источниковая и библиографическая база для изучения политико-правовых идей. Указанные подходы выступают проводниками к правильному выстраиванию смысловых акцентов и значения политико-правового учения в истории научной юридической доктрины. Проведенное исследование показывает, что весьма важными в практическом плане научных практик являются вопросы выборки обозначенных исследовательских подходов историографии, определения основных и вспомогательных, значимых и малозначительных, влияющих и не оказывающих влияние на содержание учений. Предполагается, что основными ориентирами в решении данных вопросов должны выступать следующие подходы к применению указанных подходов. Общественные условия функционирования науки являются фундаментальными условиями, специфическими для всего научного знания, поэтому привязка к таковым контекстам должна происходить с учетом специфики юриспруденции в вопросах влияния на историю доктрины юриспруденции. Основополагающими инструментами в вопросах осмысления историографического творчества могут выступать культурно-познавательный контекст системы, идеологический контекст и когнитивно-психологический подход, которые позволяют выделять специфику именно юридического познания. Изучение источникового основания исторических исследований и библиографическое направление в историографии оказывают вспомогательную функцию в вопросах поиска источников информации о содержании политико-правового учения. Такие контексты как осмысление процесса накопления знания о по-

¹ Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции: учебное пособие для вузов. М., 2020. С. 30.

² Щедровицкий Г. П. Процессы и структуры в мышлении. Курс лекций. Из архива Г. П. Щедровицкого. Т.6. М., 2003. С. 65.

³ Коркунов Н. М. История философии права. Пособие к лекциям. Изд. 6. С.-Петербург, 1915.

⁴ Щедровицкий Г. П. Указ. соч. С. 260.

⁵ Тарасов Н. Н. Указ. соч. С. 39.

литико-правовых идеях, институциональные условия исторической науки и процесс формирования проблем исторической науки проявляет в историографии основополагающие аспекты движения политико-правовой мысли и направленности ее изучения, что обуславливает привязку к целевым показателям, которые могут являться субсидиарными в вопросах смолообразования учений.

Библиография

- Skinner, Q.* The Foundations of Modern Political Thought. Vollume one: The Renaissance.
- Анненков, К. Н.* Система русского гражданского права. Т.1. Введение и общая часть. 1899.
- Графский, В. Г.* История политических и правовых учений: Учебник для вузов. 3-е изд., доп. М., 2009.
- Дигесты Юстиниана. М., 1984.
- Зевелев, А. И.* Историографическое исследование: методологические аспекты: Учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». М., 1987.
- Иллерицкая, Н. В.* Теория и практика современной историографии. М., 2020.
- История политических и правовых учений. Учебник для вузов / под ред. *О. Э. Лейста*. М., 2006.
- Кистяковский, Б. А.* Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.
- Кодан, С. В.* Понятие методологических принципов юридического источниковедения и их место в формировании источниковой базы научного исследования // Юридическая техника. 2020. №14.
- Коркунов, Н. М.* История философии права. Пособие к лекциям. Изд. 6. С.-Петербург, 1915.
- Коркунов, Н. М.* Лекции по общей теории права. 5-е изд. М., 1917.
- Лившиц, А. С.* Краткий курс по энциклопедии права (По произведениям профессора Л.И. Петражицкого). СПб., 1908.
- Маркс, К., Энгельс, Ф.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966.
- Муромцев, С.А.* Очерки общей теории гражданского права. Ч. 1. М., 1877.
- Неволин, К.* Энциклопедия законовения, Т.1. Киев, 1839.
- Осипов, И. Д.* Философия права в Петербурге // Философия в Санкт-Петербурге: Справочно-энциклопедическое издание. 1703-2003 / отв. ред. А. Ф. Замалева, Ю. Н. Солонин. СПб., 2003.
- Петражицкий, Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности в 2 ч. Ч.1. М., 2020.
- Петражицкий, Л.И.* Краткий курс по энциклопедии права. М., 1908.
- Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль / *Графский, В. Г., Грацианский, П. С., Деев, Н. Н., Лазуренко, В. Д.* М., 1976.
- Радищев, А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1992.
- Слобожанинов, О. К.* Наука энциклопедии права в Российской империи в период с XIX века по 1917 г. // Genesis: исторические исследования. 2020. №5.
- Тарасов, Н. Н.* История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции : учебное пособие для вузов. М., 2020.
- Тимофеева, А. А.* Советское государство и право: методология и историография проблемы // История государства и права. 2010. №20.
- Толковый словарь Ефремовой. URL: <https://www.efremova.info/word/kontekst.html#.Xui8QKsuc2w> (дата обращения 16.06.2020 г.)
- Учебник гражданского права / под ред. *Е. В. Васильковского*. М., 2003.
- Хрестоматия по истории России: в 4 т. Т.2. М., 1995.
- Честнов, И.Л.* Современное состояние науки истории политических и правовых учений // История государства и права. 2009. №7.
- Чичерин, Б.* История политических учений. Ч.1. Древность и Средние века. М., 1896.
- Чичерин, Б. Н.* Курс государственной науки. Т.2. М., 1896.
- Чичерин, Б. Н.* Политические мыслители древнего и нового мира. Т.2. М., 1897.
- Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. М., 1911.
- Шеуджен, Э. А.* Историография. История исторической науки. Курс лекций. Майкоп, 1999.
- Щедровицкий, Г. П.* Процессы и структуры в мышлении. Курс лекций. Из архива Г.П. Щедровицкого. Т.6. М., 2003.
- Яценко, А. С.* Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1914.

И. Л. Честнов,
доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

Аннотация: В статье показаны перспективы диалогической методологии истории политических и правовых учений. Такая методология предполагает дополнительность анализа намерения автора и контекста. Исторический текст приобретает двойную рефлексивность и интерпретируется как с точки зрения автора, так и читателя.

Ключевые слова: методология истории политических и правовых учений; диалогизм; диалогическая методология.

I. L. Chestnov,
Doctor of Law,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

DIALOGICAL METHODOLOGY OF THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES

Abstract: The article shows the prospects of the Dialogic methodology of the history of political and legal doctrines. This methodology requires additional analysis of the author's intent and context. The historical text acquires a double reflexivity and is interpreted both from the point of view of the author and the reader.

Keywords: methodology of the history of political and legal doctrines; dialogism; Dialogic methodology.

Состояние методологии истории политических и правовых учений характеризуется отсутствием серьезных исследований в этой области. В результате методология истории политических и правовых учений явно отстает от исторической науки, в которой активно развиваются такие оригинальные научные направления, как история ментальностей, микроистория, новая интеллектуальная история, историческая антропология и др. В результате в большинстве учебников по истории политическим и правовым учениям воспроизводится практически один и тот же материал, который подается описательно, некритически. Так, авторы даже весьма содержательных работ, в подавляющем большинстве, не рефлексиируют по поводу критериев отбора и оценки тех или иных мыслителей прошлого.

Ситуация усугубляется ко всему прочему тем, что методология юриспруденции сегодня находится в состоянии радикального плюрализма. При этом выбор того или иного методологического направления не имеет «единственно верного» критерия, что не свидетельствует о равноценности всех методологий. Полагаю, что наиболее перспективной и плодотворной является диалогическая научно-исследовательская программа, развиваемая М.М. Бахтиным, А.С. Ахиезером, В.С. Библером, Л.М. Баткиным, А.Я. Гуревичем, Ю.М. Лотманом.

На сегодняшний день, на мой взгляд, можно выделить два основных направления в рамках диалогической методологии. Первое – *экзистенциальное (или философское)*, представленное классическими работами М.М. Бахтина, М. Бубера, О. Розеншток-Хюсси и других основоположников этого направления. Диалог тут выступает средством самоидентификации через соотнесение и различение (в результате соотнесения) с другим. Главная проблема, с которой сталкиваются представители этого интереснейшего течения – выражение социального через индивидуальное и научное обобщение уникального. Второе направление – *семиотическое*, представленное, в основном, структурной лингвистикой. Тут акцент делается на исследовании механизмов коммуникации, обмена сообщениями, что, с их точки зрения, и выражает суть диалога. Не слишком ли в таком случае обедняется содержание диалога? Именно такие претензии высказывал М.М. Бахтин Ю.М. Лотману.

На мой взгляд, если абстрагироваться от крайностей обеих подходов, то можно их в определенном смысле синтезировать, соединив психологию и социологию, индивидуальное и коллективное. Собственно, *суть диалога*, на мой взгляд, *и есть механизм снятия, взаимоотношения, взаимоперехода одной антиномии в другую, носителями которых являются конкретные индивиды*. При этом полюса целого не уничтожаются, но проявляются (может быть, укрепляются) в полноте всех своих потенциалов (именно благодаря несхожести с другим полюсом). В частности, механизм соотнесения индивидуального и коллективного (суть господствующие представления, как правило, о должном порядке вещей) – это, с одной стороны, социализация личности, а с другой стороны, - инновационная деятельность уже «социализированной» личности.

Диалог – это всегда соотнесения индивидуальной интенции, самости с интенцией, самостью Другого. Это предполагает принятие и признание точки зрения Другого и неуниверсальности собственной позиции. В то же время Другого следует рассматривать, как минимум, в двух аспектах: как личностную индивидуальность, во-первых, и как носителя безличностных качеств, включая сами по себе «безличностные качества» как абстрактную их идею¹, во-вторых. При этом в большинстве случаев (хотя и не всегда) неповторимая индивидуальность и абстрактная идея пересекаются, когда идея персонифицируется. Более того, суть индивидуальной социализации и есть соотнесение самости с абстрактными идеями, господствующими в обществе. Отделить

¹ Серьезной проблемой является экспликация коллективных идей: существуют ли они «сами по себе», вне и без конкретных их носителей? Очевидно, что без знакового носителя никакая идея не может существовать. Более того, в социальном мире коллективная идея (норма, ценность, образ и т.д.) существует только тогда, когда воспроизводится действиями и ментальными образами конкретных людей.

один аспект (самость) от другого (абстрактная идея, структура) можно только аналитически. В этом смысле справедливы утверждения постструктуралистов о «смерти субъекта» - то есть, его «растворении в структуре», о том, что не мы говорим с помощью языка, а язык говорит нами.

Диалогическая методология истории политических и правовых учений может быть конкретизирована *программой двойной критики (рефлексии)*. Во-первых, *критика исторического источника (текста)*. Тут необходимо прояснить, насколько возможно, намерение автора, с одной стороны, и оценку этого текста современниками (жителями той эпохи). Другими словами, - рассмотреть диалог автора и контекста эпохи (например, показать, почему современники Монтескье «увидели» лишь несколько страниц его объемного трактата «О духе законов», на которых излагалась практика английского разделения властей, хотя сам он не придавал им такого большого значения). Во-вторых, - *самокритика (или метарефлексия)*, то есть критика самого автора – сегодняшнего историка, его личностных, биографических особенностей, идеологических и научных пристрастий и господствующих сегодня в этой культуре понятий, используемых для описания прошлого. То есть рассмотреть диалог автора и социально-культурного контекста эпохи уже сегодняшнего дня. В-третьих, - *соотнесение особенностей первого диалога и второго*, то есть особенностей текста, исследуемого в исторической ретроспективе, и современности. Такая взаимодополнительность анализа намерений автора и контекста характерна, в частности, для «Новой интеллектуальной истории» выдающегося английского историка «Кембриджской школы» К. Скиннера².

Таким образом, можно утверждать, что *история, которая дана нам исключительно как знание о прошлом, представляет собой диалог*. Такой диалог, как справедливо утверждает А.Я. Гуревич, - это вопрошание прошлого от имени современности³. Более того, этот диалог интенционально направлен в будущее. Прошлое перманентно переосмысливается с точки зрения меняющегося настоящего. «В свою очередь, - пишет Б.А. Успенский, - исторический опыт – то или иное осмысление прошлого – естественным образом оказывает влияние на будущий ход истории: в самом деле, исходя именно из подобных представлений, из подобного опыта, социум как коллективная личность строит программу будущего, планирует свое дальнейшее поведение»⁴.

Такое представление об истории политической и правовой мысли четко коррелирует с господствующими идеями постклассического науковедения. Одним из важнейших положений последнего является утверждение о том, что процесс научного познания не может быть сведен к субъект-объектному отношению, как со времен Декарта считалось в классической гносеологии, а предполагает включение субъект-объектного отношения в субъект-субъектные коммуникации. Тем самым постулируется ценностно-целевая установка процесса познания, неустранимость из него социокультурной, идеологической составляющей, включая научные предпочтения субъекта познания – члена научного сообщества, представителя соответствующей культуры, носителя определенной идеологии и т.д.⁵. Социальная и, следовательно, историческая реальность – это не данность, а конструкт, хотя и не произвольный. Несомненно, история – это не то, «что было на самом деле». Мы никогда не можем (и не сможем) быть уверенными, что именно так было «на самом деле», но это не значит, что в прошлом вообще ничего не было, а все прошлое – только наше воображение. Господствующие представления о прошлом, включая культурную память социума, неизбежно интерпретируются и репрезентируются историками⁶. При этом важно осуществить «вторую рефлексию» - критику самого себя в контексте референтной группы и социокультурного, в том числе, идеологического окружения. Другими словами, историк обязан честно заявить, что он придерживается таких-то определенных идеологических, культурных и научных предпочтений, так как от них во многом зависит именно такая, а не другая интерпретация прошлого.

Диалогичная природа текста (в нашем случае исторического текста) отстаивается методологией постструктурализма. Диалогичность текста, по мнению постструктуралистов, состоит во взаимообусловленности автора, получателя текста (или персонажа), читателя и письма, образованного культурным контекстом. Тем самым текст рассматривается как переплетение множества разнородных кодов, дискурсов. Он приобретает диахронную глубину, недоступную структуралистскому анализу, выступает памятью кодов культуры и является принципиально открытым, безграничным и постоянно обновляемым пространством, так как допускает добавление новых элементов и переструктурирование старых. Все это предполагает вариативность и множественность прочтений (интерпретаций) текста.

Вышеизложенное имеет прямое касательство к анализу истории учений о праве, понимаемых как текст. Постструктуралистский метод предполагает соотнесение намерения автора правового текста (его индивидуальный «голос») с кодом (кодами) культуры, выступающим синхронным и диахронным контекстом, во многом обуславливающим намерение автора и «голос» читателя – то есть способ его прочтения. Особую важность в

² Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. Vol. 8. № 1. P. 3-53.

³ Гуревич А. Я. «Территория историка» // Одиссей. 1996. С. 83.

⁴ Успенский Б. А. История и семиотика // Его же. Избранные труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд. М., 1996. С. 19.

⁵ Очевидная социокультурная обусловленность познавательного процесса, особенно в общественных науках, не должна приводить к другой крайности – представлению о том, что собственно эпистемологические факторы не играют никакой роли в этой деятельности. Такую позицию, в частности, разделяют представители «Эдинбургской школы» в социологии знания. – См.: Barnes V. Interests and the growth of knowledge. London, 1977; Bloor D. Knowledge and social imagery. London, 1976.

⁶ Это утверждение во многом созвучно «лингвистическому повороту» в историографии, произошедшему во второй половине XX в., акцентирующего, прежде всего, внимание на языке объекта исторического исследования. – См.: Clark E. History, Theory, Text: Historians and the Linguistic Turn. Cambridge, 2004.

современных условиях представляет задача выявления заимствований чужой, преимущественно западной, правовой культуры (институтов, норм и т.д.) и ее преломление (аккультурацию) в правовой культуре реципиента.

В то же время, как показал Ролан Барт, намерение автора и результат, то есть интерпретация текста читателем, никогда не совпадает. Читатель неизбежно входит в авторский текст, привносит в него себя⁷. Эта же мысль приводится Д. Ла Капрой: у сложного текста («великого», в его интерпретации) нет единого контекста; такой классический текст не может быть окончательно интерпретирован; история такого текста представляет собой конфликт интерпретаций⁸. Домысливая до логического завершения эту мысль, можно прийти к выводу, что историческая (и историко-правовая) наука «искажает» (конструируя) реальность прошлого дважды: современник того или иного события (летописец, очевидец реформ и т.п.) всегда избирательно, фрагментарно описывает это событие, а историк (представитель современной эпохи), воспринимающий прошлое с точки зрения сегодняшней культуры, «огрубляет» ее «в квадрате». Этот вывод имеет непосредственное отношение, например, к историческому толкованию политико-правовых текстов. Так, очевидно, что Платон, Аристотель или другой представитель античной политико-правовой мысли достаточно произвольно описывали существовавшую в то время политико-правовую реальность (при этом встает вопрос, а можно ли устройство античного полиса трактовать именно как политико-правовую реальность и использовать для этого категории современной социальной науки, например, классовая структура, элита, разделение властей и т.п.), включая в это описание проект ее преобразования (особенно это касается Платона). Отсюда неизбежен «конфликт интерпретаций» - различных оценок, точек зрения относительно политических и правовых учений классиков, которые никогда не могут претендовать на универсальность, единственную верность. В этой связи нельзя не согласиться с А. Мегиллом, по мнению которого история «может совершенно законно конструироваться разными способами. Это не означает, однако, что любая конструкция прошлого обоснована, /.../ не отменяет базовые эпистемологические правила историописания, а именно – не заставляет формулировать утверждения, вступающие в противоречие со свидетельством, и не вынуждает представлять как можно более правдоподобными те свидетельства, которые эти утверждения поддерживают»⁹.

Библиография

- Barnes, B.* Interests and the growth of knowledge. London, 1977.
Bart, R. Selected Works. Semiotics. Poetics. M., 1994.
Bloor, D. Knowledge and social imagery. London, 1976.
Clark, E. History, Theory, Text: Historians and the Linguistic Turn. Cambridge, 2004.
Gurevich, A. Ya. "Territory of a historian" // *Odyssey*. 1996.
La Capra, D. Rethinking intellectual history and rereading texts // *History and Theory*. 1980. Vol. 19.
Megill, A. Some considerations on the problem of truth evaluation // *Methods of comprehending the past: Methodology and theory of historical science* / ed. M. A. Kukartseva. M., 2011.
Skinner, Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // *History and Theory*. 1969. Vol. 8.
Uspensky, B. A. History and semiotics // *Uspensky B.A. Selected Works. T.1. Semiotics of history. Semiotics of culture*. 2nd ed. M., 1996.

⁷ См.: *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.

⁸ *La Capra D.* Rethinking intellectual history and rereading texts // *History and Theory*. 1980. Vol. 19.

⁹ *Мегилл А.* Некоторые соображения о проблеме истинности оценки // *Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки* / отв. ред. М. А. Кукарцева. М., 2011. С. 122-123. «Мы должны быть очень осторожны, рассуждая об «исторической истине». В отличие от естественных дисциплин, заявления об истине в исторической дисциплине не поддаются проверке и как результат содержат в себе спекулятивные утверждения. Лучше всего говорить об исторической истине как о том, что *не противоречит свидетельству*. Утверждения историка должны быть в некоторой степени intersubjectivными, он должен предлагать *историографическую истину*, которая может или не может корреспондировать с идеальной исторической истиной». – Там же. С. 118.

А. В. Корнев,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории государства и права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ГОСУДАРСТВО В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ)*

Аннотация: В статье анализируется дореволюционная историография, посвящённая проблемам государства. Исторический метод позволил проанализировать эволюцию политико-правовых взглядов на государство. Были изучены такие дореволюционные мыслители, как Б.Н. Чичерин, Н.Н. Алексеев, В.М. Гессен, Е.Н. Трубецкой и другие.

Ключевые слова: государство, дореволюционная историография, история политических и правовых учений, юридическая наука.

A. V. Kornev,
doctor of jurisprudence, professor,
Head of the Department of Theory of the State and Law
Of the Moscow State Law University, O.E. Kutafin (MGUA)

STATE IN THE CONTEXT OF PROBLEM HISTORIOGRAPHY (PRE-REVOLUTIONARY PERIOD OF THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES)

Abstract: The article analyzes the pre-revolutionary historiography dedicated to the problems of the state. The historical method made it possible to analyze the evolution of political and legal views on the state. Such pre-revolutionary thinkers as B.N. Chicherin, N.N. Alekseev, V.M. Gessen, E.N. Trubetskoy and others.

Key words: state, pre-revolutionary historiography, history of political and legal doctrines, legal science.

Государство представляет собой один из ключевых объектов изучения истории политических и правовых учений наряду с правом. Свой классический пятитомный труд Б.Н. Чичерин совсем не случайно назвал «История политических учений». Во-первых, это связано с тем, что сфера правового гораздо уже политического. Во-вторых, учения называются «политическими» потому, что в их рамках изучается главный политический институт – государство.

Любопытно, что являясь, в том числе и исторической наукой, история политических и правовых учений очень сильно проигрывает «классической» истории как раз в плане историографии. Собственно, историографические проблемы историю политических и правовых учений не особенно сильно затрагивали. Таким образом, историографические работы, так, как это понимают «природные» историки, можно пересчитать буквально по пальцам. Более того, многим представителям этой науки и в голову не приходило, что существует множество проблем как раз в части историографии истории политических и правовых учений. Довольно часто, как это ни банально звучит, но юристы, которые занимаются изучением истории политических и правовых учений, путают историографию с библиографией.

В какой-то степени это закономерно, а в какой-то – нет. Как бы там ни было, историографические проблемы должны найти свое отражение в рамках истории политических и правовых учений. И здесь напрашиваются определенные параллели, может быть даже, аналогии.

К примеру, мышление. В его помощью человек, как мыслящее существо, осваивает мир. Но человеку редко приходит в голову вопрос «Как он думает?». Между тем, этот вопрос, хотя бы на подсознательном уровне, каждый из нас сам себе его задает. В какой-то степени, историография также пытается ответить на вопрос «А как, собственно говоря, изучается история политических и правовых учений?». И речь здесь идет вовсе не о методологии. Хотя историография вне всяких сомнений носит, в том числе и методологический характер.

Не смотря на относительно солидный «возраст» существования историографии, в части её содержания, имеет место определенный разброс мнений. Для иллюстрации обратимся к одному из источников неюридического профиля, поскольку в рамках юриспруденции историографии, как уже отмечалось, ранее не уделялось должного внимания.

В настоящее время термин «историография» употребляется в нескольких основных смыслах:

- «историописание», т.е. непосредственное изучение отечественной или всеобщей истории;
- история изучения конкретной исторической проблемы («проблемная историография»);
- специальная научная дисциплина, изучающая историю исторической науки.

Наряду с этим историография рассматривается также в территориальном (российская, зарубежная, национальная) и хронологическом (дореволюционная, советская, современная) значениях.

Для большинства современных ученых историография – это наука о развитии научного исторического знания, либо как совокупность трудов (представлений) по истории изучения какого-либо события или процесса.¹⁰

По аналогии мы вполне можем утверждать, что историография в контексте истории политических и правовых учений – это одно из научных направлений (до статуса науки здесь явно далековато), в рамках которого

* Публикация подготовлена в рамках реализации финансируемого РФФИ научного проекта № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

¹⁰ Историография истории России. Под редакцией А. А. Чернобаева. М., 2019. С.13.

рассматривается зарождение и развитие политико-правового знания как такового. Это, что называется, с одной стороны. Историография может представлять собой совокупность трудов и представлений (благо, здесь нет недостатка ни в том, ни в другом) по истории изучения каких-либо институтов.

К примеру, государство – это состояние и процесс одновременно. Даже на примере государства мы можем говорить о хронологической и территориальной историографии.

Кроме того, в рамках истории политических и правовых учений вполне резонно говорить о «историописании», то есть непосредственном изучении исторической эволюции политико-правовых институтов.

В качестве такого института можно взять государство, которое является наиболее серьезным объектом изучения истории политических и правовых учений, а стало быть, и историографии. Если брать во внимание выше названные подходы к историографии, то вполне можно говорить об историографии государства как важнейшего института.

В этой связи хотелось бы обратиться к творчеству Н.Н. Алексеева – одного из ведущих евразийцев. Долгое время его работы не имели широкого хождения на родине, хотя представители классического дореволюционного наследия были уже достаточно хорошо изучены. Активный интерес к творчеству дореволюционных авторов стал наблюдаться в конце 80-х годов XX века, особенно, в так называемые постперестроечные времена.

В историографии истории политических и правовых учений советского периода дореволюционные авторы, как правило, являлись объектом беспощадной критики. Не секрет, что довольно большая часть дореволюционной профессуры не приняла октябрьской революции и в силу этого была вынуждена уехать. В эмиграции их судьбы складывались по-разному. У кого-то более удачно, у большинства – нет. Участь эмигранта, вынужденного покинуть отечество, в любом случае счастливой не назовешь. Тем не менее, они продолжали там работать, по мере сил продвигая науку вперед.

Какая-то часть дореволюционных правоведов осталась. Она искренне приняла революцию и по мере сил служила новому правовому порядку.

Сейчас вновь обострилась дискуссия относительно расстрела царской семьи. И снова о Николае II. Кто он – мученик, герой, ничем не выдающаяся личность и проч.? Вдаваться в полемику нет никакого смысла. Этому преступлению нет никакого оправдания. Тем не менее, мы можем вести речь о неминуемом расколе, который произошел в обществе и привел к трагической развязке. Ведь многие эмигранты так и не поняли, почему народ все-таки в массе своей не поддержал их? Взять хотя бы И. Бунина: «Был народ в 160 миллионов численностью, владевший шестой частью земного шара, и какой частью? – поистине сказочно богатой и со сказочной быстротой процветавшей! – и вот этому народу сто лет долбили, что единственное его спасение – это отнять у тысячи помещиков те десятины, которые и так не по дням, а по часам таяли в их руках».¹¹

Так и хочется сказать «Ничего не понял и ничему не научился». Правда, произнесено это было гораздо раньше, и по другому поводу. Однако, основания для такого заключения есть. В этой связи работы Н.Н. Алексева очень любопытны.

Он констатирует, что ни в одной стране Западной Европы мы не встречаемся с явлением, которое до последнего времени можно было наблюдать в России: именно, с резким разрывом между духовной жизнью высших классов и духовной жизнью широких народных масс. Со времени Петра Великого высшие классы жили духовными интересами западноевропейского культурного мира, не только слепо подражая Западу, но и своеобразно претворяя западные начала. Русские же народные массы в это время жили своей собственной, во многих отношениях еще и теперь не опознанной жизнью, чуждой западным влияниям и питающейся единственно силами русской национальной души.

Применительно к проблематике статьи особенно важно следующее мнение: «Если взять Россию высших классов, то она имеет свою философию государства и права. Нельзя сказать, что философия эта отличается большой оригинальностью. Во многих отношениях она представляет собою отражение западно-европейских течений, также в некотором своеобразном преломлении, пожалуй, только менее оригинальном, чем, например, русское искусство. Однако, эта философия права совершенно неизвестна русским народным массам и не оказала на их представления ровно никакого влияния. Русский народ имеет какую-то свою собственную интуицию политического мира, отличную от воззрений западных народов и в то же время не вполне сходную с воззрениями народов чисто восточных».¹²

Дореволюционная юридическая мысль, как правило, придерживалась «западной» версии философии права и государства. Сильной стороной дореволюционной юриспруденции является то, что она стремилась познавать государство и право в союзе с другими науками. «Как социальная наука, - пишет В.М. Гессен - общее учение о государстве, разумеется, выходит за пределы юридической науки вообще. Такие вопросы как сущность государства, его цели, возникновение, развитие и т.п., по самому существу своему имеют в значительной степени метаюридический характер»¹³. Поэтому, считает он, изучая государство как социальное явление, общее учение о государстве исследует вместе с тем и юридическую структуру государства как юридического института. Учение о нем как о правовом явлении составляет интегральную часть общего, т.е. социального учения о государстве. Следовательно, подытоживает он, «приступая к изучению общего учения о государстве, необходимо сначала указать те вопросы, которые разрабатываются этой дисциплиной. Сюда относятся: определение госу-

¹¹ Бунин И. Окаянные дни. СПб, 2018, С.217

¹² Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2003. С.68-69.

¹³ Гессен В. В. Общее учение о государстве. СПб., 1912. С. 21.

дарства как такового, учение об элементах государства, т.е. учение о территории, населении и государственной власти и, наконец, учение о формах государственного устройства»¹⁴.

До революции не все правоведы считали суверенитет свойством государственной власти, хотя ранее эта точка зрения была весьма распространенной. Отсюда государство, говорит В.М. Гессен, определялось как территориальный союз, власть которого суверенна. Но, в тоже время, замечает он, античности неизвестно это понятие. По Аристотелю, отличительным признаком государства являлась автаркия, она сама находила в себе силы для своего существования. Суверенитет не категория схоластики, это - боевой принцип, родившийся не в монастырской келье, а в королевском совете, в противоборстве с папством, с феодальной раздробленностью. Суверенитет уже перестал быть понятием силы, он давно является понятием права, суверенная или независимая власть есть власть, пользующаяся исключительным правом самоопределения. Но, уточняет Гессен, суверенитет является свойством не государственной власти вообще, а одного из органов, высшего в государстве¹⁵.

Кратко проиллюстрируем взгляды дореволюционных правоведов на государство. По мнению Е.Н. Трубецкого, «...государство есть союз людей, властвующих самостоятельно и исключительно в пределах определенной территории. В соответствии с этим понятием в состав государства входит три элемента: 1) власть с признаками самостоятельности и исключительности; 2) совокупность лиц, т.е. народ, подчиненный власти, и 3) территория»¹⁶.

И.А. Ильин мыслил государство как союз людей, организованный на началах права, объединенный господством над единой территорией и подчиненный единой власти. Причем, государство, как и право, есть нечто устанавливаемое людьми и для людей. Имеющий фундаментальную философскую подготовку, он видел государство, как «...множество людей, связанное единым правом, единой властью и единой территорией в союзе, государство есть множество в виде единства»¹⁷.

По мнению Б.Н. Чичерина, жизнь человека протекает в четырех союзах: а) семейном, основанном на любви и любви; б) церковном, основанном на вере; в) общественном юридическом союзе, основанном на праве, г) государственном союзе, имеющем своим основанием общее благо. Элементами всякого союза являются власть, закон, свобода, цель. В этой связи государство представлялось ему «не как простое собрание лиц, а организованное целое, облеченное полновластием над членами. Связью этого целого служит закон, устанавливающий отношения власти и подчинения во имя... общего блага. Законом устанавливаются и самые органы власти, которые могут иметь разнообразное строение...»¹⁸.

Ссылаясь на Гегеля, он соглашается с ним в том, что государство объединяет два элемента: нравственный и юридический. Но, говорит Чичерин, государство явление не физическое, а духовное, и те, кто отрицает метафизику, не в состоянии понять государство, его природу. Даже власть действует во имя этого метаюридического начала, она является представительницей идеального целого. Организованность, структурность, цельность и отличают государство от других союзов, и, прежде всего, от общества, потому что государство есть союз народа, связанного законом в одно юридическое целое, управляемое верховной властью для общего блага. Следовательно, «государство как единое целое, есть реальное явление; общество как единое целое, есть фикция»¹⁹.

Среди всех союзов, корпораций, Б.Н. Чичерин отдавал приоритет именно государству, потому что ему подчинены все частичные сферы деятельности и все частичные отношения, существующие в его пределах. Однако, говорит он, государство их вовсе не поглощает, оно ведает совокупными интересами, которым подчиняются частные, но последние сохраняют свою относительную самостоятельность. Люди, входящие в государство, остаются свободными лицами, преследующими свои частные интересы и имеющими права совершенно независимо от тех прав, которые принадлежат им в качестве граждан. Но, в тоже время, «государство есть союз абсолютный, представляющий высшее сочетание противоположных начал общежития личного и общественного»²⁰ Свою точку зрения Б.Н. Чичерин объясняет следующим: «Чтобы сохранилась гармония в целом, необходимо, чтобы частные цели подчинялись общей, поэтому государство должно властвовать над другими союзами. В этом, именно, состоит его отличительный признак. Государство есть союз, облеченный верховной властью». Государство есть союз единый, союз постоянный, союз самостоятельный. Государство юридически нераздельно²¹.

Своеобразную позицию обнаруживает А.С. Яценко, который выступает против конструирования государства как юридического лица, так как из этого вытекает, что оно само создает для себя правовые основы своего существования. Право представлялось ему гетерономным началом, следовательно, такое понимание государства противоречит понятию права. Он также не соглашался ни с концепцией государства как юридического отношения, ни с пониманием его как известного правопорядка. В силу этого он считает, что «государство может быть определено как союз людей, объединенных суверенной властью, являющийся во вне единым субъектом права (юридической личностью) и внутри единым синтезом отношений властвования и подчинения»²².

¹⁴ Гессен В. М. Указ. соч. С. 43.

¹⁵ Там же. С. 58

¹⁶ Трубецкой Е. Н. Общая теория права. Иркутск, 1919. С. 48.

¹⁷ Ильин И. А. Основы законовещения. Общее учение о праве и государстве и основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права. М., 1915. С. 317.

¹⁸ Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1900. С. 317.

¹⁹ Чичерин Б. Н. Указ. Соч. С. 62.

²⁰ Чичерин Б. Н. Наука и религия. 2-е изд., доп. М., 1901. С. 125

²¹ Чичерин Б. Н. Собственность и государство. М., 1883. Ч.2. С. 180-181.

²² Яценко А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 282.

В этом понятии, заключал он, присутствует гармония индивидуального принципа личной воли (юридического лица), общего принципа порядка, социального установления²³.

Дореволюционные теоретики всячески подчеркивали цементирующую роль права в конструкции государства. Н.И. Палиенко писал, что государство это лишь известная организация общества, известная форма общественного союза. Важнейшей же силой, организующей сожителство людей в обществе, по его мнению, является право. В результате длительной эволюции правовая организация принимает ту общественную форму, которую мы, в отличие от всех прочих, называем государством, оно представляет собой известную правовую организацию входящих в него элементов: населения, территории, власти. Последняя понималась им не просто как фактическое отношение господства, а правовое, известным образом, организованное властвование²⁴.

Известный религиозный философ В.С. Соловьев, в свою очередь, определил государство как «общественное тело с определенной границей, заключающее в себе полноту положительного права или единую верховную власть...»²⁵. Он считал, что государство есть средняя общественная сфера между церковью, с одной стороны, и материальным обществом - с другой, поэтому оно входит в нравственную область и становится, по его выражению, «организованной жалостью».

Совсем лаконичное определение государства дает Н.Н. Алексеев: «Государством мы называем союз людей, обладающих верховной властью и живущих на определенной территории»²⁶.

О государстве интересно размышлял профессор В.А. Савальский. Хотя государство, писал он, состоит из различных элементов, но оно, собственно, состоит не из них, а из связи этих элементов. В существо государства он как бы приносил некоторый «динамический» оттенок психофизиологического характера. В этой связи он писал, что «мы понимаем государство как некоторый процесс, т.е. как нечто непрерывно создаваемое в психическом мире людей. Государство не есть вещь, тело, оно психический процесс»²⁷. Он определял государство как совместную деятельность людей в общественном интересе, урегулированную законом свободы, т.е. нормами, притязающими на всеобщее значение для всех лиц, населяющих данную территорию. Государство существует, потому что люди - нравственно-разумные существа, и оно следует с необходимостью (как следствие из причины) из нравственно-разумной человеческой природы. Не разделяя позиции многих представителей интеллигенции, он называл государство венцом и сосредоточением культуры, «Оно есть обнаружение, выявление «откровения» человеческой природы: оно не только необходимое следствие из этой последней; оно, кроме того, наилучшее средство для ее культуры, т.е. для наилучшей цели»²⁸.

Интерпретация государства через его цель характерна и для П.И. Новгородцева, который рассматривал этот институт как самостоятельное телеологическое единство, наделенное особыми силами и средствами для достижения своих целей. Свои силы и средства оно черпает из недр общества, говорит он, но оно дает им особое применение, в соответствии с той особой целью или с той особой комбинацией целей, которая вызывает его к жизни²⁹.

Понимание природы государства через его цель было присуще и другим авторам. Например, И. Солоневич считал, что в России нет класса, который отражал бы реальные убеждения, интересы русских изб, а не воздушные замки. По сути, интересы русского народа заменены, с одной стороны интересами творцов и последователей утопических теорий, а с другой – они заменены интересами правящего сословия. Солоневич приводит слова Троцкого о том, что «если бы белогвардейцы догадались бы выбросить лозунг «Кулацкого царя», то мы (т.е. большевики) не продержались бы и двух недель. С сожалением, Солоневич констатирует, что ... русский народ не имеет адекватного ему национального, культурного и политического оформления, потерянного в XVIII веке»³⁰.

Как считал М.Н. Катков, одной из целей государства, является поддержка Церкви. Государство должно высоко держать знамя Церкви, блюсти ее честь и величие повсюду³¹.

Н.А. Бердяев в части власти, государства оставался верен себе в том смысле, что он приносил в эти институты значительную долю мистики. Начало власти, на его взгляд, совершенно иррациональное начало, да и в государстве есть мистическая основа, поэтому, заключал он, «бытие государства есть факт мистического порядка. Государство не выводимо ни из каких человеческих интересов и расчетов...»³².

Интерпретация причин и факторов возникновения государства в различных теориях мало чем отличается от сегодняшних точек зрения. Тем не менее, следует отметить, что право старше государства, как считали многие правоведы, что они возникли совершенно независимо друг от друга и известное время, как указывал Б.А. Кистяковский, вели «обособленное существование. Однако постепенно государство стало признавать одной из своих ближайших и важнейших обязанностей заботу о праве»³³. Начав с охранения права, государство затем

²³ Яценко А. С. Синтетическая точка зрения в юридических теориях. СПб, 1912. С. 15.

²⁴ Палиенко Н. И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1905. С. 389.

²⁵ Соловьев В. С. Оправдание Добра. 2-е изд., доп. и испр. М., 1899. С. 475.

²⁶ Алексеев Н. Н. Общее учение о праве. СПб, 1909. С. 11.

²⁷ Савальский В. А. Государственное право. Общее и русское. Варшава, 1912. Ч. 1. С. 138.

²⁸ Там же. С. 190.

²⁹ Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии. М., 1901. С. 240.

³⁰ Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 2003. С. 29.

³¹ Московские ведомости. 1863. № 168.

³² Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Париж, 1970. С. 52.

³³ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 594.

сделалось основным судьей в том, что считать правом. Таким образом, оно превратилось как бы в его создателя. С течением времени отмена старого права и установление нового «стали исключительной прерогативой и монополией государства»³⁴.

Б.А. Кистяковский, как и многие другие дореволюционные правоведы, считали, что в основе возникновения государства очень часто лежат вовсе не политические и не правовые факторы, а другие, преимущественно экономические. В этом смысле, дореволюционные правоведы были вынуждены признавать правоту учения К. Маркса в части ведущей роли экономических факторов. Разница состоит лишь в том, что Маркс придавал им первостепенное значение. Иными словами, экономические условия, в «конечном счете» определяли характер других явлений и институтов.

После небольшой иллюстрации взглядов дореволюционных авторов, вновь хотелось бы обратиться к египтологу Н.Н. Алексееву. Со стороны он наблюдал опыт государственного строительства в советской России и делал для себя выводы. Он отмечал, что никакого «отмирания» государства не наблюдается. Скорее, наоборот. Алексеев фиксирует рождение нового государства со своими целями, задачами, методами осуществления власти. Разумеется, как выдающийся государствовед, он и мысли не допускал об исчезновении государства в перспективе. Вместе с тем, его занимала наиболее подходящая модель государства. Так родилась концепция «гарантийного государства». Нельзя сказать, что он был здесь первопроходцем. Однако контуры этого государства были созданы именно им. «Государство именуется гарантийным прежде всего потому, - пишет он, - что обеспечивает существование некоторых постоянных целей и задач, что оно является государством с положительной миссией».³⁵

Свое юридическое выражение идея гарантийности находит в основном государственном законе или конституции. Основой такой конституции является Декларация обязанностей государства.

В самом общем виде Н.Н. Алексеев сформулировал принципы гарантийного государства. Он отрицает монархию как форму правления гарантийного государства и склоняется к идее республики так, как её понимали древние - *res publica*. В целом гарантийное государство «есть государство Общего дела – мы верим – ему принадлежит будущее».³⁶

Гарантийное государство, если следовать логике Н.Н. Алексеева, должно примирить разные понимания государства - как философию права высших классов, так и понимание предназначения государства народными массами.

Социальные науки, а к ним с оговорками можно отнести историю политических и правовых учений, по мнению Г.Ф. Шершеневича, решают три задачи: 1) устанавливают научные факты, 2) объясняют процесс их образования и 3) оценивают их с точки зрения человеческих интересов.³⁷

Говоря об историческом методе, Шершеневич отмечает, что «... история права имеет дело с конкретной обстановкой, суммой явлений, которая в этой совокупности и связи никогда более не повторится».³⁸

Исторический метод (подход) очень тесно связан с историографией. Если следовать одной из версий историографии, то она учит следующему – как изучается (изучалась) история политических и правовых учений? В данном случае мы проиллюстрировали на примере государства так называемую «проблемную историографию». Буквально – как изучалось государство в дореволюционный период. Ведь до революции не существовало научной и учебной дисциплины «История политических и правовых учений». Государство – это, прежде всего, власть, то есть явление правовое, социальное, психологическое и политическое. *Основной историографический вывод заключается в следующем: государство в этот исторический период рассматривалось (изучалось) как синтез трех элементов – население, власть, территория.* В этой связи в истории политических и правовых учений того времени этим элементам государства уделялось основное внимание. Сегодня, как правило, «теория трех элементов» пишется именно так, с использованием кавычек, подчеркивая условность такого подхода с позиций современной науки.

Библиография

Алексеев, Н. Н. Общее учение о праве. СПб, 1909.

Алексеев, Н. Н. Русский народ и государство. М., 2003.

Бердяев, Н. А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Париж, 1970.

Бунин, И. Окаянные дни. СПб, 2018.

Гессен, В. В. Общее учение о государстве. СПб., 1912.

Ильин, И. А. Основы законовещения. Общее учение о праве и государстве и основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права. М., 1915.

Историография истории России. Под ред. А. А. Чернобаева. М., 2019.

Кистяковский, Б. А. Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. Московские ведомости. 1863. №168.

Новгородцев, П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии. М., 1901.

³⁴ Там же. С. 525.

³⁵ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2003. С. 372.

³⁶ Там же. С. 384-385.

³⁷ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права В 2 томах. М., 1911. Т.1. С. 764.

³⁸ Там же. С. 788.

Палиенко, Н. И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1905.
Савальский, В. А. Государственное право. Общее и русское. Варшава, 1912. Ч.1.
Соловьев, В. С. Оправдание Добра. 2-е изд., доп. и испр. М., 1899.
Солоневич, И. Л. Народная монархия. М., 2003.
Трубецкой, Е. Н. Общая теория права. Иркутск, 1919.
Чичерин, Б. Н. Наука и религия. 2-е изд., доп. М., 1901.
Чичерин, Б. Н. Собственность и государство. М., 1883. Ч.2.
Чичерин, Б. Н. Философия права. М., 1900.
Яценко, А. С. Синтетическая точка зрения в юридических теориях. СПб, 1912.
Яценко, А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912.
Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права В 2 томах. М.. 1911. Т.1.

В. С. Горбань,

*доктор юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права,
руководитель междисциплинарного центра философско-правовых исследований
Института государства и права РАН (г. Москва)*

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИОГРАФИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Аннотация: В статье рассматриваются различные подходы к историографии политических и правовых учений. Прежде всего, историография политико-правовой литературы представлена множеством культурных и исследовательских практик. Затрагивается вопрос понимания предмета истории политических и правовых учений. В отечественной литературе он берется гораздо шире, чем в европейской модели философии права, включая и древний мир в его представленности в разных уголках и регионах, развитие политической и правовой мысли в России с древних времен.

Ключевые слова: история политических и правовых учений, историография, предмет науки, философия права, исследовательские практики.

V. S.Gorban,

*Doctor of Law,
a leading scientific employee of the sector of phylogy of law, history and theory of the state and right,
the head of the interdisciplinarity center of the phylo-sophic-legal research
Institution of the State of the State of the State and of the Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow)*

ON SOME TOPICAL PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY POLITICAL AND LEGAL THOUGHT

Abstract: The article discusses various approaches to the historiography of political and legal doctrines. First of all, the historiography of political and legal literature is represented by a variety of cultural and research practices. The question of understanding the subject of the history of political and legal doctrines is touched upon. In domestic literature, it is taken much broader than in the European model of philosophy of law, including the ancient world in its representation in different corners and regions, the development of political and legal thought in Russia since ancient times.

Keywords: history of political and legal doctrines, historiography, subject of science, philosophy of law, research practices.

История политических и правовых учений с точки зрения историографических контекстов крайне малоизучена. В этом смысле рассматриваемая научная дисциплина пока не представляет собой завершённый проект, отличающийся научной зрелостью и устойчивостью. С одной стороны, история политической и правовой мысли уходит своими корнями в глубокую древность, а с другой стороны, четко очерченная и устремленная на методологическое развитие установка на расшифровку идейной истории на основе предметно-дисциплинарной организации знаний является признаком XIX в. с его ориентацией на историю. Поэтому анализ разнообразных историографических подходов и практик в отечественной и зарубежной юридической литературе показывает, что в настоящее время основные методологические ресурсы в рассматриваемой области истории политических и правовых учений по-прежнему воспроизводят достижения XIX в.

Достойным исключением является широкое толкование предмета истории политических и правовых учений в советской историографии, что обусловило включение в него ряда тем, явно не свойственных западной литературе, например, о культуре правового мышления народов древнего мира, о правовых и политических идеалах Древнего Востока и др.³⁹

Гегель в сочинении «Философия истории» писал: «Слово *история* означает в нашем языке как объективную, так и субъективную сторону, как *hiatoriam return gestarum*, так и самые *res gestas*, им обозначается как то, что совершалось, так и историческое повествование. Мы должны считать это соединение обоих вышеупомянутых значений более важным, чем чисто внешнею случайностью; следует признать, что историография возника-

³⁹ История политических учений. Учебник / под ред. С. Ф. Кечекьяна, Г. И. Федькина. М., 1955.

ет одновременно с историческими в собственном смысле этого слова деяниями и событиями: существует общая внутренняя основа, которая их вместе порождает. Семейные воспоминания, патриархальные традиции представляют некоторый интерес в семье и в племени; однообразная смена их состояний не является предметом, достойным воспоминаний; но выдающиеся подвиги и превратности судьбы могут побуждать Мнемозину к изображению картин этих событий, подобно тому как любовь и религиозные чувства побуждают фантазию к приданию определенного образа этим вначале не имеющим формы стремлениям»⁴⁰.

Анализируя проблему историографии в области политических и правовых учений, прежде всего, следует отметить несколько существенных обстоятельств, без учета которых оценка этого вопроса оказывается произвольной и явно неточной.

1. С момента появления политико-правовой литературы, в которой ставились задачи историографического характера, и до нынешнего времени историографический ракурс политических и правовых учений представляет собой весьма пеструю картину, образуемую множеством отдельных познавательных практик. Как правило, вообще очень сложно найти вполне сопоставимые подходы, разве что только абстрагируясь от многих релевантных факторов в пользу признания «правильной» какой-то определенной линии, что зачастую имеет почти квази-религиозный или идеологический характер. Так, западноевропейская юридическая литература традиционно замыкается на себе, нередко объявляя философией права вообще только то, что происходило в интеллектуальной жизни этого небольшого участка глобуса. При этом внутри западноевропейской интеллектуальной культуры ревностно и в противоборстве друг с другом отстаивается по-прежнему первенство среди очередей наследников античности. М. Хайдеггер писал по поводу философии, что только западноевропейская философия вообще является тем, что может претендовать на это название. Пафос М. Хайдеггера является не более чем традиционным ещё для процессов роста и возвышения национально-государственнических настроений XIX в. призывом к интеллектуальному национализму. Интеллектуальный национализм не является собственно мировой культурой, а скорее фактор ее сдерживания.

В области науки права этому потворствовала и историческая школа права, которая, безусловно, играла фундаментальную роль в формировании современной юридической науки (в упорядочении ее догматических приемов и структурных элементов), но была чрезвычайно замкнута на культурно-национальном ограничении, как полагал Савиньи, необходимом для спасения национальной правовой идентичности. Натиск и распространение французского гражданского права, упорядоченного в Кодексе Наполеона, Савиньи называл «ракообразным пожиранием» европейского правового пространства. Он отчаянно призывал немцев не торопиться с «изобретением» кодексов, так как не внешний фактор, а лишь внутреннее органическое развитие культурной жизни народа должно приводить к подобным формам организации права, иначе национальная юридическая мысль, ее достижения и успехи, национальная культура будут уничтожены. Вообще, для немцев отношения с римским правом на протяжении многих веков были сложнейшей задачей. Если прежде римское право было мощнейшим фактором развития юридической мысли, то в XIX в. оно чрезвычайно сдерживало этот процесс.

Фундаментальный труд немецкого романиста, историка права XX в. Ф. Виакера «История частного права Нового времени», редкое явление и в немецкой литературе, убедительно показывает возможность и необходимость такого подхода к историографии юридической мысли и истории права, когда на основе широкого комплекса исторических факторов реконструируется более объективная картина генезиса, развития, усвоения и употребления различных правовых идей. Так вот именно Ф. Виакер справедливо и обоснован подчеркивал, что до появления исторической школы права, до систем идеалистической философии немецкая правовая мысль представляла собой не более чем историю технической юриспруденции, т.е. судебной, нотариальной и иной административной практики. Сегодня в этом очень легко убедиться, если обратиться к изучению характера юридических комментариев в ФРГ. Они существенно отличаются и по методологии, и по характеру исполнения, проработки, отражая тем самым многовековой опыт прикладной догматики, работы с нормативными текстами и актами.

Современная юридическая наука, базирующаяся на предметно-дисциплинарной организации, явление сравнительно молодое, ему не более двух веков. Эпоха Просвещения, Французская буржуазная революция и некоторые другие исторические события на исходе XVIII в., по меткому выражению Гегеля, придали стремлению к обсуждению юридической и политической проблематики надлежащую форму, инспирировали развитие юридической мысли в форме философии права, (все)общего учения о праве, общей теории права, методологии права. Все эти конструкции являются продуктом идеалистической философии, которые в дальнейшем наполнялись разным содержанием.

Во второй половине XX в. на западной арене в условиях отсутствия интеллектуальной конкуренции и кризиса явно господствовавшей до начала 1930 г. немецкой юридической литературы центральную роль занимает английская и американская литература, позиции которой укреплялись стремительно, вместе с ростом политического и экономического влияния этих стран. Многие темы при этом корнями уходили прежде всего в работы французских и немецких юристов XIX – первых трех десятилетий XX вв. Но теперь уже именно эта тенденция – англо-американская литература – все больше утверждалась как источник тем для построения современной юридической науки, сознательно пренебрегая культурой преемственности. Парадоксальным при этом выглядит то обстоятельство, что, обвиняя советскую науку в чрезмерной идеологизации, западная наука нико-

⁴⁰ Гегель. Сочинения: Философия истории. М., Л., 1935. С. 58.

гда, по крайней мере, в XX в. не была менее идеологизированной. Например, показатели преступности, прежде всего традиционной, в ФРГ, как минимум, с начала 1990 гг. почти в десять раз превышали аналогичные показатели в России, а в США и того больше, но правосознание «западного общества» является почти незыблемой идеологемой, охраняемой от любых попыток поставить ее под сомнение.

К примеру, в сегодняшней отечественной юридической литературе многие темы англо-американского профиля присутствуют почти повсеместно, а авторами подаются совершенно некритически, как априори цивилизационное достижение. Однако, если заняться объективным анализом историографических приемов, которые используются при этом, то совершенно очевидным становится идеологическое стремление национальных авторов отказаться от историзма и преемственности в пользу «пересоздания» хорошо известных представлений в качестве «новой» интеллектуальной реальности, требуемой как бы вызовами времени, но в действительности придающей особую искусственную легитимацию национальной литературе.

Можно назвать такие понятия и названия, как «мягкое право», «новый правовой реализм», «большие массивы данных» и многие другие, дискурсы и интерпретации как некие процессуальные формы, в которых выражается самодостаточность познания права, а понимание права вообще снимается как некий пережиток, страдающий от претензии на универсальность и тотальность смыслов, обременённый нацеленностью на поиск всеобщего (цельного знания, согласно В.С. Соловьеву). В этом легко читаются тенденции увлечения стилями мышления, модой философствования в виде модернизма, постмодернизма и т.п. Очень схожие явления и процессы просматриваются в развитии культуры и искусства, с одной стороны, и в направлениях юридической и политической мысли XX – XXI вв., с другой стороны. Сочинения многих современных авторов можно понять лишь, если рассматривать их по аналогии со стилями в искусстве, например, как символизм, акмеизм или футуризм и т.п. Зачастую речь идет не о науке права, а популярных интерпретациях, в которых смысловой единицей может быть все что угодно. Так же, как, например, в искусстве модерна речь шла о каких-то новых формах, приходящих на смену классическому ролевому искусству, особой энергии цвета, звука и т.п., так и в области социо-гуманитарного знания, в частности, в юридической науке возникает пестрая палитра трактовок и интерпретаций, в которых зачастую проблемы права подменяются некими наборами ощущений, экспрессий, эманаций, квази-религиозных утверждений и т.п. Много из того, что присутствует в современной юридической литературе, особенно ориентирующейся на осовремененные приемы и модные стили, зачастую с трудом применимо к анализу юридической проблематики. Например, судебный процесс уже совсем не форма искания права, а напротив, способ общения, где сам процесс общения и есть та самая современная и правильная форма бытия права. Но как же тогда ответить на вопрос о том, что такое преступление или как рассмотреть дело о разводе? Важными становятся не сами явления – преступления или брака, а разговор о них, т.е. сами явления систематически подменяются отношением к ним, полагая, что «эстетическая форма может ужиться со всяким содержанием»; «модернизм» как «утеха больных и слепых душ» (И.А. Ильин). И.А. Ильин писал: «Общественному *животному* необходимо представление о строгом пределе допустимого и недопустимого, дабы не впасть в *борьбу всех со всеми*, и мысль эта стара и неизбежна как мир»⁴¹.

Как же тогда должна выглядеть историография философии права в контексте таких современных подходов? История для них обременительна, она не позволяет им утверждать собственную ценность и достоинство. Легко видеть, как в литературе XX в. меняется культура преемственности. Например, ссылки на источники. В советской юридической литературе начального периода отсутствие ссылок на произведения предшественников и современников отчасти объяснялись идеологическими соображениями. Но совершенно аналогичные процессы происходили и в западной юридической литературе: в немецкой, американской, французской, английской и т.д. Например, у Р. Штаммлера уже общие отсылки к Иерингу – «пресловутая *борьба за права*», «право как империя целей» и т.д.: «Принадлежность права к империи целей»⁴²; «не подлежит никакому сомнению, - писал Р. Штаммлер, - что правовой порядок является *средством* для достижения *целей*»⁴³. «Решающей *системной* точкой зрения для всего права соответственно может быть только единство целевого рассмотрения»⁴⁴. В США «Борьбу за право» Иеринга издавали под чужим именем, а когда тот возмутился, ему ответили, что это была просто шутка. В сочинениях Г. Кельзена и Г. Харта воспроизводятся многие темы предшественников, особенно у последнего. Например, так называемую «структурную» модель теории права основательно и зачастую в многотомных сочинениях разработали немецкие юристы XIX в., особенно А. Меркель, Р. Бирлинг, К. Бергбом, венгерский юрист Ф. Зомло и некоторые другие. Однако в популярной работе Г. Харта «Понятие права» нет и намека на предшественников. В послевоенный период, в особенности в Германии, артикулировался полный отказ от всякого обращения к истории, поскольку немецкие интеллектуалы винили в преступлениях национал-социализма не себя, а историю, которая якобы привела их к заблуждению. Весьма показательны в этом отношении размышления известного немецкого социолога права Г. Шельски, который отмечал, что для немцев обращение к истории в послевоенный период было чуть ли не «прегрешением» против своего народа⁴⁵.

Современная картина истории философии права с историографических позиций выглядит совершенно неудовлетворительно. В знаменитом не только в Германии учебнике «Введение в современную философию и

⁴¹ Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 222.

⁴² Stammer R. Wesen des Rechtes und der Rechtswissenschaft / von Rudolf Stammler // Systematische Rechtswissenschaft... Berlin; Leipzig. S. XVIII ff.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Schelsky H. Die Soziologen und das Recht: Abhandlungen und Vorträge zur Soziologie von Recht, Institution und Planung. Opladen, 1980.

теорию права» под ред. А. Кауфмана, выдержавшем на сегодняшний день 9 переизданий с 1970 г., последнее издание 2016 г., именной указатель крупнейших философов права ХХI в. обновился, в частности, включением в него «крупнейшего мыслителя», экс-президента США Б. Обамы, заслуга которого в области философии права, по мнению немецких юристов, состоит в том, что тот выразил поддержку проведению исследований мозга человека. Или же не менее поразительное явление, которое продемонстрировано авторами последней редакции этого учебника, дописывание и исправление сочинений ушедших предшественников, например, А. Кауфмана. Так, некий Д. фон дер Пфордтен из Гёттингена исправил и дописал разделы А. Кауфмана и поставил себя соавтором. Возможно, следует ожидать дописывания работ других классиков. Например, оба крупных сочинения Р. Иеринга «Дух римского права» и «Цель в праве» остались незаконченными.

В приведенном выше немецком издании, как и вообще в немецкой и западной историографии, мы не найдем истории политической и правовой мысли Древнего Востока, исследования по истории политической и правовой мысли Китая, Индии, Японии и т.п. Отдельные исследования всё же имеются, но они сознательно исключены из общей картины истории политической и правовой мысли. Российская традиция историографии философии права отличается более сбалансированным подходом, в котором присутствует и западная и восточная политико-правовая мысль. Наиболее уязвимой в нашей литературе выглядит историография собственной традиции. В направлении ее надлежащей реконструкции и освещения предстоит еще очень много сделать. Взгляд из за рубежа на историю философии права в России не представляет, как правило, никакой научной ценности, так как в своей основе отличается интеллектуально-духовным невежеством и является классической идеологией. Например, в немецкой литературе философия права в России разъясняется несколькими именами, взгляды которых трактуются, как правило, очень произвольно. Так, в названном выше учебнике под ред. А. Кауфмана русская философия права представлена Л. Толстым, В. Лениным, И. Сталиным, Е. Пашуканисом, А. Вышинским. Это, конечно же, очень искаженная картина. Важно при этом то, что существует определенное количество переводов русской юридической литературы на западные языки еще в досоветский период, в частности, на немецкий. Например, Л.И. Петражицкий печатался на немецком языке⁴⁶. Глава немецкого крыла движения «свободного права» Г. Канторович не раз цитировал перевод известной речи С.В. Пахмана⁴⁷. Известными немецким авторам были сочинения Б.А. Кистяковского. «Лекции по общей теории права» Н.М. Коркунова были не только переведены на английский язык в США в 1909 г., но именно в рамках работы специальной экспедиции по отбору лучших образцов реалистической юридической литературы⁴⁸.

Историография – и как теория, и как практика, и как методология, и как набор инструментальных средств – остается пока в основном цеховым ремеслом, которое, осложняясь интеллектуальным национализмом, не превратилось в искусство написания по возможности *всеобщей или универсальной* истории политических и правовых учений.

2. История политических и правовых учений, как научная дисциплина, в мировой практике по большей части рассматривается как историческая часть философии права и более известна именно как история философии права. В России с конца 1940 гг. она преподается в виде истории политических учений⁴⁹, а затем и в виде истории политических и правовых учений. Как история политических учений эта дисциплина известна ещё в 1870 гг., в частности, благодаря фундаментальному труду Б.Н. Чичерина «История политических учений» в 5 т. В начале советского периода появляются названия «очерки развития правовой мысли», например, В.И. Бошко, в которых уже значительно шире раскрывается предмет этой дисциплины⁵⁰. В конце 1940 гг. в советской науке возрождается история философии права под названием истории политических учений, что сопровождалось попытками уточнить предмет и метод этой дисциплины (1953-1955 гг.).

В актуальной номенклатуре научных специальностей эта дисциплина известна под наименованием «история учений о праве и государстве». Однако по-прежнему существует парадоксальная ситуация. История политических и правовых учений традиционно объявляется исторической частью философии права, она освещает закономерности возникновения и развития, прежде всего теоретически оформленных, представлений о праве и государстве от глубокой древности до наших дней. Значительную часть содержания этой дисциплины составляют философские взгляды различных мыслителей на проблему государства, власти, права, закона, порядка и т.п. Иными словами, речь идет в данном случае об истории философско-правовой и, если угодно, философско-политической мысли, а не собственно или вообще политической и правовой. В противном случае нужно исходить принципиально из того, что философия права есть, строго говоря, юридическая дисциплина, а философско-правовые учения представляют собой правовые учения, а не философские, либо включают последние как свою часть. Проблема заключается в том, что политические и правовые взгляды, учения, воззрения, идеи, представления и т.п., релевантные для оценки их исторического значения, могут расшифровываться и разъясняться не только на основе философского подхода или философско-правового, но и на основе, например, археологиче-

⁴⁶ *Petrażycki L.* Die Lehre vom Einkommen: vom Standpunkt des gemeinen Civilrechts unter Berücksichtigung des Entwurfs eines bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich / von Leo v. Petrażycki. Teil: Bd. 1: Grundbegriffe. Berlin, 1893; *Petrażycki L.* Einkommenssatz: 1. Theil: Grundlegung. 2. Theil: Zinsen. 3. Theil: Arbeitseinkommen, Honorar, Unternehmergeinn. Anhang: Entwurf (II), Civilpolitik und politische Oekonomie. Berlin, 1895.

⁴⁷ *Pachmann S.* Über die gegenwärtige Bewegung in der Rechtswissenschaft: Rede gehalten 26. Februar 1882. Berlin, 1882.

⁴⁸ *General theory of law / by N.M. Korzunoy.* 1909.

⁴⁹ История политических учений. Учебник. Ч. 1 / под ред. С. Ф. Кечекьяна. М., 1948.

⁵⁰ *Бошко В. И.* Очерки развития правовой мысли. М., 1925.

ских, исторических, этнографических, культурологических, филологических и иных методов и приемов. П.И. Новгородцев писал: «Результаты философского анализа могут быть пригодны для историка лишь тогда, когда они проверяются с помощью других свидетельств, почерпнутых из ознакомления с реальной жизнью. Но при этом условии философское изучение, устанавливающее подлинный смысл доктрин, будет иметь значение не только для своих собственных целей, но и для выводов исторического характера»¹. Например, Иеринга не раз произвольно относили и продолжают относить к приверженцам классового подхода, указывая на использование им слов «борьба» и «интерес». И в этой связи Иеринг представляется немного несостоявшимся марксистом. Однако уже несложный анализ хронологии работ, не говоря уже о биографическом анализе, показывает, что, во-первых, оба были одногодками, что уже само по себе ставит под сомнение возможное влияние одного на другого, а во-вторых, большинство произведений Маркса было издано лишь в последней четверти XIX в. стараниями его друга и соратника Энгельса, а сочинения Иеринга к этому периоду уже давно завоевали почти всемирную известность. В этой связи разумно было бы предположить как раз обратное влияние Иеринга на Маркса. В действительности оба разрабатывали схожую проблематику, но двигались самостоятельными путями.

В мировой литературе вопрос о положении философии права не имеет однозначного разрешения. Например, философ Гегель считал философию права философской наукой², а юрист Иеринг – юридической³. А. Кауфман признавал ее философской наукой, в которой «спрашивает» юрист, а «отвечает» философ⁴. В.С. Нерсесянц писал: «Если речь идет о философии права в целом, то очевидно, что мы имеем дело с междисциплинарной наукой, объединяющей те или иные начала, как минимум, двух дисциплин - юридической науки и философии»⁵. При этом должны различаться концептуально философский и юридический подходы к основной проблеме: «Что такое право?»⁶. У П.И. Новгородцева нет ясного ответа на вопрос о дисциплинарной природе философии права, но «задачи современной философии права» он адресовал «новой школе юристов»⁷. Г. Радбрух однозначно определял философию права как «часть философии»⁸. К. Зеельман считает, что ответ на вопрос «что такое право?» может быть «только результатом философии»⁹. В.П. Малахов пишет: «...поскольку философия права имеет своим предметом то же, что и все остальные юридические науки ..., постольку философия права также в полной мере должна быть отнесена к юриспруденции», а последняя должна пониматься как «совокупность всех юридических наук»¹⁰. Б.Н. Чичерин, сетуя на неудовлетворительное состояние в области философии права, в 1900 г. писал: «Пятьдесят лет тому назад философия права занимала выдающееся место в ряду юридических наук», «философия права была одним из важнейших предметов преподавания в университетах; оно порождала обширную учебную литературу»¹¹. Д.А. Керимов определял философию права как «сложный симбиоз философии, социологии, общей теории права, отраслевых юридических и ряда иных наук»¹². При этом философия права наряду с социологией права, по его мнению, являются составными частями общей теории права¹³.

Акцент именно на истории философии права создает обратную сложность. Так, если это история именно философии права, то из нее, как традиционно поступают немецкие авторы, исключается история архаического (донаучного) периода, а также история правовых и политических учений Китая, Индии, Ближнего Востока и т.д., т.е. всё то, что в парадигме западной традиции историографии не является строго философией. Так, в немецкой литературе этот рубеж датируется 7 в. до н.э., а история философии права начинается строго с античной греческой философии. Так поступали в основном и отечественные авторы досоветского периода. У них речь шла как раз об истории философии права. Фундаментальные труды Б.Н. Чичерина, Н.М. Коркунова, Е.Н. Трубецкого по истории философии права – это сочинения по истории западной философии права. Лишь у Н.М. Коркунова есть небольшой раздел об истории научной разработки права в России с XVIII в. В действительности в истории философии права стран Западной Европы все было совсем не так однозначно и прямолинейно, как это обычно трактуется в русской историографии. К примеру, о возникновении именно науки права, организованной на предметно-дисциплинарном основании, можно говорить только на рубеже XVIII - XIX вв. Лишь в конце XVIII в. появляется сочинение Г. Гуго «Философия положительного права», сочинение И. Канта, которое именуется «Метафизические начала учения о праве», сочинение Гегеля «Философия права» только в 1820-1821 гг. В.С. Нерсесянц справедливо отмечал, что заслугой гегелевской философии права было прежде всего дисциплинарное упорядочение знаний о праве, в противоположность, как писал Гегель, «бесформенно растекающимся»

¹ Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000. С. 69.

² Гегель. Философия права. М., 1990.

³ Jhering R. Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? : Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868 / Rudolf von Jhering. Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998.

⁴ Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllsach ... 7., neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg, 2004.

⁵ Гегель. Указ. соч. С. 17.

⁶ Там же.

⁷ Новгородцев П. И. О задачах современной философии права // Лекции по философии права. Избранные произведения. М., 2016. С. 295.

⁸ Radbruch G. Rechtsphilosophie. Hrsg. von Ralf Dreier ... Studienausg., 2., überarb. Aufl; Zum Teil Nachdr. der Ausg. Leipzig, Quelle & Meyer, 1932. Heidelberg, 2003. S. 8.

⁹ Seelmann K. Rechtsphilosophie. 3., überarb. und erw. Aufl. München, 2004. S. 5.

¹⁰ Малахов В. П. Философия права. М., 2002. С. 16-17.

¹¹ Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1900. С. 1.

¹² Керимов Д. А. Методология права. М., 2000. С. 58.

¹³ Там же. С. 71.

ся мнениям». Р. Иеринг в «Духе римского права» (1852 г.) сетовал на полное отсутствие юридической литературы, в которой решалась бы задачи оформления юридической теории. Работа Ф. Виакера «История частного права Нового времени» документально и убедительно показывает медленное и постепенное развитие юридической мысли в Германии в контексте общеевропейской истории, и при том подтверждает простую истину о том, что юриспруденция оформляется в научную дисциплину лишь на исходе эпохи Просвещения.

В отечественной литературе предмет истории политических и правовых учений берется гораздо шире, чем в европейской модели философии права, включая и древний мир в его представленности в разных уголках и регионах, развитие политической и правовой мысли в России с древних времен (например, у В.С. Нерсисянца, В.Г. Графского и др.).

Приведенные трактовки заставляют задаться принципиальным вопросом: история политических и правовых учений – это история философии права или история юридической и политической мысли? Что должно составлять содержание этой дисциплины – история юридической и политической мысли (в строгом или, напротив, широком значении) или история философии права? В зависимости от ответа на эти вопросы должна выстраиваться и историография этой дисциплины. История политической и правовой мысли может редуцироваться до строго юридического подхода в формальной интерпретации, как, например, в истории методологии права, традиционно изучаемой в ФРГ, которая начинается в конце XVIII в. и исторической школы права. Или же она может интерпретироваться широко на основе изучения вообще истории человеческой культуры в вопросах права и власти.

В России философия права не входит в номенклатуру научных специальностей и не изучается в качестве основной дисциплины в университетах, а, как правило, лишь очень редко в качестве специального курса для аспирантов или магистров. *Общие* вопросы права изучаются у нас теорией права и государства, которая не предполагает особой исторической части; она строится по образцу структурных теорий права, разработанных в основном представителями немецкого юридического позитивизма. В результате получается, что история политических и правовых учений, совмещая и философский и юридический подходы и подражая в основном традиционно структуре классической историографической модели истории философии права, совершенно логично выступает исторической частью философии права, но не теории права, по крайней мере в том виде, в котором она существует в системе российского юридического образования. Н.М. Азаркин предложил название «Всеобщая история юриспруденции», но содержание основательного труда ограничивается только традиционной моделью истории западной философии права, за некоторыми не существенными исключениями.

Например, в ФРГ традиционно преподается философия права, которая относится к базовым элементам юридического образования. Хотя при этом, следует отметить, что и в ФРГ или в Австрии философия права относится к дисциплинам, изучаемым по выбору. В США философия права традиционно занимает скромное положение и преподается в виде тематических специальных курсов, причем редуцированных до проблемного ракурса на основе одной или нескольких концепций американской правовой мысли: юриспруденция К. Лангделла (юридическое образование на основе воспроизведения традиций немецкой исторической школы права), американский правовой реализм, экономический анализ права, школа критических правовых исследований, новый правовой реализм, критика расизма, феминистская юриспруденция и т.п.

3. Историография политических и правовых учений как дисциплинарно оформленная тема в основном более обстоятельно развита в отечественной литературе, ориентирующейся на широкое понимание предмета этой дисциплины. Досоветская литература во многом воспроизводила гносеологическую установку о взаимосвязи и взаимообусловленности теоретического и исторического знания о духовной истории человечества. Эта установка развивала инспирированное Гегелем соединение истории и логики.

По вопросу о предмете и методе этой дисциплины досоветская историография, как правило, ограничивалась констатацией того, что изучение философии права необходимо начинать с исторической части. Так, Б.Н. Чичерин писал: «Раскрывая ... совокупность проявлений мысли в преемственном ее ходе, история дает нам ключ к различению истинного от ложного, существенного и прочного от случайного и преходящего»¹. Правда, для Б.Н. Чичерина историческая часть философии права всё же была значительно больше чем просто введением, поскольку он небезосновательно утверждал старую мудрость, что «истинное в истории не всегда то, что ново»².

Испытав существенное влияние Гегеля, Б.Н. Чичерин указывал на необходимость различать в истории две главных области, «в которых вращается и действует человеческий разум: теоретическую и практическую»³. История философии направлена на «познание теоретического развития мысли в ее чистоте», кульминационным пунктом практической жизни рассматривалось государство. История политических учений, как отмечал Б.Н. Чичерин, «занимает середину между обоими, между философским ходом мысли и практическим развитием государственных учреждений»⁴. Эту мысль, также под влиянием гегельянства, продолжил развивать уже в советской и постсоветской историографии политических и правовых учений В.С. Нерсисянец, который практический аспект разъяснял как «конкретно-исторический». Анализируя философию права Гегеля, В.С. Нерсисянец, в част-

¹ Чичерин Б. Н. История политических учений. Т 1. СПб., 2006. С. 26-27.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же.

ности, писал о правомерности «выделить в структуре гегелевской философии права два компонента: а) *конкретно-исторический* компонент ... и б) *теоретический компонент* ...»¹. П.И. Новгородцев также отмечал важность сочетания при исследовании учений прошлого двух методов: философского и исторического². Оба метода он считал принципиально важными и разъяснял их соотношение как взаимосвязь вопросов теории и практики. Удачными и глубокими является уточнения, предложенные Д.И. Луковской, рассматривающей предметно-теоретико-методологические аспекты анализа политических и правовых учений³, В.Г. Графским, по мнению которого исторический компонент может быть раздел на социально-исторический и социально-практический компоненты. Последний предполагает принцип политической нацеленности и политической реализуемости. П.И. Новгородцев характеризовал схожий момент структуры учений, как «общественное значение идей». Немецкий социолог права Г. Шельски высказывался в пользу различения социального и политического компонента в структуре социальных теорий.

Если внимательно проанализировать содержание разнообразных трудов – как в отечественной, так и зарубежной литературе - по истории философии права и истории политических и правовых учений, то обращает на себя внимание и то обстоятельство, что совершенно по-разному подходят к отбору источников и персоналий для исторической реконструкции политических и правовых учений даже в рамках одной национальной традиции историографии. Это обстоятельство подтверждает необходимость уточнения предмета дисциплины, совершенствования приемов работы с текстами и материалами, подходов к освещению тем и вопросов предмета истории политических и правовых учений. Вообще, сегодня можно говорить о необходимости разработки полноценной теории историографии в области политических и правовых учений.

Библиография

- Бошко, В.И. Очерки развития правовой мысли. М., 1925.
- Гегель. Сочинения: Философия истории. Т. 8 / пер. с нем. А.М. Воден. М., Л., 1935.
- Гегель. Философия права / пер. с нем. М.И. Левина, Б.Г. Столпнер. М., 1990.
- Ильин, И.А. Общее учение о праве и государстве. М., 2006.
- История политических учений. Учебник. Ч. 1 / под ред. С.Ф. Кечекьяна. М., 1948.
- История политических учений. Учебник / под ред. С.Ф. Кечекьяна, Г.И. Федькина. М., 1955.
- Керимов, Д.А. Методология права. М., 2000.
- Луковская, Д.И. Теоретико-методологические проблемы истории политических и правовых учений. Дис. ... докт. юрид. наук. Л., 1986.
- Малахов, В.П. Философия права. М., 2002.
- Нерсесянц, В.С. Формирование политико-правового учения Гегеля // Из истории политических учений. М., 1976.
- Новгородцев, П.И. О задачах современной философии права // Лекции по философии права. Избранные произведения. М., 2016.
- Новгородцев, П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000.
- Чичерин, Б.Н. Философия права. М., 1900.
- Чичерин, Б.Н. История политических учений. Т. 1. СПб., 2006.
- Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllsbach ... 7., neu be-arb. und erw. Aufl. Heidelberg, 2004.
- Jhering, R. Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? : Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868. Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998.
- Korkunoy, N. General theory of law / by N.M. Korkunoy of the University of St. Petersburg. Nebraska, 1909.
- Radbruch, G. Rechtsphilosophie. Hrsg. von Ralf Dreier ... Studienausg., 2., überarb. Aufl.; Zum Teil Nachdr. der Ausg. Leipzig, 1932. Heidelberg, 2003.
- Pachmann, S. Über die gegenwärtige Bewegung in der Rechtswissenschaft: Rede gehalten 26. Februar 1882. Berlin, 1882.
- Petrażycki, L. Die Lehre vom Einkommen: vom Standpunkt des gemeinen Civilrechts unter Berücksichtigung des Entwurfs eines bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich. Teil: Bd. 1: Grundbegriffe. Berlin, 1893.
- Petrażycki, L. Einkommensersatz: 1. Theil: Grundlegung. 2. Theil: Zinsen. 3. Theil: Arbeitseinkommen, Honorar, Unternehmergewinn. Anhang: Entwurf (II), Civilpolitik und politische Oekonomie. Berlin, 1895.
- Schelsky, H. Die Soziologen und das Recht: Abhandlungen und Vorträge zur Soziologie von Recht, Institution und Planung. Opladen, 1980.
- Seelmann, K. Rechtsphilosophie. 3., überarb. und erw. Aufl. München, 2004.
- Stammler, R. Wesen des Rechtes und der Rechtswissenschaft // Systematische Rechtswissenschaft ... Berlin; Leipzig, 1906.

¹ Нерсесянц В. С. Формирование политико-правового учения Гегеля // Из истории политических учений. М., 1976. С. 68.

² Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000. С. 66 и дл.

³ Луковская Д. И. Теоретико-методологические проблемы истории политических и правовых учений. Дис. ... докт. юрид. наук. Л., 1986.

Н. Н. Зипунникова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории государства и права
Уральского государственного юридического университета

**ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. Ф. КЕЧЕКЬЯНА И 65-ЛЕТИЮ
С МОМЕНТА ВЫХОДА В СВЕТ ИЗДАНИЯ «ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ (М., 1955)»**

Аннотация: В статье поставлен вопрос об отражении проблематики истории политических и правовых учений в учебной литературе. Показан значительный коммеморативный и перформативный потенциал юбилеев в образовательно-научной сфере. Обозначены вклад профессора С. Ф. Кечекьяна (1890–1967) в развитие историко-правовой науки, а также особенности и значение первого советского учебника по истории политических учений, изданного в 1955 г.

Ключевые слова: история политических и правовых учений, учебная литература, юбилеи, профессор С. Ф. Кечекьян, учебник по истории политических учений.

N. N. Zipunnikova,
candidate of legal sciences,
Associate Professor of the Department of History of State and Law
Ural State Law University

**HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES IN EDUCATIONAL LITERATURE:
TO THE 130TH ANNIVERSARY OF S. F. KECHEKYAN'S BIRTH AND 65TH ANNIVERSARY FROM
THE MOMENT OF THE LIGHT OF THE PUBLICATION "HISTORY OF POLITICAL TEACHINGS (M.,
1955)"**

Abstract: The history of political and legal doctrines in the educational literature: on the 130th anniversary of the birth of S. F. Kechekyan and the 65th anniversary of the publication of the «History of political doctrines (M., 1955)».

The article raises the question of reflecting the problems of the history of political and legal doctrines in the educational literature. Significant commemorative and performative potential of anniversaries in the educational and scientific field is shown. The contribution of Professor S. F. Kechekyan (1890–1967) to the development of historical and legal science, as well as the features and significance of the first Soviet textbook on the history of political studies, published in 1955, are indicated.

Key words: history of political and legal doctrines, educational literature, anniversaries, professor S. F. Kechekyan, textbook on the history of political doctrines.

Юбилей как коммеморативное событие и повод для конструктивной полемики. Значительный исследовательский интерес к юбилеям личностей, событий, институций обусловлен их перформативным, коммеморативным и иным потенциалом. Важно подчеркнуть: и концепт перформативности, и понятие коммеморации находятся на острие актуальных социогуманитарных дискурсов. Отмечается, что широкие междисциплинарные исследования феномена перформативности объединяются названием performance studies, начавшись с введения в научный обиход Дж. Л. Остином понятий «перформатив – констатив» и продолжаясь на протяжении нескольких десятков лет¹; в свою очередь, memory studies, восходящие к работам классиков (Б. Андерсона, Я. Ассмана, Ж. Ле Гоффа, П. Нора, П. Рикера М. Хальбвакса, Э. Хобсбаума, др.), определяются одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений социогуманитарного знания на Западе и в том или ином изводе активно развиваются и в отечественной науке². В ряде новых работ констатируется, что появляются разнообразные практики «вспоминания действием». Это явление получило название перформативной коммеморации. В числе прочего, как отмечают исследователи, перформативно может реализовываться историческая память и связанные с ней нормы³.

Юбилеи в научно-образовательной сфере так или иначе сопровождаются создаваемыми практиками «вспоминания» юбиляра – ученого, преподавателя, университета, научной организации, кафедры, др.; коммеморативные акты могут осуществляться и вокруг даты с момента выхода значимого научного или учебного издания, другого значимого события. В научной литературе предлагаются различные подходы к классификации коммеморативных практик. Например, различают нарративные, визуальные, монументальные и интегральную (церемониальную) практики памяти. И если применительно к отечественным университетам широкое празднование юбилейных дат рассматривается, в том числе, как движущая сила развития российской университетологии⁴, то как в полной мере помыслить, оценить «вспоминание» круглой даты со дня рождения известного уче-

¹ Русакова О. Ф. Коммуникативные стратегии перформативного дискурса // Дискурс-Пи. 2014. № 1 (14). С. 12; Романова Л. А. О трансформации перформативных признаков в коммуникативном пространстве // Научная мысль Кавказа. 2009. №1. С. 102–103.

² Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 2. Вып. 2. С. 106–109 и далее.

³ Архипова А. С., Дорони Д. Ю., Кирзюк А. А., Радченко Д. А., Соколова А. Д., Титков А. С., Югай Е. Ф. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня победы // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 84–86.

⁴ Иванова Т. Н. Юбилейные коммеморативные практики и развитие университетологии (на примере Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова) // Запад – Восток. 2018. №11. С. 152–160.

ного-правоведа или со дня выхода в свет книги? Думается, что перспективно это сделать в системе координат перформативной коммеморации, т. е. вспоминания действием. Мемориальные практики такого рода могут быть различными – организация научных форумов, подготовка памятных научных изданий, проведение учебно-исследовательских семинаров, создание выставок посредством музейно-библиотечных коллабораций, др. В новых условиях такие практики могут динамично перемещаться из оффлайн- в онлайн-пространство. Научный разговор о вкладе вспоминаемого исследователя в науку (в нашем случае – юридическую, историко-правовую) и значении вспоминаемого издания также видятся одной из коммеморативных практик, способствующих созидательному и полемическому разговору о сформировавшихся в отечественной высшей школе традициях. На полях также заметим, что прославительное юбилейное письмо, как и мемориальный нарратив, представлены многочисленными и даже бесконечными образчиками, что актуализирует обращение исследователя к методологическим наработкам систематики названных жанров.

Учебная литература как зеркало развития образовательно-научных практик. Книга в процессе познания традиционно занимает одно из знаковых мест, символически обозначая и маркируя интеллектуальную работу, приращение знания и его передачу. Не вдаваясь подробно в историю учебной книги как отдельного, социально значимого явления, заметим только, что эволюция этого жанра отражает все историко-культурные контексты развития институций образования и науки. Если вести разговор о печатной учебной книге, то, как отмечается, идея о ее самостоятельности как литературного вида, построенного на основе специальных педагогических принципов, связана с именем Я. А. Коменского – автора множества учебников, пользовавшихся большой популярностью в Европе¹. И вряд ли можно утверждать, что к настоящему времени прояснены все вопросы, связанные с идеалом учебной книги; имеет место разнообразие дефиниций учебника, проблематизируется типология учебной книги, а теория учебника рассматривается как динамично развивающийся раздел общей дидактики².

Вопрос об учебной книге в высшем (юридическом) образовании – отнюдь не простой и нуждается в дополнительной самостоятельной рефлексии. Современный мейнстрим учебно-издательского дела, масса печатных и электронных учебников, пособий, хрестоматий, справочников, комментариев (в том числе их квазиобразчиков), широкая доступность литературы, как и в целом любой информации, а также отсутствие или недостаточность серьезного разговора о должном учебнике в юридико-образовательной практике в целом формируют картину, где как будто смещаются на периферию главные, сущностные вопросы. Однако, важно заметить, что наряду с проблемами нормативного обеспечения, управления, организации инфраструктуры, кадровыми задачами, с самых истоков формирования юридического образования как важнейшие мыслились и вопросы учебно-методические, прежде всего – необходимость учебной книги. Это обстоятельство в известной степени объединяет участников дискуссии о первоначале юридического образования и науки в России: не только сторонники идеи связывать его с деятельностью Петра I, но и исследователи, подчеркивающие несправедливость отказа людям Средневековья в способности по-своему осмысливать окружающую их государственно-правовую действительность, создавать свои правовые теории, пишут о значимости книги и книжности³.

И в XVIII столетии, и в «университетском» XIX веке проблема учебной книги в подготовке юристов не сходила с повестки дня. Использование в учебном процессе известных сочинений европейских мыслителей на латыни и других языках, организация переводов юридических и философских сочинений на русский язык, издание первых работ профессорами из «природных россиян», законоискусниками, запись профессорских лекций студентами и их тиражирование, появление компендиумов и репетиториумов, мощный поток монографической и учебной (включая хрестоматии) юридической литературы – все эти этапы имели место в развитии юридико-образовательных практик в императорской России. Для рельефного понимания всех контекстов важно также напомнить, что с университетских кафедр изначально читались не учебные дисциплины, а, собственно, сами науки, что вело к такой тесной взаимосвязи между правоведением и юридическим образованием, когда разделение между ними можно проводить лишь условно⁴.

Вполне иллюстрирующим ситуацию может быть пример истории философии права⁵, которая в соответствии с университетскими уставами второй половины XIX в. была обязательным к изучению будущими юристами курсом и имела, по Г. Ф. Шершеневичу, своей задачей изложение последовательного образования представлений о правовом порядке в его сущности и в идеале⁶. В интерпретации Н. С. Суворова, история философии права являлась историей последовательно развивавшихся понятий о возникновении и существовании права, общества и государства; соответственно достижение цели науки автор обуславливал ознакомлением с учения-

¹ Корнетов Б. Г. Эвристический подход к изучению историко-педагогических феноменов Средневековья и Нового времени. М., 2012. С. 100–119; Филимонова О. С. Основные тенденции исторического развития учебной литературы в России // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. №10(54). С. 170–172.

² Хуторской А. В. Место учебника в дидактической системе // Педагогика. 2005. №4. С. 10–18; Якушев М. В. Типологические особенности учебника как вида учебного издания // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. №4(60). С. 308–314; Канке В. А. Философия учебника. М., 2007; Погодина Е. А. Роль учебной литературы в высшей школе // Вестник УлГУ. 2011. № 2. С. 9–10.

³ Rogov В. А., Rogov В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (очерки IX – сер. XVII вв.). М., 2006. С. 56–63, 101–116, 160 и далее.

⁴ Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства в 1800-1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург, 2005. С. 298.

⁵ Эволюция названия дисциплины – отдельный вопрос. См.: Фролова Е. А. История политических и правовых учений: методологические проблемы соотношения юридической науки и учебной дисциплины // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2009. №1. С. 70.

⁶ Шершеневич Г. Ф. История философии права. 2-е изд. СПб., 1907. С. 19.

ми и системами мыслителей, трудившихся в этой области. Важно, каким образом показал ученый различия между традицией немецких университетов, где не преподавалась самостоятельная история философии права, и подходом, сложившимся в университетской практике Российской империи. «На юридических факультетах русских университетов читается не философия права, а история философии права как обзор теоретических учений, и притом не столько о праве, сколько о государстве, так что история философии права в русском понимании сделалась или почти сделалась синонимом истории политических учений, которая притом далеко не доводится до настоящего времени», – таким суждением венчал введение к своей работе профессор Н. С. Суворов¹. Будь то сочинения, маркированные как учебные пособия и лекции², или книги, таких помет не содержавшие³, а также выходившие в популярной серии «Библиотека для самообразования»⁴ – то были издания преимущественного высокого монографического уровня, составившие отечественное наследие юридической и философской мысли.

Учебная книга в подготовке советского юриста приобрела особое значение: в условиях манифестации разрыва с предшествующей традицией важно было иметь «свою» учебную юридическую литературу, основанную на единственно верном, «марксо-ленинском» учении о государстве и праве.

Профессор С. Ф. Кечекьян (1890–1967) и его вклад в отечественную историко-правовую науку: штрихи к интеллектуальной биографии. В 2020 году исполняется 130 лет со дня рождения Степана Федоровича Кечекьяна, которого доступные энциклопедические издания, размещающие биографические справки, называют российским и советским ученым-правоведом, специалистом в области истории и теории государства и права, а также истории политических и правовых учений. Публикуемая биография известного ученого, со значимыми сведениями о преподавательской, научной и практической деятельности (часть из которых, как думается, важно дополнительно верифицировать), показывает, как немало учебных заведений и научных организаций, в том числе по причине «скитальческой жизни после революции»⁵, вписали в свои летописи его замечательное имя. Прежде всего, это его Alma Mater – Московский императорский университет (учился в 1907–1911 гг., был оставлен для подготовки к профессорскому званию, в 1915 г. стал приват-доцентом), позднее – Московский государственный университет (работал там с 18 марта 1942 г., возглавив в 1954 г. кафедру истории государства и права⁶).

По понятным причинам особо выделим непродолжительный свердловский период жизни и творчества ученого. В историографии показано, что С. Ф. Кечекьян был втянут в события, развивавшиеся весной 1937 г. в Свердловском юридическом институте⁷. Не менее важно обратить внимание на преподавательскую деятельность ученого в 1936/1937 учебном году, когда он был назначен на должность профессора кафедры истории государства и права и (на время) заведующим кафедрой⁸. Летом 1936 г., в преддверии его работы в институте, директор Ю. М. Позан сообщил: «в наступающем учебном году Вам может быть предложено преподавание по гос. устройству буржуазных стран, истории полит. учений и международному публичному праву», ожидая скорого ответа⁹. Как следует из документов, профессор читал в СЮИ курсы всеобщей истории государства и права и государственного устройства буржуазных стран¹⁰. Чтение курсов подтверждают отдельные, сохранившиеся в университетском архивохранилище зачетные книжки студентов.

Из-под пера С. Ф. Кечекьяна вышли исследования, связанные с познанием идей Аристотеля, Спинозы, Гегеля и других мыслителей, учебники по всеобщей истории государства и права, работы по теории права, государственному и международному праву. Многие из них переводились на иностранные языки и языки народов СССР. Неоспорим существенный вклад ученого в развитие отечественной историко-юридической науки.

Первый советский учебник по истории политических учений. Одним из самых заметных изданий, в работе над которым принял С. Ф. Кечекьян, стал учебник «История политических учений», выпущенный Государственным издательством юридической литературы в 1955 г. Объемный труд (771 с.; введение, 32 главы, заключение, указатель имен) стал, как указывалось в нем, «первым учебным руководством, охватывающим историю политических учений со времени возникновения классового общества до наших дней». Авторский коллектив составили ученые Института права (носившего тогда имя А. Я. Вышинского) АН СССР и МГУ П. Н. Галанза, М. П. Карева, С. Ф. Кечекьян, В. С. Покровский, С. Л. Ронин. Глава, посвященная «передовой общественно-политической мысли народов России в XIX веке» была подготовлена с участием профессоров и преподавателей Алма-Атинского и Ташкентского юридических институтов. Учебник вышел в свет под редакцией профессора

¹ Суворов Н. С. Лекции по истории философии права. СПб., 1906. С. 2–3.

² Коркунов Н. М. История философии права. Пособие к лекциям. 6-е изд. СПб., 1915; Суворов Н. С. Лекции по истории философии права.

³ Чичерин Б. Н. История политических учений. В 5 т. М., 1869–1902; Шершеневич Г. Ф. История философии права; Новгородцев П. И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба: опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М., 1896; Ковалевский М. М. От прямого народоуправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму: Рост государства и его отражение в истории политических учений. В 3 т. М., 1906, др.

⁴ Чичерин Б. Н. Политические мыслители древнего и нового мира. В 2 т. М., 1897, др.

⁵ Насибуллин Р. А. Кечекьян Степан Федорович (12 марта 1890 г. – 26 июня 1967 г.) // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016). Т. 1 / под ред. А. С. Смыкалина. Екатеринбург, 2016. С. 176–177.

⁶ История юридического факультета Московского университета (1755–2010). 2-е изд. / отв. ред. В. А. Томсинов. М., 2011. С. 421, 486, 489, 508.

⁷ Насибуллин Р. А. Кечекьян Степан Федорович. С. 177–179.

⁸ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 2143-р. Оп. 1. Л. Ед. хр. 28. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 9.

С. Ф. Кечекьяна и доцента Г. И. Федькина и маркировался грифом «допущено Главным управлением университетов, экономических и юридических вузов Министерства высшего образования СССР в качестве учебника для юридических институтов и юридических факультетов государственных университетов».

При разработке учебника «ряд ценных критических замечаний и предложений» был сформулирован известными учеными, что специально отмечалось в предисловии. В их числе – академик Н. М. Дружинин, членкор АН СССР М. Т. Иовчук, профессора Г. С. Васецкий, К. А. Мокичев, Т. И. Ойзерман, И. С. Перетерский, Л. В. Черепнин, С. В. Юшков. Его рукопись обсуждалась кафедрами теории и истории государства и права юридических вузов и юрфаков университетов, а также на совещании преподавателей курса истории политических учений юридических вузов, которое проводилось весной 1954 г. Главным управлением университетов, экономических и юридических вузов Министерства высшего образования СССР, Институтом права АН СССР и Государственным издательством юридической литературы Министерства культуры СССР. Авторы писали также: «читатель поймет, какие трудности возникали... при подготовке учебника. Эти трудности были особенно значительны при написании тех разделов курса истории политических учений, которые еще не получили достаточного освещения в литературе»¹.

Предметом истории политических учений авторы учебника определили историю возникновения и развития взглядов и учений борющихся в обществе классов относительно политической (государственной) организации общества, историю борьбы новых, прогрессивных политических и правовых взглядов со старыми, реакционными, историю возникновения и развития марксистско-ленинского учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата, о творческой роли социалистического государства и права в строительстве социализма и коммунизма. Познание этих вопросов осуществлялось в соответствии «единственным научным методом познания всех общественных явлений, в том числе и политических взглядов и идей» – марксистским диалектическим методом. Периодизация курса в учебнике закономерно была обусловлена историей развития социально-экономических формаций².

Заключая заметим, что учебник стал событием, крупной вехой в развитии историко-правовой науки (правоведения в целом) и юридического образования, а один из его создателей – профессор, Заслуженный деятель науки РСФСР С. Ф. Кечекьян являлся одним из тех ученых, благодаря которым осуществлялась связь времен, неизбежная, несмотря на провозглашение разрыва с традицией, трансляция интеллектуальной, культурной преемственности.

Библиография

- Архипова, А. С., Доронин, Д. Ю., Курзюк, А. А., Радченко, Д. А., Соколова, А. Д., Тутков, А. С., Югай, Е. Ф. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня победы // Антропологический форум. 2017. № 33. Государственный архив Свердловской области. Ф. 2143-р. Оп.1. Ед. хр. 28.
- Иванова, Т. Н. Юбилейные коммеморативные практики и развитие университетологии (на примере Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова) // Запад – Восток. 2018. №11.
- История политических учений / под ред. С. Ф. Кечекьяна и Г. И. Федькина. М., 1955.
- История юридического факультета Московского университета (1755–2010). 2-е изд. / отв. ред. В. А. Томсинов. М., 2011.
- Канке, В. А. Философия учебника. М., 2007.
- Ковалевский, М. М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму: Рост государства и его отражение в истории политических учений. В 3 т. М., 1906.
- Кодан, С. В. Юридическая политика Российского государства в 1800-1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург, 2005.
- Коркунов, Н. М. История философии права. Пособие к лекциям. 6-е изд. СПб., 1915.
- Корнетов, Б. Г. Эвристический подход к изучению историко-педагогических феноменов Средневековья и Нового времени. М., 2012.
- Насибуллин, Р. А. Кечекьян Степан Федорович (12 марта 1890 г. – 26 июня 1967 г.) // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016). Т.1 / под ред. А. С. Смыкалина. Екатеринбург, 2016.
- Новгородцев, П. И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба: опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М., 1896.
- Погодина, Е. А. Роль учебной литературы в высшей школе // Вестник УлГТУ. 2011. №2.
- Рогов, В. А., Рогов, В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (очерки IX – сер. XVII вв.). М., 2006.
- Романова, Л. А. О трансформации перформативных признаков в коммуникативном пространстве // Научная мысль Кавказа. 2009. №1.
- Ростовцев, Е. А., Сосницкий, Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 2. Вып. 2.
- Русакова, О. Ф. Коммуникативные стратегии перформативного дискурса // Дискурс-Пи. 2014. № 1 (14).
- Суворов, Н. С. Лекции по истории философии права. СПб., 1906.
- Филимонова, О. С. Основные тенденции исторического развития учебной литературы в России // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 10 (54).
- Фролова, Е. А. История политических и правовых учений: методологические проблемы соотношения юридической науки и учебной дисциплины // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2009. №1.

¹ История политических учений / под ред. С. Ф. Кечекьяна и Г. И. Федькина. М., 1955. С. 5–6.

² Там же. С. 11–19.

- Хуторской, А. В. Место учебника в дидактической системе // Педагогика. 2005. №4. С. 10–18.
Чичерин, Б. Н. История политических учений. В 5 т. М., 1869–1902.
Чичерин, Б. Н. Политические мыслители древнего и нового мира. В 2 т. М., 1897..
Шершеневич, Г. Ф. История философии права. 2-е изд. СПб., 1907.
Якушев, М. В. Типологические особенности учебника как вида учебного издания // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. №4(60).

И. Ю. Козлихин

*доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета*

О ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВОВЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ В ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗАХ

Аннотация: В статье раскрываются особенности преподавания таких исторических дисциплин, как история и истории правовых и политических учений. Утверждается, что школьный курс истории непосредственно связан с преподаванием исторического блока курсов в юридических вузах. Также были затронуты вопросы современного государственного стандарта по преподаваемым дисциплинам.

Ключевые слова: преподавание, история политических и правовых учений, история, юридический вуз.

I. Yu. Kozlikhin,

*Doctor of Law,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Faculty of Law, St. Petersburg State University*

ON TEACHING THE HISTORY AND HISTORY OF LEGAL AND POLITICAL DOCTRINES IN LEGAL SCHOOLS

Abstract: The article reveals the features of teaching such historical disciplines as history and history of legal and political doctrines. It is argued that the school history course is directly related to the teaching of the historical block of courses in law schools. They also touched upon the issues of the modern state standard for the disciplines taught.

Key words: teaching, history of political and legal doctrines, history, law school.

Во всех государствах бывшего Советского Союза обострено внимание к собственной истории. Причина этого лежит на поверхности: народ создавший свое государство должен иметь свою историю. Именно общая история превращает людей проживающих на одной территории в народ. У народа должны быть свершения, победы, герои и антигерои, разнообразные мифы, многие из которых абсолютно иррациональны, они не требуют логического обоснования, но именно в этом заключается их сила. Проблема, пожалуй, у всех, кроме России заключается в том, что их история до недавнего времени была историей Российской империи и историей Советского Союза. Подчас желание доказать обратное выглядит довольно неуклюже. Но это, как говорится, болезнь роста. Разумеется, немало проблем и у российских историков. Свобода научного исследования, отсутствие цензуры, плюрализм мнений – это прекрасно. Но, как мы все хорошо знаем, все хорошо в меру. Сегодня лучшее время для графоманов. Можно, лишь бы были деньги, издать любую чепуху и украсить ее своей фамилией. С «научными» исследованиями можно обойтись довольно просто – читать не надо. К сожалению, кое-кто воспринимает эти бредни в серьез и начинает рассуждать о новой, правильной истории как российской, так и всемирной. Конечно, историю пишут люди, а люди не могут не быть пристрастными. Кому-то кажется наиболее важным одно событие, другому другое, и оценки этих событий и исторических деятелей могут быть разными. Но повторяю все хорошо в меру.

90-е годы прошлого века некоторые, в особенности активные деятели того периода, представляют как расцвет демократии и свободы. Но они ошибаются. Они путают свободу с распушенностью, или, если использовать термин Н. Макиавелли, с лицензией, т.е. с распушенностью. Сказанное касается всех областей жизни. Процессы, которые сегодня происходят в России – это объективная реакция на события 90-х годов. Общество не может долго находиться в состоянии лицензии. Требуется некоторая упорядоченность всех областей жизни. Может ли стремление к упорядоченности стать чрезмерным? Может. Риск «перегнуть палку» существует всегда. Но это не означает, что все надо оставить все так как есть. Возвращаясь к предмету наших рассуждений, хочу отметить, что именно «чрезмерный плюрализм» в области исторических исследований и привел к необходимости создания Российского исторического общества и подготовке «единого» учебника по отечественной истории. Очень распространено мнение, что появление такого учебника отрицательно скажется на свободе преподавания. Но, здесь я еще раз повторяю – не следует путать свободу с вседозволенностью. В особенности это касается неокрепших детских душ. Тем более, что знание истории делает из человека гражданина. А обществу и государству не безразлично какими будут его граждане.

Связано ли преподавание истории в школе с преподаванием истории в юридических вузах? Ответ на этот вопрос очевиден. Преподавать правовую и политическую историю студентам незнающим основ гражданской истории – занятие бесперспективное. Я читаю лекции и веду семинарские занятия уже больше 40 лет. Все эти годы уровень знаний поступающих на юридический факультет был разным. В советские времена это было связано с тем, что довольно большая группа абитуриентов обладала правом поступления «вне конкурса», т.е. сдал экзамены хотя бы на удовлетворительно. После введения ЕГЭ и соответственно изменения порядка приема на юридические факультеты ситуация не стала лучше, в чем то даже хуже. Студенты, имевшие одинаковое количество баллов демонстрируют разный уровень знаний – бывает очень высокий, но чаще – очень низкий. Если бы я сам не слышал некоторые перлы, то решил бы, что это шутки. Например, «Афины столица Египта, а Египет располагался на берегу Черного моря», «Наполеон скончался в 1812 году», «Вольтер – король Франции» и т.д. Таких студентов, конечно, надо выгонять. Но лежит ли ответственность за невежество только на нерадивых учениках. Похоже, что это результат всей образовательной политики. Например, вот как декларируется цель школьного образования: «Идеальный выпускник – это не эрудит с широким кругозором, а человек умеющий ставить перед собой цели, достигать их, эффективно общаться, жить в информационном и поликультурном мире, делать осознанный выбор и нести за него ответственность, решать проблемы, в том числе и не стандартные, быть хозяином своей жизни» (<http://festival.1september.ru>) Так мы и получаем дурно образованных «хозяев своей жизни». Мне кажется странным часто повторяемые утверждения о том, что в стране слишком много образованных людей. А вот какая задача ставится перед высшей школой: «Та система, которая существует сегодня, сложилась в эпоху Нового времени и основана на передаче знаний о чем-то, то есть знании всегда содержательно. Новая европейская культура – культура отраслевая, рациональная (каждое знание или каждая деятельность разделяются на последовательность операций), монологичная (есть только голос разума, который глаголет истину, а истина одна на всех (все требует оправдания, а пользы сама и есть оправдание, поэтому все для чего-то существует). В этой логике квалификация как результат профессиональной подготовки подразумевает наличие у выпускника определенных профессиональных умений и навыков.

С другой стороны, работодателям нужна не квалификация, которая, по их мнению, связана с дроблением производственных функций на ряд задач, а компетентность, как соединение навыков свойственных каждому индивиду, в котором сочетаются квалификация с социальным поведением, способностью работать в группе, инициативность, умение принимать решение и отвечать за их последствия». В этих условиях «авторитарно-репродуктивная система устарела. Образование, ориентированное только на получение знаний, означает в настоящее время ориентацию на прошлое». Я привел столь обширную цитату, потому, что не мог коротко пересказать суть этих взглядов. Дело в том, что они очень типичны и по содержанию и по манере изложения. Во-первых, характеристика современной европейской культуры оказалась мне весьма своеобразной. Во-вторых, я понял связи между ее состоянием и последующим выводом по поводу квалификации и компетентностью. В-третьих, я не представляю себе образование без передачи знаний. В-четвертых, в этой логике высшее образование вообще теряет смысл, ибо выпускники школ уже имеют эти «компетенции» (См. выше). (Звездова А.Б., Орешкин В.Г. Компетентный подход в высшем образовании.miep.edu.ru\uploaded).

Не обошли эту проблему и историки права. Т.В. Подалова и И.В. Подалова в статье «Возможности реализации компетентного подхода в преподавании и истории государства и права в юридическом вузе» пишут: «Компетентность чаще всего трактуется как интегральная способность решать возникающие в различных областях жизни конкретные проблемы. Компетентность как свойство индивида как свойство индивида существует в различных формах как способ личной самореализации индивида (привычка, способ жизнедеятельности, увлечение) как некий итог саморазвития индивида, как форма проявления способности и др. Формой существования компетентности, является некоторая деятельность, что подразумевает ее различные виды». И далее применительно уже к истории государства и права: «Так в преподавании истории государства и права на историко-правовом материале можно формировать предметно-деятельную компетенцию, реализуя такие квалификационные требования, как умение толковать и применять законы и другие нормативные акты, юридически правильно квалифицировать факты и обстоятельства, разрабатывать документу правового характера, принимать правовые решения в точном соответствии с законом, систематически повышать свою профессиональную квалификацию, изучать законодательство и практику его применения, ориентироваться в специальной литературе. Формирование социальной компетенции предполагает, что в процессе изучения истории государства и права будущий юрист должен понимать сущность и социальную значимость своей профессии, четко представлять сущность, характер и взаимодействие правовых явлений, знать основные проблемы дисциплин, определяющих конкретную область его деятельности, видеть их взаимосвязь в целостной системе знаний и значение для реализации права в профессиональной деятельности, а также обладать гражданской зрелостью, профессиональной этикой, правовой культурой, уважением к закону, высоким нравственным сознанием и т.д». Я не буду оценивать стиль изложения, но очевидно то, что коллеги пытаются следовать пунктам образовательного стандарта и доказать значимость истории государства и права. Цель благородная. Но, по сути, авторы показывают обратное. Этих целей можно достичь и не изучая историю государства и права. Вместо истории государства и права в этот текст можно вставить название любой отраслевой дисциплины, или вообще рассматривать все сказанное как результат юридического образования. А, вероятно предполагая возможные заявления представителей отраслевых дисциплин о «непрактичности» истории государства и права они пишут: «выбор методов изучения историко-правовых первоисточников определяется не их содержанием, а практическими, про-

фессионально ориентированными целями работы с законодательством»(<http://www.bibliofond.ru/>) Это утверждение кажется мне, по меньшей мере, странным. Ведь тогда нам придется исключить из предмета большую часть материала и уподобить историю отраслевым дисциплинам. Но тогда логично вообще убрать историю государства и права из программы юридического вуза.

Современные проблемы начались с включением образования в сферу услуг, наряду с бытовыми услугами, где складываются отношения между заказчиком и исполнителем. В нашем случае заказчик – это студент, а исполнитель – преподаватель. Заказчик излагает свои пожелания, а исполнитель им следует. Результат работы исполнителя оценивает заказчик, как в ателье. А клиент, как говорится, всегда прав. В этом случае все наши рассуждения, о преподавании наших учебных дисциплин приобретают узко специальный характер. Я часто слышу от руководителей разных уровней, что студенты в большей степени интересуются цивилистическими дисциплинами, на них и надо делать упор. Так мы привлечем большее число абитуриентов. А это необходимо, так как образование как услуга становится коммерческой деятельностью. Я ничего не имею против цивилистики, но юридическое образование нельзя сводить только к ней. Оно все-таки шире. Кроме того, образование это все же не сделка купли-продажи. Ученик выбирает профессию, а чему и как его учить решает учитель. Образование – это взаимный труд учителя и ученика, а не отношения заказчика и исполнителя.

Государственный образовательный стандарт требует уменьшения количества лекций и делает упор на активные и интерактивные формы обучения. Я, что касается последнего я «за». Более того, я преподаю именно в такой форме и меня учили точно также. А что касается ограничения лекционных часов, то применительно, по крайней мере, к истории это кроме вреда ничего не принесет. Именно лекция является здесь важнейшей формой обучения. Вообще очень важно регулярное общение студентов с профессором. Много лет назад по этому поводу великолепно и по сути и по стилю написал русский философ В.В.Розанов в статье, посвященной мировоззрению Л.Н.Толстого: «Толстой учился в университете на физико-математическом факультете (Розанов ошибся. Толстой пытался учиться на восточном и юридическом факультетах - И.К.), притом, по собственному воспоминанию учился, - плохо и небрежно. Хотя потом он всю жизнь очень много читал и изучал, но это не могло заменить университетских лекций по истории. Дело в том, что никакая книга не содержит в себе интонаций живого голоса живого человека и не содержит «отступлений в сторону», оговорок и замечаний – которыми профессор сопровождает чтение в аудитории. Наконец, ни в какую книгу нельзя уложить и ни в какой ученой форме нельзя выразить тех частных бесед, бесед мелькающих, обрывающихся, недоконченных, которые студент, заинтересованной наукой, может иметь с профессором у него на дому или идя по коридору из аудитории. Ведь часто афоризм скажет больше, чем рассуждение; насмешка, сарказм живого человека или его восхищение, выраженное в блеске глаз и вибрации голоса, - скажут больше, чем печатные строки с печатными знаками восклицания. Словом, книга всегда «без штрихов»; и в книге говорит ученый «без тона»; а «тон делает музыку»: Толстой знал историю вот именно «без музыки». Т.е., в сущности, он совсем ее не знал, иначе как скелетно в одних фактах. Духа ее не знал, аромата ее не обонял. Только ученый, уже всю жизнь посвятивший на изучение эпохи перехода античного мира в новый, христианский, мог бы в четыре года университетского курса дать почувствовать Толстому такие тайны античных чувств, такие тайны противоположных христианских чувств, мог бы передать такую непостижимость древней смерти и нового воскресения, какие поистине уловимы для голоса и уха и неуловимы для бумаги и чтения». Поэтому, когда сегодня я слышу восторженные отзывы о занятии «онлайн» мне делается страшно за наше образование. Надеюсь на то, что я еще буду входить в студенческую аудиторию и глядя им в глаза (а они в мои) читать им лекции.

КОНКРЕТНЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

В. М. Сырых,

*доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник, руководитель направления теории истории права и судебной власти
Российского государственного университета правосудия*

БЫЛ ЛИ И.В. СТАЛИН ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ПРОДОЛЖАТЕЛЕМ ДЕЛА В.И. ЛЕНИНА?

Аннотация: Автором поднимается дискуссионный в современной историографии вопрос относительно преемственности ленинской традиции государства и права. В статье на основе анализа ключевых работ Ленина и Сталина предполагается, что последний искажил марксистско-ленинское понимание государства и права. Он и его соратники своими волевыми решениями, подменив уголовный процесс административным и сведя наказание к его наиболее жестоким мерам, проявили элементарный непрофессионализм в области правовой науки и практики.

Ключевые слова: Сталин, Ленин, преемственность, государство, правовая наука.

V. M. Syrykh,

*Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation,
the main scientific employee, the head of the direction of the theory of the history of the law and the judicial power
Russian State University of Justice*

WAS I.V. STALIN THE FIRST CONTINUER OF THE CASE V.I. LENIN?

Abstract: The author raises a controversial issue in modern historiography regarding the continuity of the Leninist tradition of state and law. The article, based on an analysis of the key works of Lenin and Stalin, assumes that the latter distorted the Marxist-Leninist understanding of state and law. He and his associates, by their volitional decisions, substituting administrative proceedings for the criminal procedure and reducing punishment to his most cruel measures, showed elementary non-professionalism in the field of legal science and practice.

Key words: Stalin, Lenin, continuity, state, legal science.

При жизни и даже первые три года после смерти И.В. Сталин признавался достойным продолжателем марксистско-ленинского учения о государстве и праве. Так, в 1955 г. С.Ф. Кечекьян в учебнике «Теория государства и права» отмечал, что И.В. Сталин, будучи учеником и последователем великого В.И. Ленина обогатил марксистское учение о государстве и праве «новыми положениями и выводами». ¹ Наибольших же успехов в прославлении вклада И. Сталина в правовую науку достиг А.Я. Вышинский.

В статье «Вопросы государства и права в трудах товарища И. Сталина», опубликованной в 1939 г., он пытался доказать, что «с именем И. Сталина связана вся история советского права вообще». Между тем, по приведенным в статье цитатам современный читатель не может разделить выводов о И. Сталине как корифее, который «дает образцы марксистско-ленинской методологии в вопросах права», «в своих замечательных высказываниях... блестяще разрешил труднейшую задачу соотношения законности и революции», «с глубоким мастерством разрешил труднейшие вопросы теории административного права», «научил советских юристов марксистскому, диалектическому отношению к юридическим категориям, помог советской правовой науке преодолеть пережитки и предрассудки буржуазно-филистерской юриспруденции». ²

Во-первых, сталинских цитат в статье А.Я. Вышинского не так уже много. Всего семь. Во-вторых, приведенные цитаты представляют собой констатацию известных фактов либо популярное изложение марксистской теории права. В-третьих, подобно фокуснику, которой из ничего делает нечто, Вышинский, основываясь на простых и схематичных положениях И. Сталина, сам формулирует якобы логически следующие из них суждения и умозаключения.

Переоценка вклада И.В. Сталина в развитие марксистского учения о государстве и праве произошла в 1956 г., после XX съезда КПСС, разоблачившего культ личности И.В. Сталина и признавшего его грубейшие нарушения в сфере правовой политики, укрепления законности и правопорядка. Под сурдинку партийных решений советские правоведа вынуждены были признавать и критиковать правовые установки бывшего вождя советского народа и подобные оценки были ближе к истине, нежели хвалебные.

Теоретическое наследие И.В. Сталина составляет 16 томов, из которых 13 были изданы в СССР (М., 1946-1953), верстка же трех последних томов была рассыпана в с связи с критикой его теоретического наследия и практических дел Н.С. Хрущевым. Среди наиболее значимых трудов по вопросам государства и права можно назвать такие работы, как: «Фабричное законодательство» и пролетарская борьба»; «Логика вещей (По поводу «Тезисов» ЦК меньшевиков); «Троцкизм или ленинизм?»; «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов»; «Об

¹ Кечекьян С. Ф. Партийность марксистско-ленинской теории государства и права// теория государства и права. М., 1955. С. 15.

² Вышинский А. Я. «Вопросы государства и права в трудах товарища И. Сталина»// Вопросы теории государства и права М., 1949. С. 209-244.

основах ленинизма»; К вопросам ленинизма», «О правом уклоне в ВКП(б); «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии» (Доклад на У1 расширенном Пленуме ИККИ); «Троцкистская оппозиция прежде и теперь»; «К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса»; «О проекте Конституции Союза ССР».

Из публикаций советского периода лишь последняя была посвящена непосредственно правовым вопросам. В выступлениях на съездах, конференциях, пленумах ЦК ВКП(б), совещаниях и интервью И. В. Сталин затрагивал отдельные вопросы действия и совершенствования советского законодательства. Но такие фрагментарные положения, брошенные мимоходом, применительно к конкретным ситуациям, ни по отдельности, ни в своей совокупности не содержали теоретического обоснования путей развития социалистического права в условиях диктатуры пролетариата.

Соответственно, правовые воззрения И.В. Сталина нельзя представлять как целостную систему положений, принципов, соотносенных с марксистской теорией права, которой он не интересовался и, соответственно, не знал. Их нельзя было соотнести даже с позитивистской доктриной права, которой он то же не знал. Это были фрагменты обывденного народного правосознания, которыми он руководствовался при определении конкретных направлений правовой политики и принятии решений по текущим проблемам права и правосудия, дополненные отдельными положениями, высказываемыми Н.В. Крыленко и А.Я. Вышинским в целях обоснования предлагаемых ими практических мер.

В годы нэпа (1922-1927 гг.), вождь партии придерживался либеральных воззрений в сфере уголовной, карательной политики. Он признавал, что кулачество не представляет какой-либо угрозы для социалистического строительства. В условиях национализации земли, торговой, кредитной, налоговой политики, ограничивающей эксплуататорские устремления кулаков, подъема благосостояния крестьянства и выравнивания крайностей в деревне, считал он, кулак не может иметь прежнюю силу в деревне. Благодаря массовой кооперации крестьянства капиталистические элементы в деревне будут постепенно преодолены элементами социалистическими. На XV съезде партии И. Сталин по-прежнему считал, что кулак должен быть сломлен мерами экономического порядка. Административные меры хотя и просты: «сказал, приложил печать и точка», но они не дадут ожидаемого результата.

Но в январе 1928 г. позиция И. Сталина резко меняется. Этому, в значительной мере способствовали два обстоятельства: поездка в Сибирь с 15 января по 6 февраля и подготовка Н.В. Крыленко проектов уголовного и уголовно-процессуального кодексов, предусматривающих чрезвычайные меры классовой расправы над врагами народа по мотивам их социальной опасности для советского государства. Хотя проекты законодателем были отклонены, тем не менее их основной замысел о необходимости ведения суровой и непримиримой борьбы социально-опасными элементами глубоко запал в душу И.В. Сталина, стал доминантой его политико-правовых воззрений на всю оставшуюся жизнь.

Положение о том, что по мере развития и укрепления социализма классовая борьба бывших имущих классов не угасает, как думают многие коммунисты, а наоборот усиливается, И.В. Сталин впервые публично изложил 9 июля 1928 г. в речи на Пленуме ЦК ВКП(б). « По мере нашего движения вперед, признал И.В. Сталин, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, а классовая борьба будет обостряться». В связи с таким отношением буржуазии к новому обществу, пролетариату не остается ничего иного, как проводить политику изоляции буржуазных элементов, «политику разложения врагов рабочего класса, наконец, политику подавления сопротивления эксплуататоров, создавая базу для дальнейшего продвижения вперед рабочего класса и основных масс крестьянства».³

Эти положения, оправдывающие будущий террор и повлекшие массу беззаконий, И. Сталин аргументировал следующим образом: «Нельзя представить дело так, - говорил он, - что социалистические формы будут развиваться, вытесняя врагов рабочего класса, а враги будут молча, уступая дорогу нашему продвижению, что затем вновь будем продвигаться вперед, а они – вновь отступать назад, а потом «неожиданно» все без исключения социальные группы, как кулаки, так и беднота, так и капиталисты, окажутся «вдруг», «незаметно» без борьбы и треволнений в лоне социалистического общества. Таких сказок не бывает и быть не может вообще, в обстановке диктатуры пролетариата – в особенности.

Не бывало и не будет того, чтобы отживающие классы сдавали добровольно свои позиции, не пытались организовать сопротивление. Не бывало и не будет того, чтобы продвижение рабочего класса к социализму при классовом обществе могло обойтись без борьбы и треволнений. Наоборот, продвижение к социализму не может не привести к сопротивлению эксплуататорских элементов этому продвижению, а сопротивление эксплуататоров не может не привести к неизбежному обострению классовой борьбы».⁴ В числе же классовых врагов он видел частных предпринимателей города, старых специалистов, работающих на государственных предприятиях и в советских органах, а также сельского кулака.

Бесспорные признаки усиления классовой борьбы И.В. Сталин увидел на примере сфальсифицированного Шахтинского дела по обвинению группы специалистов в проведении вредительской работы по заданию иностранных капиталистов с целью развала, уничтожения советской власти. Хотя явных доказательств связи обсужденных с границей так и не было добыто, тем не менее, вождь квалифицировал их деяния как новый виток экономической интервенции, как «новое серьезное выступление международного капитала и его агентов в на-

³ Сталин И. В. Сочинения. Т.11. М., 1949. С. 171.

⁴ Там же. С. 171-172.

шей стране против советской власти». Городских нэпманов, как и кулаков И.В. Сталин рассматривал в качестве носителей буржуазной идеологии и автоматически зачислял их в когорту классовых врагов пролетариата.

Характерно, что успехи строительства социализма, по мнению вождя партии, не только не ослабляют сопротивления остатков буржуазии, а наоборот, усиливают ее, поскольку «они чувствуют последние дни своего существования и вынуждены сопротивляться всеми своими силами, всеми средствами». Соответственно, «построить социализм, это значит преодолеть в ходе борьбы своими собственными силами нашу, советскую, буржуазию». Решению этой задачи и был подчинен массовый террор и беззаконие, ставшие нормой государственной деятельности в 30–40 гг. и повлекшие многочисленные жертвы невинных граждан.

В поисках ответной наиболее действенной меры на происки классовых врагов и иных социально-опасных элементов В.И. Сталин не мудрствовал лукаво, ни искал ответа в работах классиков марксизма, или юридических публикациях советских и зарубежных авторов. Ему было достаточно сермяжного народного представления, согласно которому самым действенным средством борьбы с преступностью является жестокость наказания виновных лиц. От соблазна совершать противоправные деяния, согласно обыденному правосознанию, могли удерживать три фактора: суровое наказание к высшей мере наказания или длительное лишение свободы, тяжелый физический труд в местах лишения свободы и недостаточно комфортные условия содержания в пенитенциарных учреждениях. В них И.В. Сталин также видел действенную защиту устоев социализма от вредоносных действий его врагов.

В нормативных правовых актах, проекты которых готовил И.В. Сталин лично либо принимал (одобрял) как Секретарь Политбюро ЦК партии, рефреном шли две санкции: высшая мера наказания (расстрел) и длительные сроки лишения свободы, от пяти лет и выше. В постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий и кооперации и укрепления общественной (социалистической) собственности», проект которого был подготовлен лично И.В. Сталиным, предписывалось применять в качестве меры судебной репрессии высшую меру социальной защиты - расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества, а также за хищения грузов на железнодорожном и водном транспорте. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г. предлагалось всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учёт всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в «порядке административного проведения их дел через тройки». В Приказе Наркома Обороны СССР от 28 июля 1942 г. № 227, написанном лично И.В. Сталиным, требуется «расстреливать на месте паникеров и трусов» без суда и следствия.

Итак, И.В. Сталин мыслит прямолинейно, вопреки действующим законам и негуманно – всякий совершивший преступление должен понести суровое наказание, вплоть до расстрела независимо ни от каких внешних обстоятельств. Вождю партии были неведомы муки поиска мудрым, демократически ориентированным законодателем оптимального наказания с учетом основополагающих принципов науки уголовного права о зависимости меры наказания от тяжести совершенного проступка, формах вины (умысла и неосторожности), мотивов и условий совершения преступления, общественной опасности совершенных противоправных деяний, а также о социальных последствиях наказания для осужденного и членов его семьи.

Для И.В. Сталина не существовала гамма разного рода деяний, которые неизбежно порождает непосредственная действительность в процессе перехода от правомерного деяния к самым опасным формам посягательства на общественные отношения. В своем максимализме И.В. Сталин, требуя приговаривать виновные в хищении колхозного и кооперативного имущества к высшей мере наказания (расстрелу) либо при смягчающих обстоятельствах десяти лет с конфискацией всего имущества, имел ввиду, безусловно, крупных расхитителей колхозного имущества, и менее всего думал о мелких воришках. Однако в непосредственной действительности последние составили основную массу расхитителей, причем они стали таковыми, не по своей вине, а опять-таки по его воле мудрого вождя партии, доведшего основную массу колхозников до полуголодного состояния.

В результате получилась высочайшая несправедливость, кража колхозницей нескольких килограмм зерна, чтобы накормить голодных детей каралась высшей мерой наказания и конфискацией имущества. А как быть в этой ситуации с голодными детьми, которые по явной глупости лучшего друга советской детворы, лишились не только кормилицы, но и той жалкой лачуги, которая заменяла им кров и дарила уют и должна быть конфискована? Закон по этому вопросу никаких решений не предлагал. Получается, что вождь народа, думая об интересах народа, о высоких целях построения социализма, порой забывал о насущных нуждах населения, лишённого зачастую предметов первой необходимости, в том числе и продуктов питания, и своими неразумными решениями в сфере уголовного права создавал дополнительные трудности в жизни и быту простого народа.

Еще больший вред обществу, государству причиняли нигилистические настроения И.В. Сталина, допускавшего возможность вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора в упрощённом порядке, без полного и всестороннего выяснения обстоятельств дела на стадии предварительного следствия и строгого следования требованиям уголовного процессуального законодательства при рассмотрении дела судом. Поверив заверениям Н.В. Крыленко о необходимости упрощения уголовного судопроизводства и возможности репрессирования классовых врагов без установления виновности подсудимых, на одном подозрении их социальной опасности для судеб социализма, И.В. Сталин идет еще дальше, вообще лишает обвиняемых права на правосудие.

Согласно уже упоминавшемуся постановлению Политбюро ЦК партии от 2 июля 1937 г. вождь партии находит возможным приговаривать к расстрелу бывших кулаков и уголовников в «порядке административного проведения их дел через тройки». Но буквально через месяц Политбюро меняет свою позицию и постановлением от 31 июля 1937 г. «Вопросы НКВД», утверждает Оперативный приказ Наркома внутренних дел СССР от 30 июля 1937 г. № 00447, которым разрешает в упрощенном порядке рассматривать дела в отношении членов антисоветских партий, бывших белых, жандармов, чиновников, иных социально-опасных элементов по усмотрению органов НКВД.

При рассмотрении дел тройкой в составе местных партийных работников и руководителей местных НКВД уголовный процесс упрощался до минимума, достигая максимума в его извращении и неспособности отличить виновного от правого. Все отдается на усмотрение НКВД, тогда как советский гражданин не мог воспользоваться ни одной гарантией, предоставленной ему уголовно-процессуальным законом. Дело рассматривалось тройкой в отсутствие прокурора и защитника, и даже самого обвиняемого, материалы следствия представлялись суду в урезанном виде в форме краткого резюме. Вполне понятно, что в таких условиях тройки могла плестись только в хвосте следствия. Будучи не способными самостоятельно установить обстоятельства дела и виновность подсудимого, они вынуждены были механически проштамповывать меру наказания, предложенную следствием.

Практика незаконных репрессий обрела настолько широкий характер, что ее вождь партии вынужден был признать публично, хотя и секретным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Виновными все же оказались «враги народа и шпионы иностранных разведок пробравшиеся в органы НКВД», проводившие массовые и необоснованные аресты, сознательно извратив советские законы. Но разве дело только в них? Советские уголовный и уголовный и уголовно-процессуальный законы извратил прежде всего И.В. Сталин и его соратники, которые своими решениями воплотили крыленковские реформы УК и УПК РСФСР в жизнь, придав его проектам, отвергнутым законодателем, всеобщий и обязательный характер.

Вождь партии и его соратники, своими волевыми решениями подменив уголовный процесс, административным и сведя наказание к его наиболее жестоким мерам, проявили *элементарный непрофессионализм в области правовой науки и практики*. Действуя сугубо неправовым путем, грубо игнорируя основополагающие принципы правовой науки и закона они хотели получить невозможное - правовые результаты репрессивной деятельности социально-опасных элементов в интересах безопасности общества и государства. Но чудес в жизни не бывает, неправыми действиями права не породить.

Правонарушители от законопослушных граждан отличаются одним признаком – противоправностью деяний, но выявить и доказать их можно только неукоснительным следованием законодательству РСФСР, основанному на достижениях наук уголовного и уголовно-процессуального права. Следуя иным, волевым порядком, вопреки достижениям науки и действующим законам, можно породить лишь грубейшие нарушения законности, необоснованные репрессии, хаос и беспорядки что имело место на всех стадиях сталинского террора в форме раскулачивания, ежовщины и бериевщины. Таким образом, описанная В.И. Лениным детская болезнь «левизны» от Н.В. Крыленко перешла к И.В. Сталину и привела к дополнительным, тяжким последствиям. Правовой нигилизм И.В. Сталина не ограничился отраслевым законодательством, а поднялся на уровень Конституции СССР.

В Докладе на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. «О проекте Конституции СССР» И.В. Сталин справедливо признал, что законодательная власть в СССР должна осуществляться только одним органом, Верховным Советом СССР⁵. К сожалению, данное справедливое положение не стало реальной нормой жизни, вождь партии первым дал пример грубейшего нарушения Конституции СССР, подменив законодателя СССР. Под руководством и при непосредственном участии И.В. Сталина законы СССР были подменены вышеназванными и другими постановлениями Политбюро ЦК партии, ведомственными приказами, инструкциями НКВД СССР, ГКО, других органов исполнительной власти, установившими общеобязательные предписания по вопросам организации и проведения в стране масштабного террора. Фактически был совершен государственный переворот посредством низложения власти законодателя и созданных им законов в области уголовного и процессуального права, установлением террористического режима, повлекшего массовые жертвы советских граждан.

Руководитель тотального террора И. Сталин на словах, чисто по-фарисейски признавал необходимость укрепления и развития прав и свобод советских граждан. Проект, уверял вождь партии, «не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав». При случае он не удерживался от соблазна нарисовать идеализированные картинки о народовластии в стране, о беспрепятственной и полной реализации прав трудящихся И. В. Сталину не удалось сдвинуть с мертвой точки поставленную В.И. Лениным проблему повышения культуры деятельности государственного аппарата. Кстати, он и не пытался что-либо делать в этом направлении, заменив демократические институты советского государства, образованные сразу же после Великой Октябрьской Социалистической революции, на аналоги бюрократических институтов буржуазного государства.

Отдавая примат революционной целесообразности, вождь партии не видел большой беды в нарушениях прав трудящихся при проведении мероприятий партии и государства по социалистическому строительству в стране.

⁵ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 530-541.

И. Сталин неоднократно называл факты нарушений социалистической законности, в том числе злоупотреблений служебным положением, хищений социалистической собственности, разбазариванием государственных средств на проведение юбилеев и иных торжеств, неисполнения местными властями циркуляров и директив центральных органов. При этом он признавал, что члены партии находятся нередко в авангарде правонарушителей, действуют в таких случаях «смелее и решительнее». Но в отличие от Ленина, который непрестанно искал действенные меры борьбы с негативными явлениями в деятельности государственного аппарата, И. Сталин ограничивался преимущественно призывами и увещаниями типа «Выжигать каленым железом», допускаемые государственными служащими нарушения законности.

И. Сталин даже не ставил вопросов о наказании должностных лиц, виновных в нарушении прав трудящихся. Были решительно отвергнуты попытки Н.И. Бухарина и его единомышленников поставить состояние борьбы в деревне в зависимость от «неосторожной» политики местных властей, от «перегибов» и т.д. Подобные рассуждения И. Сталин называл знахарством, обывательскими мнениями.

«Выходит, - говорил он на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г., - что до прошлого года, когда заготовки хлеба шли хорошо или самотеком и особого обострения классовой борьбы не было у нас, наши организации были хорошие или даже идеальные, а с прошлого года, когда сопротивление кулачества приняло особо острые меры, наши организации стали вдруг плохими и никуда негодными».⁶

В пылу полемики И. Сталин забыл слова, сказанные им два месяца назад, том, что чрезвычайные меры, административный произвол, обход дворов и незаконные обыски в период хлебозаготовительной кампании 1928 г. ухудшили политическое состояние страны и создали угрозу смычке рабочих и крестьян.

Подобная оценка нарушений законности и правопорядка является правильной. Она полностью соответствует сформулированному еще в 1918 г. ленинскому положению о необходимости свято соблюдать законы Советской власти, поскольку «малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже *дыра*, которую немедленно используют враги трудящихся».⁷

К сожалению в ходе борьбы с Н.И. Бухариным и иными представителями так называемого правового уклона И. Сталин стал значительно преуменьшать негативные последствия подобных деяний. Конечно, формы сопротивления населения советской власти нельзя объяснять только перегибами государственного аппарата. В равной мере неправомерна и недооценка значения этих перегибов в решении хозяйственных и иных задач.

Либерализм И. Сталина по отношению к государственному аппарату в какой-то степени проясняет политический отчет ЦК ХУ съезду партии. Говоря о необходимости ведения активной борьбы с бюрократией, Сталин призвал знать пределы критики и не доводить дело до уничтожения государственного аппарата, до попыток его сломать. Ибо этот аппарат представляет собой высший тип государственности по «сравнению со всеми существующими в мире государственными аппаратами».⁸

Итак, критика государственного аппарата не должна соответствовать основным принципам оценочных суждений – объективности, законности, справедливости. Речь идет лишь о том, чтобы критика была умеренной, взвешенной, щадящей, т. е. рисовала бы темный объект розовыми красками. Ясно, что пользы от такой крики не больше, чем от справки удостоверяющей хорошее здоровье безнадежно больного человека.

И тем не менее розовую критику И. Сталин находил полезной потому, что государственный аппарат является прогрессивным по своей сущности и тенденциям развития. Он служит делу пролетариата и способствует построению социализма. Присущие же этому аппарату недостатки не меняют его сущности. Как говорил И. Сталин на XIУ съезде партии, советский аппарат и «вихляет иногда», но все же работает на пролетариат, против буржуазии.

Работать на пролетариат, против буржуазии, - именно этот критерий и берет И. Сталин за основу оценки всех политических и иных явлений и тем самым многообразие переходов, оттенков, которыми характеризовалось общество этого периода, сводит к двум краскам: черной и красной. Либо явление работает на пролетариат и подлежит всемерной поддержке, либо явление является буржуазным и как вредное, опасное для социализма должно быть уничтожено, ликвидировано.

Подобный метод изучения социальных явлений не имеет ничего общего с марксизмом. И. Сталин забыл одно из основных положений научного метода в социологии, о том, что любое надстроечное явление определяется как его сущностью, так и совокупностью внешних объективных и субъективных факторов. Поэтому для правильной оценки явления необходим конкретно-исторический анализ, выявления всех свойств, связей, зависимостей исследуемого.

Справедливо видя в сущности государственного аппарата его наиболее важные черты, И. Сталин недооценивал влияние формы и конкретно-исторических условий на сущность и содержание, не учитывал того, что негативные факторы в виде бюрократизма, волокиты, иных нарушений законности, допускаемых государственным аппаратом без активной, постоянной с ними борьбы могут деформировать сущность.

Риторически призывая к усилению рабочего контроля за деятельностью государственного аппарата, И. Сталин сделал все, чтобы вывести его из-под контроля масс и справедливой критики. Была засекречена информация о деятельности государственных органов. Секретными стали даже принимаемые ими нормативно-право-

⁶ Сталин И. В. Соч. Т.12. М. 1949. С 36

⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 39. М.1981., С 156.

⁸ Сталин И. В. Соч. Т.10. М. 1949. С. 315

вые акты. Строгие работники милиции преградили вход трудящимся в помещения, занимаемые государственными органами. Административный порядок рассмотрения жалоб и заявлений граждан позволял должностным лицам безнаказанно нарушать права и свободы граждан.

Но как показала история, искусственно созданная тепличная обстановка не способствовала преодолению недостатков в деятельности государственного аппарата, о которых говорил И. Сталин в 1925-1930 гг. Они успешно выжили в условиях культа личности и массового террора, пышным цветом зацвели в застойный период. В конечном итоге все это привело к тому, что, как было признано на XIX Всесоюзной конференции КПСС, бюрократизм разросся до опасных пределов, стал тормозом общественного развития.⁹

Таким образом, И. Сталин не был продолжателем ленинского курса на расширение и укрепление прав и свобод трудящихся, иных слоев общества, на дальнейшее совершенствование системы юридических гарантий законности. Отдельные ленинские положения он не разделял с самого начала. От других отошел постепенно, пытаясь дать самостоятельное решение проблем, поставленных практикой социалистического строительства. Сталин не знал и не стремился исследовать объективные основы социалистического права, в этом не было необходимости, его воля, приказ являли собой действующее советское право, хотя и не все сказанное им как право оказывалось таковым в непосредственной действительности, имело своим действием прямо противоположные результаты.

И. В. Сталин значительно преувеличивал роль репрессий, превентивных мер государства, освященных пролетарскими законами, в решении задач социалистического строительства. К началу 30-х И. Сталин окончательно оторвался от методов демократического управления общества и вместо развития системы прав и свобод граждан СССР по мере становления промышленности и сельского хозяйства и повышения благосостояния общества, перешел на методы военного коммунизма, применяемые к так называемым врагам народа, в число которых мог попасть любой человек, независимо от форм вины и совершенных деяний. Советское законодательство, лишённое своей объективной и научной основы, превратилось в свою противоположность – юридическую фикцию, придающую террору и беззаконию видимость права.

Неверные теоретические положения практические рекомендации И. Сталина являются следствием грубейших нарушений таких требований диалектической логики, как принципы всесторонности и полноты познания, рассмотрения конкретного в диалектической взаимосвязи сущности и явления, в его конкретно-исторической обстановке.

Как справедливо отмечалось в платформе «Союза марксистов-ленинцев» «Сталин и кризис пролетарской революции», классовое содержание политики И. Сталина состоит именно в мелкобуржуазном авантюризме. «Ее мелкобуржуазность выражается, во-первых, в разрыве с материалистической диалектикой, учением К. Маркса и В.И. Ленина по всем важнейшим теоретическим вопросам, во-вторых, в переходе на точку зрения субъективного идеализма в социалистическом строительстве; в-третьих, в разрыве с организационными принципами большевизма (личная диктатура вместо демократического централизма) и, наконец, в-четвертых, в беспринципном политиканстве и бешеном разгуле «левой фразы», хлестаковщине, лжи, надувательстве масс, превращении их в слепое орудие в интересах тщеславия диктатора и его клики... И. Сталин убивает ленинизм под флагом ленинизма, пролетарскую революцию под флагом пролетарской революции и социалистическое строительство под флагом социалистического строительства. И. Сталин объективно выполняет роль предателя социалистической революции»¹⁰.

От ошибок в познании и практической деятельности, как известно, никто не застрахован. И, сложность ситуации тех лет виделась не только и не столько в том, что лидер партии не мог правильно решать насущные теоретические и практические вопросы государственно-правового строительства, сколько в том, что большинство деятелей партии и государства не критически воспринимали, разделяли и оправдывали эти ошибки, курили фимиам тому, кто в лучшем случае заслуживал серьезной и нелюбезной критики.

Библиография

Вышинский А. Я. «Вопросы государства и права в трудах товарища И. Сталина»// Вопросы теории государства и права М., 1949.

Кечекьян С. Ф. Партийность марксистско-ленинской теории государства и права// теория государства и права. М., 1955.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 39. М.1981.

Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988.

Сталин и кризис пролетарской диктатуры, Платформа «Союза марксистов-ленинцев» // Реабилитация. Политически процессы 30-50-х годов. М., 1991.

Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1939.

Сталин И. В. Сочинения. Т.10. М. 1949.

Сталин И. В. Сочинения. Т.12. М. 1949.

Сталин И. В. Сочинения. Т.11. М., 1949.

⁹ Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М, 1988. С. 128.

¹⁰ Сталин и кризис пролетарской диктатуры, Платформа «Союза марксистов-ленинцев» // Реабилитация. Политически процессы 30-50-х годов. М., 1991. С. 428, 432.

Н. М. Золотухина,
доктор юридических наук,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
главный научный сотрудник и профессор Российского государственного университета правосудия

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОПОНИМАНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ (X–XVI ВВ.).

Аннотация: Цель статьи - рассмотрение формирования и эволюции правопонимания в средневековой России (IX – XVI вв.), имеющее существенное значение для дальнейшего развития и влияния на современное правопонимание, в частности, на формулу: право-закон. Статья посвящена исследованию процесса возникновения и эволюции юридической категории «правопонимание», сложившейся в религиозной парадигме, с учетом первого языческого дохристианского его периода возникновения и терминологического обозначения, упоминаемого в первой русской летописи «Повесть временных лет», и последующего сущностного изменения в связи с принятием христианства в православной конфессии в 988 г.

Ключевые слова: обычай, закон, правда, правопонимание, правосознание, правосудие, этимология, терминология, парадигма.

N. M. Zolotukhina,
Doctor of Law,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Chief Researcher and Professor, Russian State University of Justice

THE FORMATION AND EVOLUTION OF LEGAL UNDERSTANDING IN MEDIEVAL RUSSIA (10TH – 16TH CENTURIES)

Abstract: study of legal understanding formation and evolution in medieval Russia (10th – 16th centuries), which is essential for the further development of the paradigm: customary law and statute law. The article studies the inception and evolution of the religious and philosophical, and legal category of “legal understanding”, including first pre-Christian stage of its development and terminological definition in the first Russian annals, “The Tale of Bygone Years” and the subsequent legal consciousness essential change due to adoption of Orthodox Christianity in 988.

Keywords: legal understanding, legal consciousness, law, truth, etymology, terminology, paradigm.

Введение. Категория «правопонимание» исследуется в современной юридической науке, и как отмечено в статье А.В. Скоробогатова, А.В. Краснова, Р. А. Шарифуллина и Л. А. Гумерова, всесторонне изучается на «основе новых методов», позволяющих «анализировать правопонимание в широком историческом и социокультурном аспектах»¹¹. Действительно, различные аспекты правопонимания представлены как в российских, так и зарубежных исследованиях (Аверин А.В., Антонов М.В. Лапаева В.В., Balkin J, Berger P.L. Berman H. L. и др.)

Однако, следует заметить, что в большинстве российских работ, объектом исследования ученых, является процесс формирования правопонимания и его взаимодействие с правосознанием и правоприменением, в лучшем случае, начиная с XVII в. – появления и разработки теории естественных прав человека и договорного происхождения государства, оставляя вне поля научного зрения всё Российское Средневековье (XI–XVI вв.). Между тем основные принципы правопонимания сложились именно в «века веры» (Ф. Энгельс) в религиозно-философской парадигме, во многом определив его дальнейшее развитие. На данный недостаток современных юридических работ, посвященных анализу средневекового права XI–XIV вв. и древнерусской правовой терминологии обращали внимание историки-юристы: В.А. Рогов и Рогов В.В. (М., 2006г.), называя в качестве неотложной задачи настоящего времени «реконструирование реальной картины состояния теории права в русский средневековый период», обратив внимание на недопустимость актуализации понятийного аппарата законодателей и мыслителей и терминологии того времени.

В.В. Момотов отметил распространение в дореволюционных работах мнения о «роли государства как главного правообразующего фактора на Руси» (М., 2006.). В последние десятилетия настоящего времени в современной юридической литературе большинство авторов отказалось от этой схемы исторического развития права, полагая, что не государственное образование предшествовало возникновению правовых норм, а напротив, правовое регулирование общественных отношений привело, в конечном итоге, к образованию политической власти в обществе (Носов Н.Е., М. 1969; Кобрин В.Б., М., 1985; Кром М.М. М., 2010 и др.).

Историки-медиевисты: (Зимин А.А.М., 1958; Зимин А.А., М., 2001; А.И. Клибанов и В.И. Корецкий. М: Л., 1961; Клибанов А.И. М., 1977) отмечали недостаточное внимание к проблеме формирования правопонимания, и связанного с ним отношения к правоприменению, т.е непосредственно правосудию, которое стало одной из основных тем широко обсуждаемых в публицистике XIV–XVI вв. Причем эта тема получила свое отражение не только в публицистике, но и живописи. Известный в XV– начале XVI в. иконописец Дионисий («пресловущий паче всех в таком деле») при изображении праздничной композиции «Сошествие во ад» в числе добродетелей

¹¹ Скоробогатов А. В., Краснов А. В., Ширифуллин Р. А., Гумеров Л. А. Правопонимание эпохи постмодерна. Правосудие-Justice Т.1. 2019. С.139-155.

телей назвал «правосудие», а к порокам отнес «кривину» [суда]. На «кривину суда» как один из вопиющих пороков периода царствования Ивана VI, указывал и А.М. Курбский¹.

Следует констатировать, что в настоящее время действительно возникла необходимость сосредоточения внимания не только на процессе формирования права в русском Средневековье, но и на его отдельных институтах и учреждениях, в частности, на правопонимании и правосудии.

В настоящей статье анализируются этапы развития отечественного правопонимания, возникшего в раннем Средневековье, подвергшегося эволюции в позднем Средневековье и влияния, оказанного им, на дальнейшую разработку правовых институтов и категорий в Новом и Новейшем времени.

При изучении всего процесса формирования и эволюции правопонимания в России и его внутренней структуры, применялись методики, разработанные в юридических науках (теории и истории права и истории учений о праве), с опорой на классическую методологию, применяемую в гуманитарных дисциплинах.

Обозначение правил, регулирующих общественные отношения, до принятия христианства на Руси. До принятия христианства в славянских племенах все отношения, по сведениям первой русской летописи «Повести временных лет», регулировались обычаями и законом². В Летописях иногда упоминается еще и слово «покон», употребляемое в том же смысловом значении. Все эти термины, как следует из текста ПВЛ, имели синонимическое значение и воспринимались как обязательные правила поведения с юридическим значением, поскольку в них содержались запреты, такие как: убивать, красть, лжесвидетельствовать, прелюбодействовать и т.д. (Исх. 20: 13-17; Чис. 15: 39; Мф, 19: 18-19) за нарушение, которых предусматривалось наказание, принятое в общине: Возмещение вреда потерпевшей стороне, возмездие виновному лицу, принуждение его к определенным действиям и т.п. Наказание налагалось в соответствии с библейским принципом: «око за око, зуб за зуб» (Лев.4: 13; 15:20; 27: 34).

Относительно происхождения слова «закон» и его появления в отечественных источниках в современной российской литературе имеются две версии. Одна из них связывает происхождение слова «закон» с корневой основой слов: «покон» и «кон» славянского происхождения³; другая, наиболее убедительно представленная: Словарем Древнерусского языка XIV-XVI вв. (М.: Наука, 1990) и Словарем русского языка XI-XVII вв. (М.: Наука, 1978) настаивает на греческом происхождении этого термина, поскольку торговые связи Руси с греками сложились еще в раннем Средневековье, и проникновение на Русь, и распространение в обыденной лексике слова «закон» было, скорее всего, связано с Византией, где оно употреблялось достаточно широко, в связи с наличием в ней разработанного законодательства. Во всяком случае, следует согласиться с тем, что раз возникнув, оно, никогда, не исчезало из русского языка и всегда употреблялось для обозначения как религиозно-философских, так и юридических понятий.

При заключении Договора с Византией в 911 г. русская сторона в лице князя Олега и членов его дружины, подтверждая свое согласие с его текстом, клялась «твердой клятвою, кленешеся оружием своим» и «законом нашим», т.е. действовавшим обычным правом с юридическим содержанием. При заключении Договора в 944 г. князь Игорь со своими боярами, обязуясь соблюдать условия договора, клялся Перуном и оружием. Греческая сторона, представленная императором Романом и его сыновьями Стефаном и Константином свои обязательства скрепляла клятвой на Номоканоне⁴.

Слова «обычай» и «закон» в обоих документах употреблены в синонимичном значении. В Дерягин предполагает, что слово «закон», как заимствованное из греческого языка, постепенно исчезает, заменяясь исконно русским словом «правда»⁵. С такой точкой зрения трудно согласиться, поскольку оба этих слова продолжают свое существование, с некоторыми изменениями в этимологии каждого из них до настоящего времени.

В 988 г. при великом князе Владимире I Русь принимает крещение, восприняв при этом теоретическую догматику, таинства христианства и обрядовую технику богослужения в соответствующей терминологии, подробно разработанной христианскими богословами, и утвержденную Вселенскими соборами. Термин «Закон» в византийской религиозной традиции, употреблялся, в основном, с учетом его высокого религиозного статуса: Законы Бога, Законы Ветхого и Нового Заветов, Законы Иисуса Христа и т.п., но иногда встречалось и его обобщенное, абстрактное юридическое значение – законы государя. Так, например, в получившем большое распространение на Руси «Поучении» («Наставлении») дьякона Софийской церкви Агапита (VI в.) императору Юстиниану часто встречается употребление термина «закон» в юридическом значении. Агапит обязывает Юстиниана «повиноваться законам» и «управлять подданными по закону»⁶. В Послании патриарха Фотия Михаилу Болгарскому (IX в.) слова «закон» и «законы» употребляются как в сакральном значении: «Законы Бога и пороков», так и юридическом: Если «кто не будет выполнять человеческих повелений держащего начальства», то «множицею беду имат», а «порогает закон... владыки и царя всех колика томления примет»⁷. В результате, термин «закон», несмотря на сакрализацию, сохраняет и свое первоначальное значение в качестве принятого в

¹ См.: Курбский А. М. Второе послание Вассиану Муромцеву // БЛДР. СПб., 2011. Т.11. С 508; Его же. История о великом князе Московском. М., 2001. С. 94-96.

² ПВЛ. М., 1950. Т.1. С. 14-15.

³ Рогов В.А., Рогов В.В. Древнерусская правовая терминология в отношении теории права. IX – XVII вв. М, 2006. С. 17.

⁴ Хрестоматия государства и права СССР. М, 1968. С. 31-44.

⁵ Дерягин В. Я. «Жизнь и Слово». Предисловие к «Слову о Законе и Благодати» митрополита Илариона. М, 1994. С. 8.

⁶ «Поучение» Агапита. Л. 1990. ТОДРЛ. Т. XLV. Гл. 1. С. 77. (Публ. и перевод Д.С. Буланина).

⁷ Послание Константинопольского патриарха Фотия Михаилу Болгарскому. ТОДРЛ. М., Л., 1965. Т. 21. С. 113. (Публ. Н.В. Синецкой).

обществе правила поведения, но уже с явно расширенной этимологией, включающей в свое содержание и категории философско-религиозного значения.

Таким образом, подчинение Закону в его высоком смысле, как властителя, так и его подданных, не исключает и соблюдения ими положительных законов принятых «державшим начальством», как и ответственности за их нарушение или несоблюдение.

Сакрализация слова Закон, привела к обозначению в повседневной жизни всех распоряжений, постановлений и приговоров властей, регулирующих общественные отношения термином «правда», издавна известным на Руси и многозначным по своему исходному значению.

Словарь русского языка XI-XVII вв. приводит большое количество его значений, характерных сочетанием философско-религиозного и юридического содержания: истина, справедливость, правдивость, честность, добродетель и т.п., но одновременно: старое право судить, правило, закон, свод законов, суд, судебное испытание, оправдание, честное свидетельство («справдати») и т.п.¹

Многие исследователи, как дореволюционные, также как советские и современные, предпринимали попытки дать формализованное определение термину «правда», но все они не привели к единому пониманию этого слова. Знарок древнерусского языка И.И. Срезневский заметил, что изначально заложенная в нем смысловая многозначность исключает простое определение его этимологии, предложив раскрывать его содержание применительно к каждому отдельному случаю исходя, из наиболее соответствующей ему группе признаков².

А.Я. Гуревич, сравнивая средневековую лексику Руси и Западной Европы находит много общих черт, в употребляемой ими терминологии, утверждая, что термину «правда» по своему значению соответствует скандинавский термин *lag*, воспринимаемый в значении «право». А.Я. Гуревич приводит текст народной скандинавской поговорки, гласящей «страна строится правом и разоряется отсутствием права». Обычное право также называлось термином *lag*. «Учинить иск означало добиваться права». Совокупность значений этого термина, охватывала все взаимоотношения в общине, означая одновременно правопорядок и миропорядок.

В английском языке, понятие, выраженное термином «right», соответствует значению права-правды, поскольку они оба «объемлют понятие закона, справедливости, обычая и права...»³. В более поздней работе А. Я. Гуревич подчеркнул назревшую необходимость изучения, категории правопонимания на ранних этапах развития общественных отношений, заметив, что в восприятии средневекового человека «философия, мораль, юриспруденция, законодательство не были отделены, переплетались, образуя целую систему», имевшую «богословскую окраску, пронизанную религиозными представлениями». А.Я. Гуревич выразил сожаление, что такая важнейшая категория как правопонимание, представлявшая «картину мира средневекового человека», недостаточно изучается современными медиэвистами⁴.

Близкую смысловую и терминологическую общность юридических понятий, употребляемых в России и западно-европейских странах, возможно, объяснить их восхождением к одним источникам: Библии (Ветхий и Новый Заветы) и греко-римскому законодательству, но при этом следует учесть и характерную для Средневековья общность исторических стадий развития Руси и западно-европейских стран. Американский историк (русского происхождения) А. Янов вполне справедливо заметил, что «в начале второго христианского тысячелетия Киевско-Новгородский конгломерат» вполне справедливо «воспринимался во всем мире как сообщество вполне европейское»⁵. Определенная синхронность исторического развития способствовала появлению близких по смыслу юридических категорий и их терминологического обозначения.

Первые основы правопонимания, сложившиеся уже в христианизированном русском обществе, и выраженные формулой Закон-правда, теоретически обосновал в религиозно-политическом трактате «Слово о Законе и Благодати» Киевский митрополит Иларион, написанном в период княжения Ярослава Мудрого (1019-1054). Иларион утверждал, что первые Законы, начертанные перстом Бога на скрижалях, были даны через пророка Моисея избранному израильскому народу. В них содержались обязательные правила поведения, исполнение которых сохраняло его земное существование, запрещая убивать, воровать лгать, лжесвидетельствовать, прелюбодействовать, завидовать и т.п. (Лев. 24: 15-20; Чис.15:39).

Киевский митрополит обратил внимание, что в Новом Завете эти правила не отменяются, но рассматриваются через призму высокой нравственности, воплощенной в учении Иисуса Христа и Его деяниях (Мф. 19: 18-19). Иларион рассматривает Закон в двух значениях: как выражение Божественной воли и, как ее воплощение в велениях наместников Бога на земле – носителях высшей власти в человеческом обществе, утверждая, что оба эти значения предназначены для совместного действия, рассматривая закон государя как транскрипцию Божественного закона в земном варианте.

Учение Иисуса Христа выражает высшую Истину, постижение которой людьми, через дарованную Богом Благодать, обеспечит им высокое нравственное совершенство. Закон по Илариону только предтеча и слуга Истины. Бог «положил Закон на приуготование к Истине и Благодати; да обыкнет в нем человеческое естество». «Прежде Закон, потом она Благодать. Прежде тень, потом Истина». Закон омывает человечество как вода и делает его способным принять Истину. Человек в своих мыслях и деяниях следующий учению Иисуса Христа,

¹ СРЯ. XI-XVII. М., 1978. Вып. 17. С. 96-99.

² Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. 1903. Т. II. Стб. 1353-1354.

³ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М: Искусство, 1984. С. 170-171.

⁴ Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир М., СПб., 2014. С.131-133.

⁵ Янов А. Л. Европейское столетие России 1480-1560. М., 2008. Кн.1. С. 37.

не будет нуждаться в жесткой регулятивной силе закона, ибо вся его жизнь и поступки соответствуют высоким требованиям христианской морали.

Таким образом, Иларион теоретически сформулировал первые основы правопонимания, выраженные двумя непререкаемыми постулатами: Во-первых, все земные постановления и распоряжения наместников Бога на земле должны соответствовать по своему содержанию Божественным Законам, данным Богом через пророка Моисея на стадии первоначального развития человечества; во-вторых, учение Иисуса Христа содержит Истину, которую способны воспринять люди, принявшие христианство и следующие в своем поведении нравственно-этическим правилам, изложенным в Новом Завете (Евангелиях). Закон был обращен только к избранному народу Израиля, а Истина ко всем людям, живущим на земле, «спасая все народы Евангелием и крещением», и «простираясь на все края земные»¹ Божественная справедливость в теории Илариона выступает высшим мериллом, приложимом ко всем постановлениям и распоряжениям земных властей, которые он воспринимает. Как «сопричастников Бога на земле»². Иларион, ссылаясь на законы государя, обозначает их термином «правда». Так, восхваляя великого князя Владимира I, он пишет: «Ты правдой облечен, крепостью перепоясан, истиною обвит и смыслом венчан»³.

Первый сборник законов, в составлении которого принимал участие и Иларион был назван Русской правдой или Правдой Ярослава (Древнейшей Правдой), известной впоследствии в нескольких редакциях: Пространная и Сокращенная Русская Правда

Последним князем, сохранявшим единое территориальное объединение с центром в Киеве был сын Владимира Мономаха, Мстислав Великий (1125-1132), после смерти которого, летописец записал: «и раздрася вся русская земля». На едином ранее пространстве, объединенном властью великого Киевского князя, образовались самостоятельные княжества, отношения в которых регулировались нормами Русской Правды, а также постановлениями и распоряжениями местных князей. В XIII в. отдельные княжества оказались неспособными оказать сопротивления нашествию войск Золотой Орды и на длительное время оказались в политической и экономической зависимости от ее ханов.

Но уже в XIV в. начался процесс преодоления территориальной раздробленности, связанный с оказанием сопротивления Орде. В 1380 г. многие княжества, объединившись под руководством Московского князя Дмитрия Ивановича (1359-1389 – внука Московского князя Ивана Калиты) и совместно одержали крупную победу над ордынским ханом Мамаем. В 1480 г. великий князь Московский Иван III добился окончательной победы над ханом Ахматом и полного освобождения от Ордынского владычества. Объединение земель под властью Москвы и обретение суверенности Иваном III во внутренних и внешних отношениях поставило перед ним задачу создания единого государственно-правового аппарата власти, управления и суда, действующего на всей подвластной ему территории. Принятие единого законодательства было одним из мероприятий на этом пути. Первым был создан Великокняжеский судебник 1497 г. затем за исторически короткий период, практически в одно столетие, были приняты Царский судебник 1550 г. Судебник для северорусских земель 1589 г. Кроме этих сборников законов, в период между принятием Судебников был введен в действие еще и корпус нормативных актов (постановлений, распоряжений и уложений), регулирующих вновь возникающие, наиболее важные общественные отношения⁴.

Большое количество законов, постановлений, уставов, распоряжений, уложений, нормативного характера, снабженных санкциями за их невыполнение, привело к восприятию термина «закон» в качестве обязательного правила поведения, исходящего от верховной власти. Законодатели, а затем мыслители, публицисты, и в конечном итоге, все население усваивают именно такое его смысловое значение. Термин «закон» сокращает свое содержание, не утрачивая в нем степени выражения Божественной воли, но уже в более опосредованном виде. Напротив «правда» расширяет свою этимологию, возвращаясь к своему исконному значению, присущему ей еще до принятия христианства, в качестве истины, правдивости, честности, становясь как бы неким мериллом Божественной справедливости. Действовать по правде означает «по Божьей справедливости»⁵. В таком понимании «правда» должна соответствовать вся деятельность верховной власти, в том числе принимаемые ею законы, также как и вершение на их основе правосудия.

Возникает несколько обновленная формула, выражающая правопонимание, но с принципиальным сохранением традиционного содержания: Правда – закон. Этимология терминов «правда» и «закон» подверглась изменениям, но принцип соотношения понятий сохранился. В таком именно значении он теоретически утверждается в разнообразных сочинениях мыслителей (Трактатах, Посланиях, Сказаниях, Диалогах и т.п.). Максим Грек одним из первых в истории русской правовой мысли стал обозначать термином «правда» все виды правомерной деятельности носителей верховной власти и их «антипатов» (наместников и волостелей), выделяя, в качестве главной составляющей вершение правого суда. «Правда, писал он, – это [прежде всего], прав суд»⁶. Тре-

¹ Иларион Слово о Законе и Благодати. М, 1994. С. 31, 33, 37, 41, 43.

² Там же. С. 91, 93.

³ Иларион Слово о Законе и Благодати. С. 99. Следует отметить, что в последние десятилетия стали появляться статьи, рассматривающие такие категории, как Правда и Истина. См.: *Корольков А. А.* Правда есть Истина в действии. Духовный смысл русской истории. СПб., 2006. Автор философ исследует тему с точки зрения философской антропологии, к юридическому анализу не обращается.

⁴ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. Л., 1968. С. 29-67.

⁵ СРЯ XI-XVII. Вып. 18. С. 96

⁶ Максим Грек. Сочинения. Казань 1862. Ч. II, С. 157-159, 161, 173, 184.

бование наличия в государстве «правого суда» становится основным в правопонимании. Митрополит Макарий, в составленном им «Чине венчания на царство» великого князя Московского Ивана IV в 1547 г., трижды повторил в качестве главного требования, обращенного к будущему царю Ивану IV, соблюдение «правды и праведного суда», управление государством «по правде», вершение правосудия и отношение к подданным с правдой, кротостью и милосердием¹.

В конце XV в. в кружке архиепископа Геннадия составляется и переводится на русский язык корпус библейских книг, также переводятся и распространяются в обществе труды Отцов Церкви: Василия Великого, Григория Великого и Иоанна Златоуста. Русские образованные люди (книжники) обращаются не только к тексту Священного писания, но и к его богословскому толкованию. Поскольку правопонимание развивается в религиозной парадигме, то более глубокое проникновение в тексты Священного писания (Ветхого и Нового Заветов), благодаря знакомству с толкованиями Отцов Церкви, усложняет понимание «правды», представляя ее в прямой взаимосвязи с верой. Основой для такой интерпретации «правды» служит Послание апостола Иакова, в котором утверждается, что «вера, если не имеет дел, мертва сама по себе», «ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иак. 2: 17, 26). Максим Грек, истолковал этот текст, прибавив к существительному «дела», прилагательное «праведные». Такое толкование не изменило сущности высказывания апостола Иакова, а лишь уточнило его. В результате получилась формула: «вера без праведных дел мертва». И.С. Пересветов расширил формулу Максима Грека: «вера без правды мертва», понимая под «правдой» совершение праведных дел всеми субъектами как властвующими, так и подвластными во всей сфере земных взаимоотношений. Из составленной им формулы «вера без правды мертва» он делает вывод, о том, что «если правды нет [в государстве], то и всего нет»². Это совсем не означает, что И.С. Пересветов поставил в этом высказывании «правду выше веры», как предполагают многие современные исследователи (А.А. Зимин, 1956; Л.Н. Пушкарев, 1956; И.И. Полосин, М., 1963; А.Л. Юрганов, 2009; Исабель де Мадариага, 2007; Н.А. Шилов, 2014), приписывая И.С. Пересветову «вольномыслие» или даже «блеск еретической мысли (И.И. Полосин, 1963). Однако, объединив «правду» и «веру», мыслитель не отступил от их религиозного восприятия, распространив их взаимодействие на социальную и политико-правовую сферу деятельности государства. Пересветов понимал «правду» как реальное воплощение веры (Божественных Законов и Заповедей) непосредственно в деятельности всех ее носителей: от государя и его чиновников и до каждого подданного «с головы до ногу», как принято тогда было говорить.

Именно такое взаимоотношение и взаимодействие «веры и правды» было воспринято не только его современниками: Зиновием Отенским, А.М. Курбским, Ермолаем-Еразмом, автором Валаамской беседы и др., но и мыслителями последующих поколений. И.Т. Посошков, уже в другую эпоху, писал: «Бог правда и Он правду любит. И аще кто восхочет угодить Богу, то подобает ему во всяком деле правду творити»³, т.е. реализовывать веру в Бога (т.е. Его Законы и Заповеди) своими праведными действиями. Человек, получив от Бога Благодать, дарованную ему для постижения христианской веры, может ее лишиться, если не будет осуществлять добродетели своими поступками.

И.Т. Посошков, как и мыслители XVI в., рассуждая о правосудии, называет «праведным судьей», только такого, который «всегда будет делать прямую правду», что и позволит ему «уподобиться самому Богу, понеже Бог сама правда»⁴.

Так что ни у кого из современников Максима Грека, А.М. Курбского и И.С. Пересветова и их потомков не вызвала никакого отторжения взаимосвязь и взаимозависимость «веры и правды», поскольку эти понятия воспринимались ими в прямом взаимодействии, составляя основу их правопонимания.

Заметные перемены в правопонимании возникли в России уже в XVIII в. при распространении теории естественного права договорного происхождения государства⁵. Тогда же входит в употребление и термин «право». Доктринальное обоснование основных принципов теории естественного права применительно к отечественной теории права, в том числе и правопониманию, одним из первых изложил Я.П. Козельский в своих «Философических предложениях» (1767/68), соединивший в своем труде идеи средневековых мыслителей о соответствии всех положительных законов, принимаемых государственной властью «правде», понимаемой как Божественная справедливость, заменив термин «правда» на «право», без изменения сущности их взаимоотношений. «Философические предложения» были написаны в период заседания Уложенной комиссии, созданной Екатериной II для разработки правовой теории, на основе которой предполагалось создание нового законодательства.

Я.П. Козельский со ссылками на труды основоположника теории естественных прав и договорного происхождения государства Гуго Гроция и французских просветителей Ж-Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье и К.А. Гель-

¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 135. Дрвнлехранилище. Отд. IV. Рубр. I. № 1. Л. 1-46.

² Сочинения И. Пересветова. М., 1956. С. 176-177.

³ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 19347. С. 172.

⁴ Там же.

⁵ А. Скоробогатов, В. Краснов и Р. Шарифулин относят появление и распространение в России теории естественного права, к XVII – началу XVIII вв. характеризуя его, как «наиболее древнее» правопонимание (Указ. соч. С. 144). С такой периодизацией невозможно согласиться, ибо этот период принято считать Новым временем в современной российской и зарубежной историографии.

Следует заметить, что в исследованиях западноевропейского права, изучение его институтов и учреждений, как правило, начинается с греко-римского периода, затем следует право национальных государств периода Средних веков и эпохи Возрождения и переход к Новому и Новейшему времени. См. например, *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М., 2002; *Fraser J. T.* The Genesis of Time. Brighton, 1982; *Sarabji R.* Time, Crtation and the Continuum. Theories in Antiquity and Early Ages. London, Ducword, 1983; *Бамуев Л. В.* Эволюция правопонимания от Античности до Нового времени. М., 2014.

вещия предложил создать в правоведении две науки: юриспруденцию и легиспруденцию. В юриспруденцию он включил «всё знание о правах и правосиях», сформулировав на этой основе понятие «общего права», выражающее Божественное право – созданное волей Творца, являющееся вечной и неизменной основой для всех других прав: Естественного и человеческого (положительного). Последнее Я.П. Козельский подразделил на внутригосударственное (гражданское и уголовное) и международное. Все эти виды права (общее право и его отдельные ответвления) представляют собой предмет юриспруденции.

Законы, издаваемые государственной властью, отличаются от «общего права», поскольку они создаются разумом и волей человека (правителя), а их соблюдение «обязывается страхом наказания или надеждой вознаграждения». Законы должны изучаться отдельной наукой – легиспруденцией. Если законы по своему содержанию основаны на «общем праве» или отдельных его видах (ответвлениях), то они воспринимаются общественным мнением как справедливые и обязательные к исполнению, потому что «право, какое бы оно не было, только б право, а не криво, не может по своему существу иметь в себе никакой несправедливости», в то время как некоторые законы «могут быть и несправедливыми», в том случае, «если они разнятся от права» или «оказываются почему-либо основанными на несправедливости», тогда они не являются легитимными и обязательными для исполнения¹.

Таким образом, Я.П. Козельский на уровне знаний XVIII в. сформулировал идею о необходимости соответствия законов общему праву, для признания их справедливыми. Идеи, разрабатываемые в предшествующих эпохах о соотношении закона и правды, а затем правды и закона не исчезли из его конструкции, а только подверглись модификации, не по существу их взаимоотношений, а по их терминологическому обозначению, соответственно терминологии, принятой при изложении теории естественного права, получившей распространение в России в конце XVII – XVIII вв.

Я.П. Козельский отстаивал также и право народа, провозглашенное этой теорией, расторгать договор в случае неисполнения правителем, возложенных на него обязательств по отношению к подвластному ему народу. Для России эта идея не была новой, поскольку еще Иосиф Волоцкий в XV-XVI вв. (умер в 1515 г.) высказал мысли о наличии у народа права не повиноваться правителю, вплоть до оказания ему сопротивления, в том случае, если он не выполняет своих обязанностей перед народом, возложенных на него Всевышним².

Терминология другая, но отношения правителей и подданных моделируются по схожим принципам. Рассматривая добродетели и пороки носителей верховной власти, да и вообще каждого христианина, Я.П. Козельский весьма близок, в перечислении добродетелей и пороков к учению нестяжателей.

В России в интерпретации теории естественного права происходит совмещение представлений о Божественной справедливости, содержащейся в понятии «правды» с естественными неотчуждаемыми правами человека. Ценностное понимание «правды» воспринимается как «общее право», включающее в свое содержание все представления человечества «о добре и зле», праве всех людей на жизнь и средствах для ее поддержания, предписывая «любить ближнего, не делать вреда другим людям, а напротив делать все то, что необходимо человеку для жизни», т.е. соблюдать «все отдельные права и правосия», относящиеся ко всему человечеству.

С этими представлениями связано не только появление термина «право», но и разработка такого понятия как принципы права, в качестве некоего собирательного целого, ориентирующегося, на сложившееся в веках, представление о справедливости, как некоем общем мериле, которому должны соответствовать не только все принимаемые государством нормативные акты, но и вообще все социальные (общественные) и государственно-правовые отношения.

Теоретические разработки взаимоотношений между законами и принципами «общего права», сформулированные Я.П. Козельским, будут развиваться в трудах мыслителей других поколений и исторических эпох, но их основа остаётся неизменной и до настоящего времени.

Заключение. Если обратиться к предыстории всех правовых понятий и их взаимосвязанности, то необходимо заметить, что первые попытки сформулировать понятие «права» и «закона» с выяснением их взаимоотношений, связаны с трактатом Илариона «Слово о Законе и Благодати», (Закон – Благодать – Истина), но основная разработка теории правопонимания принадлежит Максиму Греку и, особенно, И.С. Пересветову в его надындивидуальном представлении о правде, взаимодействующей с верой и всем комплексом нравственных правил, заложенном в православном христианском вероучении. «Действительно совсем «не случайно у нас родилось, кроме Истины, еще отдельное (и почти непереводаемое) слово «правда»: тут и истина, тут и личная нравственность, тут и общественная справедливость»³.

Исходя изложенного, полагаю, что для разработки современного представления о правопонимании, необходимо учитывать весь процесс его формирования и эволюции в Средние века, ибо оно возникло в религиозной парадигме, во многом определившей не только его сущностное содержание, но и терминологическое обозначение.

Кроме того, при изучении правопонимания в его историческом аспекте необходимо различать историческое и современное значение терминов, обозначающих все категории в правоведении и государствоведении,

¹ Козельский Я. П. Философические предложения. Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. М: Юридическая литература, 1939. С.353-354.

² Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, Москва 1993. С. 367-369.

³ Поляков А. В. Общая теория права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001, С. 319.

учитывая при этом этимологические изменения в их содержании в различные исторические эпохи, на чем в настоящее время настаивают современные российские и зарубежные авторы. Отсутствие такого подхода не позволит объективно и всесторонне определить не только процесс исторического развития, но и выяснить адекватно всестороннее содержание современного правопонимания.

Принятые сокращения в статье сокращения: БЛДР – Библиотека Древней Руси; ИЗ – Исторические записки; МГИУ – Московский государственный индустриальный университет; МГЮА – Московская государственная юридическая академия; РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет; Стб. – Столбец; СПб. – Санкт-Петербург; СРЯ – Словарь русского языка; ТОДРЛ – Труды литературы Древней Руси; ПВЛ – Повесть временных лет.

Библиография

- Berman, H. J.* Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition. Cambridge; Massachusetts; L.: Harvard Univ. Press, 1983.
- Fedotov, G.* The Russian Religious Mind. Cambridge Mass, 1966.
- Fraser, J. T.* The Genesis of Taim. Brighton. The Harvester Press. 1982.
- Halperin Charles, J.* «Ivan IV as Autocrat (Samoderzhets). Article. Cahies du Munde Russe, 2014.
- Halperin, Ch.* The Early Modern Muscovite state reconsidered // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. №2.
- Haney, G.* From Italy to Muscovy // The Life and Works of Maxim the Greek. München, 1973.
- Humma, K. E.* Inclusiv Legal Positivism // The Oxford Yearbook of Jurisprudence and Legal Philosophy / Eds. J. Poleman. Oxford, 2002.
- Kaiser, D. H.* The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton, 1980.
- Mac Robert, C. M.* Maksim Greek and the Norms of Russian Church // Papers to be presented at the XIV International Congress of Slavic.
- Medlin, W. K.* Moscow and East Rome. A Political Study of the relations of Church and State in Muscovite Russia. Geneva, 1952.
- Obolenky, D.* The Byzantine Commonwealth Eastern Europe. 500-1453.
- Pound, R.* The Ideal Element of Law. Indianapolis: Liberty Fund. 2002.
- Sarabji, R.* Time, Creation and the Continuum. Theories in Antiquity and Early Ages. London, 1983.
- Shevchenko, I.* Society and Intellectual Life in Late Byzantium. London, 1981.
- Andreyev, N.* Studies in Muscovy. Western Influence and Byzantine Inheritance. London. 1970.
- Аверин, А.В.* Правопонимание и юридическая практика // Ленинградский юридический журнал, 2008. №4(14).
- Агапит «Поучение» («Наставление») Агапита императору Юстиниану. Л., 1990. ТОДРЛ. Т. XLV. (Публ. и перевод Д. С. Буланина).
- Батиев, Л. В.* Эволюция правопонимания от Античности до Нового времени. М., 2014.
- Библия: Ветхий и Новый Завет. М., 1988.
- Варламова Н. В.* Типология правопонимания и современные тенденции развития. М., 2010.
- Грек, М.* Сочинения. Казань. 1862. Ч. II. «Инок Максима Главы поучительны начальствующим правверно».
- Гуревич, А. Я.* Избранные труды. Средневековый мир. М., СПб., 2014.
- Гуревич, А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.
- Дерягин, В. Я.* «Жизнь и Слово». Предисловие к «Слову о Законе и Благодати» митрополита Илариона». М., 1994.
- Ершов, В. В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений и его современники. М., 2018.
- Зимин, А. А.* И.С. Пересветов и его современники. М., 1958.
- Иларион. «Слово о Законе и Благодати». М., 1994.
- Иосиф Волоцкий. Просветитель. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. М., 1993.
- Каравашкин, А. В., Юрганов, А. Л.* Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности.
- Клибанов, А. И.* «Правда «земли» и «царства» Ивана Пересветова» // ИЗ. М., 1977. Т.99.
- Клибанов, А. И., Корецкий, В. И.* Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. М., Л., 1961. ТОДРЛ. Т. XVII.
- Кобрин, В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985.
- Козельский, Я. П.* Философские предложения // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. М., 1939.
- Корольков, А. А.* Правда есть Истина в действии. Духовный смысл русской истории. СПб., 2006.
- Кром, М. М.* «Вдовствующее царство». Политический кризис в России 30-40-х годов XVI в. М., 2010.
- Курбский, А. М.* Второе послание Вассиану Муромцеву // БЛДР. СПб., 2011. Т.11.
- Курбский, А. М.* История о великом князе Московском. М., 2001.
- Мадариага, И.* Иван Грозный. Опыт объективного исследования. Йельский университет. М., 2007.
- Макарий митрополит Московский. Чин венчания на царство Ивана IV // Российский государственный архив древних актов. Ф.135. Древлехранилище. Отд. IV. Рубр. I. № 1. Л. 1-46.
- Момотов, В. В.* Формирование русского средневекового права в IX-XIV в. Дис. докт. юр. наук. М., 2006.
- Носов, Е. Н.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Исследования о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.
- Пересветов, И. С.* Большая челобитная // Сочинения И. Пересветова. М., 1956. (Публ. А.А. Зимина).
- Повесть временных лет (ПВЛ). М., 1950.
- Полосин, И. И.* О челобитных И. С. Пересветова // Уч. зап-ки Московского пед. ин-та им. В.И. Ленина. М., 1946. Кафедра Истории СССР. Т. XXXV.
- Полосин, И. И.* Социально-политическая история России XVI– начало XVII вв. // Сб. статей. М., 1963.
- Послание Константинопольского патриарха Фотия Михаилу Болгарскому (IX в.). ТОДРЛ. М., Л., 1965. Т. XXI. С. 96-125. (Публ. Синицыной Н.В.).
- Посошков, И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1937.
- Рогов, В. А.* Этюды о параллелях в средневековой теории права // Сб. статей. М., 2002.
- Рогов, В. А., Рогов, В. В.* Древнерусская правовая терминология. М., 2006.
- Русская правда. Российское законодательство X-XX вв. Т. I. Законодательство Древней Руси. М., 1984.

- Скоробогатов, А. В., Краснов, А. В., Шарифуллин, Р. А. Правопонимание эпохи постмодерна // Правосудие Justicte. 2019. Том 1. Словарь Древнерусского языка XIV-XVI вв. М., 1990.
- Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1978.
- Срезневский, И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1902. Т. II. 1798 Стб.
- Судебник 1589 // Судебники XV-XVI вв. М., 1952.
- Судебники 1497, 1550 // Российское законодательство. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.
- Хрестоматия государства и права СССР. М., 1968.
- Черепнин, Л. В. Русские феодальные архивы XI-XV вв. М., 1952. Т. II.
- Шилов, Н. А. Идеология централизованного государства XV-XVI вв. Дис. канд. ист. наук. 2014.
- Юрганов, А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 2009.
- Янов, А. Л. Европейское столетие России 1480-1560. М., 2008. Кн.1.

А. Б. Дидикин,

*доктор филос. наук, канд. юрид. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт государства и права РАН; профессор факультета права НИУ ВШЭ (г. Москва)*

ВОСПРИЯТИЕ МАРКСИСТСКИХ ОСНОВАНИЙ СОВЕТСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ В НОРМАТИВИЗМЕ Г. КЕЛЬЗЕНА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ

Аннотация: В статье представлено исследование аргументов Г. Кельзена в отношении марксистских оснований концепций ранней советской юриспруденции. Исследование базируется на ключевых положениях книги Г. Кельзена «Коммунистическая теория права». Обосновывается позиция о том, что концептуальные разногласия Г. Кельзена с аргументами советских правоведов связаны не только с противоречиями преимущественно неокантианских рассуждений в нормативизме, но и с неверной трактовкой отдельных положений марксизма, обусловленных невнимательным прочтением первоисточников классиков марксизма.

Ключевые слова: нормативизм, Г. Кельзен, марксизм, советская юриспруденция, право.

A. B. Didikin,

*Doctor philos. nauk, cand. jurid. science, leading scientific employee,
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Professor of Faculty of Culture and Law of the National Research University Higher School of Economics (Moscow)*

PERCEPTION OF THE MARXIST FOUNDATIONS OF SOVIET JURISPRUDENCE IN KELSEN'S NORMATIVISM: CONCEPTUAL DIFFERENCES

Abstract: The paper presents a study of H. Kelsen's arguments regarding the marxist foundations of the concepts of early soviet jurisprudence. The research is based on the key provisions of H. Kelsen's book "The Communist theory of law". The author substantiates the position that H. Kelsen's conceptual disagreements with the arguments of soviet jurists are connected not only with the contradictions of mainly neo-kantian arguments in normativism, but also with the incorrect interpretation of certain provisions of marxism, due to inattentive reading of the primary sources of the classics of marxism.

Keywords: normativism, H. Kelsen, marxism, soviet jurisprudence, law.

В 1955 г. Г. Кельзен публикует книгу «Коммунистическая теория права»¹, в которой на основе глубокого погружения в специфику советской юриспруденции и ее персоналий стремится обосновать свое концептуальное несогласие с ее марксистскими основаниями и аргументацией в пользу преимуществ социалистического строя. Значение этой книги Кельзена до настоящего времени крайне недооценено, как с точки зрения того, что впервые в зарубежной юриспруденции в англоязычном труде анализируются советские правовые концепции, так и с позиции того, что автор не опускается на уровень бытовой критики марксизма, а работает по возможности с первоисточниками и погружается в содержание правовых идей ранних советских правоведов. Многие из этих ученых неразрывно связаны с Институтом государства и права РАН в первый период его существования как в структуре Коммунистической академии, так и в структуре Академии наук СССР². Тем самым всемирная известность работ советских ученых складывается именно после выхода в свет книги Кельзена.

Во введении к своей книге Кельзен отмечает парадоксальный факт влияния исторического материализма на современные социальные науки, а также на концепции с антимарксистским содержанием. Тем не менее, он упрекает склонность социологов к редуцированию человеческих отношений, представленных в этике и юриспруденции, к фактическим отношениям политической и экономической власти с целью дать оценочную характеристику фактам относительно их правильности и справедливости, вместо того, чтобы соотносить их с предполагаемой действующей правовой нормой. Эти интеллектуалы имеют особое значение в современной юрис-

¹ См.: *Kelsen H. The Communist Theory of Law. New York, 1955.*

² Подробнее об этапах становления Института государства и права в советский период см.: *Ратнер Л. И., Тадевосян В. С. Институт государства и права Академии наук СССР за 50 лет. М., 1976; Лантева Л. Е. Институту государства и права – 80 лет // Государство и право. 2005. №5. С. 5-18; Савенков А. Н. Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. №3. С. 7-23.*

пруденции, пытаясь заменить саму юриспруденцию юридической социологией, ведь советская правовая наука приспособляется к политике советского государства, не способна освободиться от политики и в конечном итоге неизбежно будет утрачивать свое влияние на принятие решений в государстве. Этот радикальный тезис Кельзен формулирует, чтобы показать, что именно ученые оказываются инструментом проведения такого рода политики, и потому в книге уделяется внимание тем советским правовым концепциям, которые уже переведены на иностранные языки и вызывают живой интерес у европейской общественности. Отсюда включение в разделы книги Кельзенем работ П.И. Стучки, М.А. Рейснера, Е.Б. Пашуканиса, А.Я. Вышинского, С.А. Голунского и М.С. Строговича.

Но именно на этом пути автор книги сталкивается с источниковедческими и методологическими вопросами. Так, основным источником для книги Кельзена является сборник «Советская философия права», изданный в 1951 г. под редакцией известного американского ученого и основателя советологии Дж. Хазарда. Дж. Хазард в 30-е гг. XX в. обучался в аспирантуре в Москве в числе первых зарубежных аспирантов, приехавших по обмену в Советский Союз³. В дальнейшем на протяжении всей своей жизни Дж. Хазард будет знакомить мировую общественность с правовыми теориями советских ученых и обновлениями советского законодательства. Неудивительно, что именно его хрестоматии на английском языке активно использовались вместо поиска отдельных источников на языке оригинала. Венгерский ученый Имре Сабо также указывает на то, что книга Кельзена может рассматриваться как комментарий к сборнику переводов текстов советских ученых под редакцией Дж. Хазарда. Он отмечает, что в сборнике представлены произведения советских авторов, подвергавшихся критике в Советском Союзе, и особенно тех, кто подвергся осуждению официальной советской наукой (в частности, Е.Б. Пашуканис). Также Имре Сабо указывает, что работы советских правоведов после 1945 г. за одним лишь исключением в сборнике не представлены⁴.

Кроме того, Кельзен заранее делает оговорку, что в своем исследовании имеет дело не с коммунистическим правом, а с общей теорией права, выдвинутой советскими авторами, применяющими (или делающими вид, что применяют) принципы коммунистического строительства. Отсюда меньшее внимание автора к политическим процессам в советском обществе и больше внимания к содержанию конкретных правовых концепций.

Восприятие аргументации марксизма. Кельзен в первую очередь пытается разобраться с сущностью аргументации в марксизме о том, что экономическое производство и социальные отношения, которые оно составляет, определяют возникновение, существование и исчезновение государства и права. Развивая данное положение, Кельзен указывает, что ни одно из этих явлений не является существенным элементом человеческого общества, так как оно существует только в определенных экономических условиях, то есть тогда, когда средства производства находятся в исключительном распоряжении меньшинства, которое использует или злоупотребляет этим с целью эксплуатации подавляющего большинства. В рамках марксистского подхода государство вместе со своей правовой системой является принудительным механизмом для поддержания эксплуатации одного класса другим, инструментом класса эксплуататоров, который благодаря государству и праву становится политически господствующим классом. И вот в этом случае Кельзен допускает оговорку, утверждая, что государство - это власть, созданная с целью удержания конфликта между численно преобладающим и господствующим классом в рамках порядка⁵. В то же время словосочетание «созданное», «учрежденное» не корректен в данном случае, так как Ф. Энгельс указывал, что государство - это явление, не навязанное обществу извне, и не реализация идеи или механически созданный аппарат, а результат развития общества, расколовшегося на классы⁶. Этот «порядок», в рамках которого удерживается конфликт классов - есть право, которое, согласно этой точке зрения, хотя и отличается от государства, но находится в существенной связи с государством. Кельзен приходит к выводу, что господство одного класса над другим есть сущность государства, тождественная эксплуатации одного класса другим. Господствующий класс по существу эксплуататорский класс. В этом моменте следует уточнить, что не отрицая классовую сущность государства, Энгельс указывает на существенный признак государства, а именно: «Государство предполагает особую публичную власть, отделённую от всей совокупности постоянно входящих в его состав лиц»⁷. Проблеме марксистского определения государства Кельзен посвящает несколько параграфов своей книги.

Параграфы первой главы книги «Реальность и идеология», «Государство и право как реальность», «Государство и право как идеология», «Смешение права и теории права», являются определяющими для всего понимания Кельзенем исторического материализма. Раскрывая в данных параграфах положения марксизма о важности взаимосвязи экономических условий, с одной стороны, и государства и права с другой, Кельзен, обращаясь к известной метафоре К. Маркса о политической и юридической «надстройке» (установленной над отношениями производства, составляющих экономическую структуру общества), создаёт путаницу, утверждая, что *идеологии формируют надстройку*, в то время как устройство (экономическое), представляет социальную реаль-

³ См.: Hazard J. N. Moscow Law Institute // American Bar Association Journal. 1938. Vol.24. N.2. P. 130-131; Hazard J. N. Reflections on Thirty-Five Years of Research in Soviet Law // Columbia Law Review. 1970. Vol.70. N.2. P. 188-193.

⁴ Сабо И. Ганс Кельзен и марксистская теория права // Против современной правовой идеологии империализма. Сборник статей. М., 1962. С. 333-334.

⁵ См.: Kelsen H. Op. cit. P. 1.

⁶ См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. М., 1961. С. 96.

⁷ Там же. С. 96.

ность⁸. Дело в том, что отождествляя «базис» с введенным им термином «социальная реальность», который отсутствует и в классическом марксизме, и в его советской интерпретации, Кельзен путает не только читателя, но и себя самого в дальнейшем. Данный факт был отмечен как В.А. Тумановым, который обвинял Кельзена в нагромождении несурзаиц вокруг марксистского понятия базиса и надстройки⁹, так и Имре Сабо¹⁰.

Так, например, Кельзен приводит цитату Маркса о базисе и надстройке: «Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»¹¹. Он утверждает, что «надстройки» - это «формы общественного сознания», которые Маркс позднее характеризует как «идеологические формы, в которых люди осознают социальную реальность»¹². Акцентируя внимание на данном утверждении, И. Сабо обвиняет Кельзена в «фальсификации» марксизма¹³ и указывает (как впрочем и В.А. Туманов) на то, что политическая и юридическая надстройка помимо идеологической формы имеют форму учреждений. Однако, как в работах В.А. Туманова, так и в работах И. Сабо, отсутствует указание на то, что Кельзен, пытаясь «уберечь» марксизм от метафизических конструкций (в понимании нормативизма), отказывал политическим и правовым институтам в их существовании вне человеческого сознания, ссылаясь на работу основателя диалектической теологии Карла Барта и работы Карла Мангейма, согласно которым отношения между базисом и надстройкой характеризуются как отношения между дифференцированными социальными группами и соответствующими дифференциациями в понятиях, категориях и моделях мышления¹⁴. При этом Кельзен критикует подход по поводу разграничения институтов и идей М. М. Бобера, так как не усматривает в его работе «Интерпретация истории Карла Маркса» различий между этими двумя элементами надстройки. Следует отметить, что К. Барт и К. Мангейм не признавались официальной советской наукой в качестве корректных интерпретаторов марксизма, не были марксистами и никогда себя к ним не причисляли. В связи с этим возникает вопрос о допустимости использования их интерпретации Маркса для описания теории государства и права на марксистских основаниях самим Кельзеном.

Обращаясь к интерпретации Энгельса о дихотомии базиса и надстройки («Экономическая структура общества образует реальную основу, на которой в конечном счете может быть объяснена общая надстройка правовых и политических институтов, а также религиозных, философских и других идей каждого исторического периода»), Кельзен делает вывод о том, что право в марксистской интерпретации имеет характер идеологии, который в свою очередь является недостаточным, так как помимо идеологического элемента в праве также отражаются объективные отношения, порожденные экономической структурой общества.

Акцентируя внимание на первостепенном значении термина «идеология» в марксизме, Кельзен указывает на то, что Маркс употребляет термин «идеология» не в широком смысле, как тождественный понятию «идея», а в более узком и осуждающем смысле. Под идеологией Маркс понимает ложное сознание, противоположное научно обоснованной идее социальной реальности. Маркс говорит, рассматривая социальные преобразования: «Всегда следует проводить различие между материальными преобразованиями, ... которые можно описать с точностью естествознания, а также юридических, политических, религиозных, «эстетических или философских» - короче идеологических формах, в которых люди осознают эти трансформации. Как наше мнение о человеке не основано на том, что он воображает сам, так и мы не можем судить о таком периоде трансформации по его собственному сознанию»¹⁵. На основании этого Кельзен пишет: «Идеологическое» сознание ложно, потому что оно определяется социальной ситуацией человека, чей разум отражает социальную реальность главным образом интересами социальной группы или класса, к которому принадлежит человек¹⁶. Уточняя Кельзена, необходимо иметь в виду неосознанность многих преобразований в обществе и присущую инертность надстройки по сравнению с базисом. Даже в социалистическом обществе еще сохраняются элементы старого общества во всех отношениях, в том числе и в общественном сознании¹⁷. На сохранение элементов буржуазного права при социализме неслучайно обращали внимание среди советских правоведов М. Рейснер и Е. Пашуканис.

Далее Кельзен рассматривает лежащую в основе теории идеологии эпистемологическую доктрину Маркса, сформулированную в следующих знаменитых высказываниях: «Способ производства в материальной жизни определяет общий характер социального, политического и духовного процесса жизни. Не сознание людей определяет их бытие, но, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹⁸. И приходит к выводу, что под «социальным» и «политическим» процессом жизни можно понимать право и государство как социальные институты; и этот «социальный» и политический «жизненный процесс», в отличие от духовного «жизненного процесса» в первом предложении, может рассматриваться как часть «общественного бытия» людей, о котором говорится во втором предложении. Однако из-за путаницы и позиции Кельзена, обозначенной ранее, он

⁸ Kelsen H. Ibid. P. 2.

⁹ См.: Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М.: Наука, 1971. С. 237.

¹⁰ См.: Сабо И. Ганс Кельзен и марксистская теория права. С. 297-341.

¹¹ См.: Marx K. Zur Kritik der politischen Oekonomie, herausgeg. v. Karl Kautsky. Stuttgart, 1907. P. 4.

¹² Kelsen H. Ibid. P. 3.

¹³ Сабо И. Указ. соч. С. 301.

¹⁴ Kelsen H. Ibid. P.10-11.

¹⁵ Marx K. Zur Kritik der politischen Oekonomie. P. 4-6.

¹⁶ Kelsen H. Ibid. P.4

¹⁷ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. М., 1961. С. 9-32.

¹⁸ Marx K. Ibid. P. 4.

упирается в противоречие, утверждая, что существует странная двусмысленность в отношении значения отношений между реальностью и идеологией, а это, по его мнению, делает основание теории познания Маркса весьма проблематичным. Более того, согласно Кельзену эта двусмысленность играет особую роль в теории государства и права, когда возникает вопрос, относятся ли эти социальные явления к экономической структуре общества, т. е. к реальному базису или к идеологической надстройке.

Рассмотрим данное противоречие более подробно. Способ производства в материальной сфере детерминирует социальные институты, эти же институты, как и способ производства, входят в общественное бытие, которое в свою очередь определяет сознание (в том числе и идеологию). Кельзен в данном случае из-за отождествления термина «реальность» с «базисом» указывает на неопределённость относимости таких социальных институтов как государство и право к реальному базису или к надстройке. Вновь стоит обратить внимание на то, что над базисом возвышаются политическая, юридическая надстройки и формы общественного сознания. Юридическая и политическая надстройка проявляет себя в учреждениях, которые, оставаясь надстройкой, воздействуют на «реальность». Более того в самих работах Маркса и Энгельса проводится разграничение надстройки на формы сознания (в частности, представления и спекулятивная философия) и «реальные» учреждения и институты: «Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса. Право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса»¹. В данной цитате речь идет о форме общественного сознания господствующего класса, закрепленной в правовой надстройке (институте). Далее из работы Энгельса: «экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которой и объясняется в конечном счёте вся надстройка, состоящая из правовых и политических учреждений, равно как и из религиозных, философских и иных воззрений каждого данного исторического периода»².

После этого Кельзен подчеркивает, что из теории познания Маркса (общественное бытие людей определяет их сознание) возникает вопрос, возможно ли вообще сознание, отличное от идеологического, то есть ложного и иллюзорного. Поскольку сознание человека является «идеологическим» в том смысле, в котором оно определяется социальным существованием человека, ответ должен быть отрицательным. Следовательно, не может быть истинной, т. е. объективной, теории реальности вообще и социальной реальности в частности. Очевидно, что Маркс не может придерживаться своей фундаментальной позиции, поскольку само утверждение о том, что общественное бытие определяет сознание людей, должно претендовать на истинность, а это означает объективную теорию человеческого сознания, не определяемую социальным существованием человека, который это утверждает. Не может быть никаких сомнений в том, что Маркс представляет свою социальную теорию как неидеологическое правильное описание социальной реальности, как науки»³.

Маркс, очевидно, осознавал тот факт, что его доктрина идеологии ставит под угрозу его собственную социальную теорию. Вероятно, с целью защиты своей теории от возражения, чтобы не быть просто «идеологией» в осуждающем смысле этого термина, Маркс утверждает, что на определенном этапе классовой борьбы «буржуазия сама снабжает пролетариат оружием для борьбы с буржуазией», что «часть буржуазии переходит к пролетариату и, в частности, к части буржуазных идеологов, которые поднялись до уровня теоретического осмысления исторического движения в целом». Таким образом, эти «буржуазные идеологи» перестают создавать идеологии и развивают истинную науку об историческом движении общества. Но как возможна такая метаморфоза, как они могут избежать фундаментального закона, согласно которому их социальное существование, то есть принадлежность к буржуазному классу, определяет их общественное сознание? Это видимо с точки зрения социальной теории Маркса чудо, отмечает Кельзен⁴.

Не оспаривая с точки зрения формальной логики верное возражение Кельзена по поводу нарушения фундаментального закона социального существования и сознания, можно лишь подтвердить высказанное ранее предположение о недостаточном использовании первоисточников, так как приведённая цитата Маркса «буржуазия сама снабжает пролетариат оружием для борьбы с буржуазией», вероятно предполагалась Кельзеном как подтверждение противоречия высказываний Маркса его же фундаментальному закону. Однако приведённая цитата говорит вовсе не о сознательном вооружении пролетариата буржуазией, полная цитата: «The bourgeoisie itself, therefore, supplies the proletariat with its own elements of political and general education, in other words, it furnishes the proletariat with weapons for fighting the bourgeoisie»⁵. Т.е. делает она это не сознательно, а ввиду экономически детерминированной необходимости, например, образование пролетариата, необходимое для промышленного производства, буржуазная демократия и всеобщее избирательное право, дарованное в ходе буржуазных революций, должно обернуться против самой буржуазии.

В параграфе «Государство и право как реальность» Кельзен, цитируя письмо Маркса к Руге «О религии и науке», где Маркс говорит о религии как о «...«теоретическом бытии человека» в отличие от его реального существования, то есть реальности его подлинного бытия»⁶, приходит к выводу, что только определенная, а именно ложная теория государства или некая иллюзорная философия права, а не государство или право, может рассматриваться, согласно Марксу, как идеология. Делая правильный вывод о том, что только иллюзорное вы-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М., 1961. С. 443.

² Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М., 1961. С. 208.

³ Kelsen H. Ibid. P. 5.

⁴ Kelsen H. Ibid. P. 6.

⁵ Marx/Engels Selected Works, Vol. 1, Progress Publishers, 1968. P. 101.

⁶ Kelsen H. Ibid. P. 7.

ражение, которое противоречит выражаемому объекту является идеологией, Кельзен утверждает, что право не является идеологией. В заключении Кельзен приходит к следующему выводу. Поскольку закон или факт, который Маркс имеет в виду, когда он говорит о "законе", является следствием экономической реальности и сам оказывает влияние на эту реальность, то есть если закон находится в цепи причин и следствий, то он находится в реальности и, следовательно, принадлежит к базису, а не к идеологической надстройке¹.

В параграфе «Государство и право как идеология» Кельзен, приводя цитату Маркса из Манифеста Коммунистической партии: «Несомненно, будет сказано, что религиозные, моральные, философские и юридические идеи были изменены в ходе исторического развития. Но религия, мораль, философия, политология и право постоянно переживали эти перемены» и утверждая, что в этом месте мораль и право ставятся как идеологии в один ряд с философией, приходит к выводу, что в данном случае право, а не спекулятивная философия права есть идеологическая надстройка, установленная над социальной реальностью, над производственными отношениями. Далее Кельзен утверждает, что Маркс характеризует государство как идеологию, порождающую конкретную социальную реальность, а не как идеологию, порожденную конкретной социальной реальностью, указывая на явное противоречие, а именно на то, что элемент надстройки и идеология «порождают социальную реальность», хотя, как указывалось ранее, надстройка является порождением базиса.

В данном параграфе наиболее отчетливо прослеживается неокантианский характер мышления Кельзена. Согласно его представлениям, идеология не может оказывать влияния на «социальную реальность». Если право является частью идеологической надстройки как чего-то отличного от базиса и противоположной социальной реальности, образованной экономическими отношениями, то право не может быть следствием этих отношений и тем более само по себе не может влиять на них. Когда Маркс в приведенных выше высказываниях допускает взаимодействие между правом и экономикой, он имеет дело с правом как с социальной реальностью. Воздействие идеологии и надстройки на базис (социальную реальность) для Кельзена является бессмысленностью, при которой «идеология» - это «реальность»². В этой связи необходимо отметить, что в марксизме идеология не является чем-то трансцендентным, идеология влияет на поведение социальных акторов как искаженное отражение общественных отношений, при этом искаженное отражение общественных отношений (идеология) порождается самими общественными отношениями, что означает концепцию внутренне противоречивой реальности, которая для Кельзена представляется абсурдной.

Подводя итог рассмотрению положений о том, является ли право идеологией или частью социальной реальности, в параграфе «Смещение права и теории права», Кельзен приходит к заключению, что только теория как функция мышления, а не право, может быть идеологией. Право и мораль для Маркса — это идеология, потому что буржуазные идеологи интерпретируют их как должное (общечеловеческое или божественное). Для Кельзена точка зрения, согласно которой в праве применяется прикладная идеология, есть результат смешения закона с определенной теорией права. В этом смешении Кельзен упрекает не только марксистских, но и буржуазных ученых-юристов³.

Не право представляет или интерпретирует себя как должное. Этим занимается всегда какой-то юрист, который представляет или интерпретирует право определенным образом, и таким образом может выдвигать его идеологическую интерпретацию. В этом безусловно верном утверждении просматривается методологическая особенность Кельзена рассматривать исключительно право как сам по себе автономный феномен мышления, оставляя за скобками причины и основания его возникновения и развития. Однако право не привносится человеку извне, любое право есть порождение человека, которое он формирует на основании имеющихся представлений, идеологий и практик в обществе. И все имеющиеся представления так или иначе находят свое отражение в праве каждого исторического периода.

Право как норма. В параграфе «Право как норма» Кельзен делает акцент на высказывании Маркса, когда он осуждает буржуазное право как «идеологию», и говорит, что теория, согласно которой право является нормой (справедливостью) есть лишь спекулятивная теория, искажающая реальность. Кельзен в ответ аргументирует, что вполне возможно описать буржуазное право в соответствии с его собственным имманентным значением, нормой или нормативным порядком, где право не будет «виновным» в каком-либо идеологическом искажении социальной реальности. Если термин «норма» используется без какого-либо морального значения, то этим термином или соответствующим термином «должен» (sollen) выражается не моральное, а конкретное логическое значение, а именно конкретное значение связи между условием и следствием в нормах права, с помощью которых наука о праве описывает свой объект. Это как раз то, чего достигла «буржуазная теория права» в ее антиидеологической направленности, т.е. чистая теория права⁴.

Правовая норма, по утверждению Кельзена, никоим образом не отражает соответствующую реальность подобно зеркалу, отражающему картину реальной вещи, как это представляли Маркс и Энгельс в противоположность Гегелю с его отражением реальности в идее. Право и правовая норма не могут являться зеркальным отражением вещи, поскольку, если во времени и пространстве существуют отношения между людьми, предписанные или разрешенные правом, то эти отношения не могут определять право. Дело обстоит как раз наоборот,

¹ Ibid. P. 7.

² Kelsen H. Ibid. P. 11.

³ Ibid. P. 13.

⁴ Ibid. P. 14.

так как правовые нормы определяют поведение людей, которое должно соответствовать предписанию правовой нормы. Для Кельзена именно реальное поведение людей отражает правовую норму, т.е. содержанием правовой нормы является поведение, которое предписано или разрешено этой нормой.

В параграфе «Правовая и природная (естественная) реальность» Кельзен утверждает, что поскольку Маркс отвергает метафизическую нормативную интерпретацию естественной реальности, утверждая, что идеи, которые человек имеет в виду в естественной реальности, являются лишь отражением этой реальности, а не наоборот, он в принципе прав. Но он неправ, если применяет к праву ту же формулу, что и к нормам, предписывающим или разрешающим поведение человека в отношениях, к реальному поведению, соответствующему этим нормам¹. Если Маркс по отношению к естественной реальности «перевернул Гегеля с головы на ноги»², то по отношению к праву, по утверждению Кельзена, он поступил как раз наоборот. Ибо право как идея в человеческом разуме не похожа на идею о естественной реальности, в которой люди имеют отражение, зеркальное воспроизведение этой реальности. Это просто другой путь познания. В связи с этим И. Сабо отмечает, что в теории Кельзена производственные общественные отношения, которые обуславливают и отражают право, просто отсутствуют (разумеется по «методологическим» причинам), а правовая норма выступает у Кельзена как исходный, заранее данный факт, возникший вследствие причин, не установленных его теорией³.

Идеология и противоречия реальности. В данном параграфе Кельзен рассматривает марксистскую доктрину идеологии, которая приводит его к абсурдной, с его точки зрения, концепции внутренней противоречивости реальности. Эта концепция, по мнению Кельзена, является одним из важнейших инструментов материалистической интерпретации общества Маркса, которая от критики идеологического сознания переходит к критике идеологической реальности как ее основного объекта.⁴

Кельзен отмечает, что Маркс в своих работах различает «видимое и внешнее», видимое из «внутреннего фактического», «реального» движения, так как это научная работа, направленная на то, чтобы превратить просто очевидное движение во внутреннее реальное движение. Другая формулировка того же различия - это «форма проявления» и «скрытая основа». Можно обратиться к цитате Маркса из «Капитала» о стоимости и цене труда: «О таких формах проявления, как «стоимость и цена труда» или «заработная плата», в отличие от того существенного отношения, которое проявляется, — в отличие от стоимости и цены рабочей силы, — можно сказать то же самое, что о всяких вообще формах проявления и о их скрытой за ними основе. Первые непосредственно воспроизводятся сами собой, как ходячие формы мышления, вторая может быть раскрыта лишь научным исследованием»⁵. На основе такого утверждения Кельзен приходит к выводу, что реальность имеет два слоя: внешний, видимый, но иллюзорный, и следовательно идеологический, и внутренний, невидимый (скрытый внешним слоем), но истинный, т.е. подлинная реальность. Идеологическое сознание отражает только внешнюю, иллюзорную, идеологическую сущность, но оно представляется истиной, тогда как задача науки состоит в том, чтобы обнаружить истинную, подлинную реальность и таким образом выявить идеологический характер ее формы появления⁶. Для Кельзена подлинная реальность - это бессмыслица, а идеологическая реальность - абсурдное противоречие. Проблема заключается в том, что для Кельзена идеология имманентно противоречит реальности и не может воздействовать на нее, так как воздействие идеологии на реальность есть признание ее реального бытия. Кроме того, Кельзен в метафоричном высказывании о том, что логические противоречия как дефекты сознания (т.е. зеркала) не могут быть истолкованы как дефекты вещей, указывает на необоснованность переноса логического противоречия из мышления в бытие.

Таким образом, отсутствие адекватной интерпретации первоисточников марксизма неизбежно приводит Кельзена к «авторскому», а иногда и искаженному восприятию марксизма, а через него и советской юриспруденции в целом. И точно такой же подход использовали и советские правоведы в отношении нормативизма. Позднее В.А. Туманов укажет на недостаточно точную формулировку взглядов Кельзена в учебнике «Теория государства и права» С.А. Голунского и М.С. Строговича⁷, на что указывает и сам Кельзен в своей работе⁸.

Библиография

Голунский, С.А., Строгович, М.С. Теория государства и права. М., 1940.

Лаптева, Л.Е. Институту государства и права – 80 лет // Государство и право. 2005. №5.

Маркс, К. Критика Готской программы // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. Т. 19. М., 1961.

Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. М., 1961.

Ратнер, Л.И., Тадевосян, В.С. Институт государства и права Академии наук СССР за 50 лет. М., 1976.

Сабо, И. Ганс Кельзен и марксистская теория права // Против современной правовой идеологии империализма. Сборник статей. М., 1962.

¹ Ibid. P. 16.

² Marx K. Das Kapital. Hamburg, 1904, P. 47-48.

³ Сабо И. Ганс Кельзен и марксистская теория права. С. 305.

⁴ Kelsen H. Ibid. P. 16.

⁵ Marx K. Das Kapital. P. 377-378.

⁶ Ibid P. 17

⁷ См.: Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940. С. 243.

⁸ Kelsen H. Ibid. P. 143.

- Савенков, А.Н. Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. №3.
- Туманов, В.А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М., 1971.
- Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М., 1961.
- Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М., 1961.
- Hazard, J.N. Moscow Law Institute // American Bar Association Journal. 1938. Vol.24. N.2.
- Hazard, J.N. Reflections on Thirty-Five Years of Research in Soviet Law // Columbia Law Review. 1970. Vol.70. N.2.
- Kelsen, H. The Communist Theory of Law. New York, 1955.
- Marx, K. Das Kapital. Hamburg, 1904.
- Marx, K. Zur Kritik der politischen Oekonomie, herausgeg. v. Karl Kautsky. Stuttgart, 1907.
- Marx/Engels Selected Works, Vol. 1, Progress Publishers, 1968.

Е. Л. Поцелуев,

*кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
юридического факультета Ивановского государственного университета*

КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В. И. ЛЕНИНА В ПОСТСОВЕТСКОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПО «ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ»

Аннотация: В статье изложены взгляды В.И. Ленина на установление большевиками диктатуры пролетариата, удержание ее с помощью насилия и террора и через систему Советов, о роли партии в советском механизме государстве. Используются первоисточники (отдельные работы Ленина), но главное внимание уделено освещению и анализу ленинских идей на государство, власть, демократию, право в учебной литературе, изданной в Российской Федерации в середине 90-х годов XX – начале XXI вв. Используются работы таких известных отечественных ученых - юристов как М.В. Антонов, И.А. Исаев, В.В. Лазарев, О.Э. Лейст, Л.С. Мамут, О.В. Мартышин и др.

Ключевые слова: политико-правовое учение Ленина, теория социалистического государства, диктатура пролетариата, Республика Советов, большевистская партия в системе диктатуры пролетариата, насилие и террор.

CONCEPTS OF THE STATE AND LAW OF V.I. LENIN IN THE POST-SOVIET EDUCATIONAL LITERATURE ON THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES

Abstract: The article presents the views of V.I. Lenin on the establishment by the Bolsheviks of the dictatorship of the proletariat, maintaining it with the help of violence and terror and through the system of Soviets, on the role of the party in the Soviet mechanism of the state. Primary sources (individual works of Lenin) are used, but the main attention is paid to the coverage and analysis of Lenin's ideas on the state, power, democracy, and law in educational literature published in the Russian Federation in the mid-90s of the XX - early XXI centuries. The works of such well-known domestic scientists - lawyers as M.V. Antonov, I.A. Isaev, V.V. Lazarev, O.E. Leist, L.S. Mamut, O. V. Martyshin and others.

Key words: Lenin's political and legal doctrine, the theory of the socialist state, the dictatorship of the proletariat, the Republic of Soviets, the Bolshevik party in the system of the dictatorship of the proletariat, violence and terror.

Актуальность и важность темы. Большевизм «в силу исторических причин сыграл важнейшую роль в истории России XX столетия, и хотя бы этой причине данная доктрина заслуживает внимания. Не говоря уже о том, что отечественное правоведение в течение 70-летнего советского периода было вынуждено подстраиваться под марксистско-ленинскую идеологию», - пишет М.В. Антонов¹. Согласен с коллегой, но с одной важной оговоркой: часть ученых-юристов искренно разделяла взгляды К.Маркса. Ф.Энгельса и В.И. Ленина, ценила их идеи и труды.

По оценке Н.М. Азарова: «Ленин внес огромный вклад в развитие идей о государстве и праве»². По его мнению, важно отличать ленинские идеи «от их официальной интерпретации ленинизма как политической доктрины Советского государства. Юриспруденция Ленина после его смерти зажила самостоятельной жизнью, подобно тому как существует Макиавелли и макиавеллизм, Гегель и гегельянство, Вольтер и вольтерьянство и т.д. (уже и неогегельянство; Кант – кантианство и неокантианство, Маркс – марксизм и неомарксизм. - Е.П.)»³. Вполне можно принять такой подход автора, но с одним уточнением: в 1917- начале 20-х годов 20-го столетия вождем реализовывал свои идеи на практике.

Т.А. Шарапова пишет, что В.И. Ленин «является одним из основоположников самостоятельного течения, существовавшего внутри марксизма – марксизма-ленинизма...»⁴.

¹ Антонов М. В. История правовой мысли России. Конспект лекций. Спб., 2012. С. 201.

² Азаркин Н. М. История юридической мысли России: Курс лекций. М., 1999. С. 447.

³ Там же. С. 448.

⁴ Шарапова Т. А. История политических и правовых учений : учебник. М., 2010. С. 205.

О.В. Мартышин называет важнейшими новыми следующие идеи Ленина¹: роль, идейные и организационные основы «партии нового типа»; перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую и установление в этой связи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства; власть Советов как форма диктатуры пролетариата; победа социалистической революции первоначально в одной стране (по Ленину в Российской империи государственно-монополистический капитализм, следовательно, на этой стадии социалистическая революция возможна); понимание империализма как эпохи кризисов, кануна пролетарской революции. Поэтому исследователь делает обоснованный вывод, что вышеназванные идеи «обеспечили Ленину видное место в истории политических учений»².

«Положения о диктатуре пролетариата, пролетарской демократии, о соотношении Коммунистической партии и советского государства, об экономических функциях такого государства, его территориальном единстве, внешней политике образуют костяк ленинского учения о социалистической государственности», - констатирует Л.С. Мамут³.

Р.Т. Мухаев перечисляет заслуги В.И. Ленина – «создатель партии большевиков, вождь Октябрьской социалистической революции, основатель советского государства, один из основоположников советского марксизма», создатель «первой конституции (1918), программы построения социализма (1919), новой экономической политики (НЭП) в 1921 г., партии нового типа – массовой партии»⁴.

В.П. Малахов называет В.И. Ленина выдающимся мыслителем, теоретиком марксизма, организатором коммунистической партии России и международного коммунистического движения, основателем Советского государства и отмечает, что его идеи «легли в основу всей юридической теории советского периода»⁵. По моему мнению, последнее утверждение ученого не совсем точно, поскольку уже в советский период появились работы В.С. Нерсесянца с различением права и закона, а также широкое понимание права (В.П. Казимирчук, В.Н. Кудрявцев и др.).

«Ленинский этап развития марксистской политической мысли связан с революционными событиями в России и конкретными преобразованиями во всех сферах общественной жизни, - пишет В.В. Лазарев. - Поэтому он неизбежно привносил новые идеи, затрагивающие, прежде всего практические аспекты действия государства и права»⁶.

«Победа Октябрьской социалистической революции, а также успешная деятельность советского государства периода диктатуры пролетариата обоснованно и справедливо связываются с именем В.И.Ленина, - констатирует В.М. Сырых. – Он был и остается гениальным ученым, талантливым политиком, творческим основателем государства нового, социалистического типа...»⁷.

«Взгляды Ленина на власть и политику, государство и право, в особенности на «технологии» осуществления политического господства, его деятельность как главы Коммунистической партии и советского правительства оказали главное решающее воздействие на развитие и практики большевизма. Они имели широкий международный резонанс. В XX в. ими так или иначе вдохновлялись многие ультралиберальные политические движения разного толка», - делает вывод Л.С. Мамут⁸. С ним полностью согласен В.В. Ячевский⁹.

Таким образом, политико-правовые воззрения В.И. Ленина и практика их реализации имеют определенный интерес и ценность, сохраняют актуальность и в настоящее время.

Хрестоматии по истории политических и правовых учений. Фрагменты трудов Ленина вошли в современные хрестоматии. Р.Т. Мухаев включил в хрестоматию отрывки работ Ленина – «Государство и революция» и «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»¹⁰. В хрестоматию, составленную В.В. Ячевским, вошли «Проект и объяснение программы Социал-демократической партии», «Государство и революция» и «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»¹¹. В.П. Малахов своей хрестоматии к основным произведениям Ленина относит следующие: «Государство и революция», «О государстве», «Очередные задачи Советской власти». «О диктатуре, экономике и политике в эпоху диктатуры пролетариата» и «Материализм и эмпириокритицизм»¹².

¹ Мартышин О. В. В.И. Ленин // История политических учений. Учебник для вузов / под общ. ред. О. В. Мартышина. М., 2002. С. 785.

² Там же.

³ Мамут Л. С. Политическое учение В. И. Ленина // История политических и правовых учений. Учебник для вузов. Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М., 1995. С. 629.

⁴ Мухаев Р. Т. Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870-1924 гг.) // *Его же*. Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений: пособие для вузов, юридических и гуманитарных факультетов. М., 2000. С. 424, 425.

⁵ Малахов В. П. Ленин // *Его же*. История политических и правовых учений. Хрестоматия: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» (030501). 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 342.

⁶ Лазарев В. В. Ленинский период развития марксистской политической мысли. Политическое учение Ленина // История политических и правовых учений: учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 734.

⁷ Сырых В. М. Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобострастия). М., 2017. С. 3.

⁸ Мамут Л. С. Политическое учение В. И. Ленина // История политических и правовых учений. Учебник для вузов. Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. С. 629.

⁹ Ячевский В. В. Ленин // История политических и правовых учений. Ч.2: Русская политико-правовая мысль: Хрестоматия / сост. В. В. Ячевский. Воронеж, 2005. С. 699.

¹⁰ См.: Мухаев Р. Т. (автор-составитель). Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений: пособие для вузов, юридических и гуманитарных факультетов. С. 425-433, 434-440.

¹¹ См.: История политических и правовых учений. Ч.2: Русская политико-правовая мысль. С. 700-712.

¹² Малахов В. П. Ленин. С. 342-347.

Учебники и учебные пособия по истории политических и правовых учений. Нами изучено 13 учебников и учебных пособий по истории политических и правовых учений и лишь в трех из них интересующая нас тема не освещена¹. Полагаем, что это сделано по принципиальным причинам: видимо, вклад В.И. Ленина в сокровищницу политической и государственно-правовой мысли авторы данных учебников считают недостаточным (в том числе по сравнению с К. Марксом и Ф. Энгельсом² или П.И. Стучкой, Е.Б. Пашуканисом, И.П. Разумовским, М.А. Рейснером, Я.А. Магазинером и А.Я. Вышинским³), чтобы отразить в своем издании, а, в других случаях, его идеи возможно не изложены из-за ограниченности объема книги, но для иных ученых, философов место нашлось. Во всех остальных политических и /или государственно-правовые взгляды Ленина в разном объеме освещены.

Взгляды Ленина на государство и право. Л.С. Мамут считает, что среди работ Ленина по вопросам политики, власти и государства необходимо назвать такие как «Что делать?» (1902), «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916), «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции» (1917), «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918), «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920)⁴.

До Октябрьской революции 1917 г. большевики исходили из того, что право относится к надстройке, «которое, по мере политических завоеваний трудящихся, должно было отмереть вместе с государством как ненужный инструмент в бесклассовом социалистическом обществе»⁵.

Право - «орудие господствующего класса буржуазии, его можно использовать для достижения своих целей и во вред буржуазии, но никакого уважения праву оказывать не должно, поскольку оно аморально как средство угнетения трудящихся. Большевики были уверены, что пролетарской революцией будут разрушено и право, и государство, а на их основе будет быстро построено справедливое социалистическое общество, которому право уже будет не нужно»⁶.

Таким образом, видна негативная оценка права, которое было в эпоху капитализма и эта оценка односторонняя, поскольку после буржуазных революций на западе были уничтожены сословия и сословные привилегии, установлено формальное (юридическое) равенство, что и послужило основой для возникновения и развития гражданского общества, без которого невозможно построение правового государства.

Вслед за Марксом Ленин безоговорочно выбирал вариант: революция должна разбить государственную машину. «Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве», - утверждает Л.С. Мамут⁷.

И.А. Исаев пишет, что в большевистской теории государство «понималось как особая организация силы, организация насилия для подавления одного классового другим». В качестве доказательства ученый цитирует Ленина: «Трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплуататоров, а руководить этим подавлением, провести его в жизнь, в состоянии только пролетариат»⁸. Большевики полагали в духе формационного подхода, что государство образуется, когда общество делится на классы, когда господствующий класс начинает присваивать себе результаты труда других классов, поэтому необходим особый аппарат принуждения (государство). По утверждению Ленина, «буржуазия, называя свое государство свободным, лжет. До тех пор пока есть частная собственность, буржуазное государство, будь оно демократическая республикой или монархией, всегда является машиной для подавления рабочих». Отсюда логичный и категоричный вывод: «Наличие государства исключает наличие свободы»⁹.

Конечно, с позиций общественно-экономической формации форма государства не меняет сути государства: в буржуазном государстве могут быть разные формы правления (типичные – конституционная, парламентская монархия и президентская и парламентская республики или их гибриды).

Согласно марксистско-ленинской доктрине последней фазой развития общества будет коммунизм, в котором не будет ни государства, ни права. Для этого необходимо «гигантское развитие производительных сил, превращение труда в первую жизненную потребность каждого», «необходим высший культурный уровень общества, навык в управлении общественными делами», необходима привычка к соблюдению правил челове-

¹ См.: *Графский В. Г.* История политических и правовых учений: учебник. 3-е изд., доп. М., 2009.; *Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В.* История политических и правовых учений. Учебник. СПб., 2007; *Марченко М. Н., Мачин И. Ф.* История политических и правовых учений: учеб. пособие. М., 2007; *Мачин И. Ф.* История политических и правовых учений: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.

² *Козлихин И. Ю.* Марксизм // *Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В.* История политических и правовых учений. С.328-338; *Марченко М.Н., Мачин И.Ф.* Политическое и правовое учение марксизма // *История политических и правовых учений.* С. 292-302; *Мачин И.Ф.* Политическое и правовое учение марксизма // *Мачин И.Ф.* История политических и правовых учений. С. 311-323.

³ *Поляков А. В.* Марксистское правоведение в послереволюционный период // *Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В.* История политических и правовых учений. С. 839-848.

⁴ *Мамут Л. С.* Политическое учение В. И. Ленина // *История политических и правовых учений / под общ. ред. В. С. Нерсесянца.* М., 2000. С. 323.

⁵ *Антонов М. В.* История правовой мысли России. С. 202.

⁶ Там же. С. 202-203.

⁷ *Мамут Л. С.* Политическое учение В. И. Ленина. С. 625.

⁸ Цит. по: *Исаев И. А.* Революция и государство в доктрине социал-демократии (В. Ленин) // *Исаев И. А., Золотухина Н. М.* История политических и правовых учений России XI-XX вв. М., 1995. С. 312.

⁹ Там же.

ского общежития¹. По мысли Ленина: «пролетарское государство сейчас же после его победы начнет отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство ненужно и невозможно»².

Ленинский прогноз строился на том, что каждая новая формация превосходит предыдущую по такому показателю как производительность труда, поэтому при коммунизме и возможен принцип от каждого по способностям и каждому по потребностям. И, конечно, презюмировалось, что все люди будут при новом порядке сознательными, поэтому принуждение, негативные санкции будут ненужными. В настоящее время и обозримом будущем нет пока никаких предпосылок для коммунистического общества, поскольку есть много бедных стран, миллионы людей живут за чертой бедности, преступность (в том числе организованная и интернациональная), мир пронизан разного рода конфликтами, в том числе вооруженными.

Ленин полагал, что «всякое государство есть особая сила для подавления угнетенного класса, поэтому всякое государство несвободно и ненародно»³. Российская социал-демократическая партия (большевики) во главе с Лениным ставили цель – свержение самодержавия и установление диктатуры пролетариата. По мнению Ленина, диктатура пролетариата – это уже не государство в собственном смысле, а *полугосударство*, переходное государство, а социалистическое государство – «отмирающее государство». Оно в переходный период от капитализма к социализму осуществляет подавление эксплуататорских классов⁴. Действительно, в работе «Государство и революция» Ленин, ссылаясь на Энгельса, пишет об «уничтожении» пролетарской революцией государства *буржуазии*, а слова Энгельса «об отмирании относятся к остаткам *пролетарской* государственности после социалистической революции»⁵.

М.В. Антонов отмечает, что у Маркса диктатура пролетариата провозглашалась временной формой, необходимой лишь для разрушения государственной власти. Ленин, наоборот, этой идеологией надеялся укрепить власть, но власть партии, а не государства. Его мыслью было создание в обществе некоего синдиката, который бы осуществлял полный, тотальный контроль за всем обществом, в том числе и за остатками государственной машины. Поэтому Ленина, в определенной мере, можно назвать отцом, родоначальником отечественного тоталитаризма. Этим синдикатом должна была призвана стать система советов, руководимая и направляемая партией⁶.

По оценке М.В. Антонова, с которой, наверное, можно согласиться: «В целом для представлений Ленина той эпохи был характерен некоторый сумбур, путаница, фактически связанная с принципиальной несогласуемостью теоретических идей Маркса и практических целей большевиков. Поэтому в «Государстве и революции» можно прочитать, что все управление делами можно свести к ряду простых и несложных приемов. Любой человек, независимо от образования, профессии, умственного уровня. Способен участвовать в осуществлении функций госслужащего, и в этом смысле «любая кухарка способна управлять государством». Поэтому люди на народных сходах (советах) могут выбирать своих представителей, которым должна быть передана власть. ... речь шла не только о передовых классах – рабочих-пролетариях, и с некоторыми оговорками – крестьянах и солдатах»⁷. Эти идеи позднее получили закрепление в Конституции РСФСР 1918 г.

Диктатура пролетариата и республика Советов. В статье «Государство и революция» Ленин из определения Энгельса, что государство – «особая сила для подавления» делает вывод эта сила для подавления «пролетариата буржуазией, миллионов трудящихся горстками богачей должна смениться «особой силой для подавления» буржуазии пролетариатом (диктатура пролетариата)»⁸.

О.Э. Лейст утверждает, что в послеоктябрьских трудах Ленин уделяет диктатуре пролетариата повышенное внимание. Далее ученый цитирует В.И. Ленина: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами, не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть». «Второе издание книги «государство и революция» (1919 г.) дополнено разделом, подчеркивающим значение идеи диктатуры пролетариата в теоретическом наследии Маркса», - констатирует О.Э. Лейст⁹.

«Государственной формой диктатуры пролетариата, вовлечения трудящихся в политическую жизнь, должна быть согласно Ленину, Республика Советов». Конструирование образчика такой республики считалось одним из открытий Ленина в политической теории. В ленинском видении Советская республика сочетает черты государственной и общественной организации, элементы представительной и непосредственной (прямой) демократии. «Советы – учреждение, которые одновременно и законодательствуют, и исполняют законы, и сами же контролируют выполнение своих законов. Строится и функционирует такого типа республика на основе демо-

¹ Азаркин Н. М. В.И. Ленин. С. 454.

² Мамут Л. С. Политическое учение В.И. Ленина. С. 629.

³ Азаркин Н.М. История юридической мысли России. С.452.

⁴ Там же. С. 453.

⁵ Ленин В. И. Государство и революция // История политических и правовых учений. Ч.2: Русская политико-правовая мысль: Хрестоматия. С. 702.

⁶ Антонов М. В. История правовой мысли России. С. 203.

⁷ Там же. С. 203-204.

⁸ Ленин В. И. Государство и революция. С. 702.

⁹ Лейст О. Э. Социалистические политико-правовые учения // История политических и правовых учений. Учебник / под ред. О. Э. Лейста. М., 2001. С. 587.

кратического централизма, что означает (по крайней мере, должно означать) выборность всех органов власти снизу доверху, подотчетность их и подконтрольность, сменяемость депутатов и т.д.»¹.

Таким образом, такой подход явно противоречил идее разделения властей (разделения полномочий, функций), которая в настоящее время считается незыблемым принципом правового государства. Большевики считали, что идею правового государства буржуазной, придуманной для обмана трудящихся.

«Политико-юридическое, конституционно-правовые аспекты устройства системы Советов сравнительно мало интересуют Ленина, - утверждает Л.С. Мамут. – Главное для него – насколько Советы фактически в состоянии быть инструментом диктатуры пролетариата или, что одно и то же, находиться под беспрекословным руководством большевистской партии. Без этого Советы, в глазах Ленина, никакой ценности не имеют. Лозунг «Советы без коммунистов!» представляется ему контрреволюционным, смертельно опасным для диктатуры пролетариата. Достаточно лишь этой ленинской установки, чтобы сильно усомниться в Советах как власти, способной и намеренной дать «невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения, для эксплуатируемых и трудящихся»².

Думаю нужно согласиться с оценками и выводами О.Э. Лейста: «В условиях, когда Советы рассматривались лишь как «приводные ремни от партии к массам» Советская власть была номинальной. Даже в решениях РКП(б) резонно подчеркивалось, что Советы стали органами только агитации и пропаганды, и «намечалась политика оживления Советов». Партийно-административная диктатура не дала Советам проявить себя как органы власти. Не случайно весной 1921 г. последний клич гнущейся в Кронштадте российской социальной демократии был: «Власть не партиям, а Советам!»³.

Ленин был прагматиком политическим и государственным деятелем, которому нужно было удержать и защитить завоеванную власть, а для этого иметь поддержку большинства населения или хотя бы активной его части. Доказательство этому и эсеровский Декрет о земле в октябре 1917 г., «похабный» мир с Германией в Брест-Литовске, роспуск Учредительного собрания в январе 1918 г., сравнительно быстрый отказ от «красногвардейской атаки на капитал» и др.

Роль Коммунистической партии в механизме государства. «Роль коммунистической партии в общем механизме пролетарской государственной власти Ленин определил так: Диктатуру осуществляет организованный в Совет пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков. В свою очередь, самой партией руководит Центральный Комитет, а ими Политбюро и Оргбюро»⁴. Но уже В.И. Ленин сознательно проводил заседания ЦК партии не в полном составе, чтобы добиться принятия нужного ему решения.

Как справедливо отмечает О.Э. Лейст: «Важным условием диктатуры пролетариата в России, где рабочий класс был очень малочислен, Ленин считал партийное руководство: «Диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию»⁵. По Ленину: «Ни один важнейший политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением без руководящих указаний Цека партии. На упрек в том, что он и его партийные товарищи установили диктатуру одной (большевистской) партии, Ленин отвечает: «Да, диктатура одной партии. Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем»⁶.

«В ленинской концепции места и функции большевистской партии в системе диктатуры пролетариата (как и в ленинской практике осуществления данной концепции) партия и государство сохраняют свои специфические черты». На уровне кадровом, своим персональным составом (руководители, командиры) «эти структуры переплетаются, сращиваются. Большевики в качестве партийных функционеров выносят управленческие решения, а в качестве руководящих работников госаппарата – они же проводят их в жизнь». Большевики («непосредственно правящий авангард пролетариата») нелегитимным путем установили господство над страной (роспуск Учредительного собрания, где они были в меньшинстве), сконцентрировали в своих руках законодательную, исполнительную и судебную власть. Не получается даже однопартийного государства, ибо «нет самой государственности как суверенной организации публичной власти»⁷. Как показал советский опыт и опыт некоторых африканских стран возможно «сращивание» государства и одной – правящей, «государственной» партии.

Таким образом, на страницах большинства учебников и учебных пособий по истории политических и правовых учений, изданных в постсоветский период, излагаются идеи о диктатуре пролетариата, о подавлении сопротивления свергнутых классов, о роли большевистской партии в руководстве страной с помощью Советов, об отмирании государства и права и др. и применение их на практике. Многие ученые высоко оценивают политико-правовое учение Ленина, другие – довольно критично как его взгляды, так и их реализацию в советской стране.

Библиография

Азаркин, Н. М. В.И. Ленин // *Его же*. История юридической мысли России: Курс лекций. М., 1999.

Антонов, М. В. Большевизм // *Его же*. История правовой мысли России. Конспект лекций. Спб., 2012.

¹ Мамут Л. С. Политическое учение В.И. Ленина. С. 627.

² Там же. С. 628.

³ Лейст О. Э. Социалистические политико-правовые учения. С. 588.

⁴ Лейст О. Э. Социалистические политико-правовые учения. С. 588.

⁵ Там же. С. 587.

⁶ Мамут Л. С. Политическое учение В.И. Ленина // История политических и правовых учений. Учебник для вузов. Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. С. 628.

⁷ Там же.

- Графский, В. Г.* История политических и правовых учений: учебник. 3-е изд., доп. М., 2009.
- Исаев, И. А.* Революция и государство в доктрине социал-демократии (В. Ленин) // Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России XI-XX вв. М., 1995.
- Козлихин, И. Ю.* Марксизм // Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений. Учебник. СПб., 2007.
- Козлихин, И. Ю., Поляков, А. В., Тимошина, Е. В.* История политических и правовых учений. Учебник. СПб., 2007.
- Лазарев, В. В.* Ленинский период развития марксистской политической мысли. Политическое учение Ленина // История политических и правовых учений: учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008.
- Лейст, О. Э.* Социалистические политико-правовые учения // Его же. История политических и правовых учений. Учебник под ред. О. Э. Лейста. М., 2001.
- Ленин, В. И.* Государство и революция // История политических и правовых учений. Ч.2: Русская политико-правовая мысль: Хрестоматия / сост. В. В. Ячевский. Воронеж, 2005.
- Малахов, В. П.* История политических и правовых учений. Хрестоматия: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» (030501). 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012.
- Малахов, В. П.* Ленин // Его же. История политических и правовых учений. Хрестоматия: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» (030501). 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012.
- Мамут, Л. С.* Политическое учение В. И. Ленина // История политических и правовых учений. Учебник для вузов. Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М., 1995.
- Мартышин, О. В.* В. И. Ленин // История политических учений. Учебник для вузов / под общ. ред. О.В. Мартышина. М., 2002. С. 760-787.
- Марченко, М. Н., Мачин И. Ф.* Политическое и правовое учение марксизма // Их же. История политических и правовых учений: учеб. пособие. М., 2007.
- Марченко, М. Н., Мачин, И. Ф.* История политических и правовых учений: учеб. пособие. М., 2007.
- Мачин, И. Ф.* История политических и правовых учений: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
- Мачин, И. Ф.* Политическое и правовое учение марксизма // Его же. История политических и правовых учений: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
- Мухаев, Р. Т.* Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений: пособие для вузов, юридических и гуманитарных факультетов. М., 2000. С. 425-433, 434-440.
- Мухаев, Р.Т.* Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870-1924 гг.) // Его же. Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений: пособие для вузов, юридических и гуманитарных факультетов. М., 2000.
- Поляков, А. В.* Марксистское правоведение в послереволюционный период // Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений. Учебник. СПб., 2007.
- Сырых, В. М.* Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобострастия). М., 2017.
- Шарапова, Т. А.* История политических и правовых учений: учебник. М., 2010.
- Ячевский, В. В.* Ленин // История политических и правовых учений. Ч.2: Русская политико-правовая мысль: Хрестоматия / сост. В. В. Ячевский. Воронеж, 2005.

К. С. Коровин,
*научный сотрудник Научно-образовательного центра
изучения проблем теории и истории государства и права
Уральского государственного юридического университета*

СОВЕТЫ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ДОКТРИНЕ В 1917-1918 ГГ. *

Аннотация: В статье рассматривается формирование понятия «Советы» в российской социалистической традиции. Была показана эволюция государственно-правовой идеологии Ленина относительно советской сущности государства и Советов как особого государственного органа власти. Его взгляды на государства стали основой для обсуждений вопросов юридической формы организации Советов в конституционной комиссии при ВЦИК 1918 г.

Ключевые слова: Ленин, Советы, государственная власть, социализм, конституционная доктрина, социалистическая мысль, орган власти, конституционная комиссия, ВЦИК, идеология, государство.

K. S. Korovin,
*Researcher at the Scientific and Educational Center
studying the problems of theory and history of state and law
Ural State Law University*

«SOVIETS» AS A FORM OF A STATE AUTHORITY ORGANIZATION IN THE SOCIALIST CONSTITUTIONAL DOCTRINE IN 1917-1918

Abstract: The article examines the formation of the concept of "Soviets" in the Russian socialist tradition. The evolution of Lenin's state-legal ideology regarding the Soviet essence of the state and the Soviets as a special state authority was shown. His views on states became the basis for discussions on the legal form of the organization of Soviets in the constitutional commission under the All-Russian Central Executive Committee in 1918.

Key words: Lenin, Soviets, state power, socialism, constitutional doctrine, socialist thought, authority, constitutional commission, All-Russian Central Executive Committee, ideology, state.

Для революционного периода необходима учредительная власть, которая пока ещё нелегальна, но легитимна – поддерживается народом. В период Французской революции она выразилась именно в коммуне, образованной спонтанно, стихийно на базе старых муниципалитетов, не по строгой процедуре и опирающейся на локальные сообщества. Эта идея получила распространение у анархистов – П.-Ж. Прудона и М. Бакунина – как альтернатива государственной власти, а не учреждающее действие. Позже социалисты в лице Л. Троцкого и Р. Люксембург понимали Советы как форму народного представительства¹. Например, философ Х. Арендт характеризовала Советы с положительной точки зрения как форму активной репрезентации людей, в отличие от парламента, репрезентирующего их пассивно – как представителей определённых интересов².

Миф о государстве-коммуне стал изначально определяющим для конституционного конструирования реальности, однако впоследствии был заменён диктатурой пролетариата. После осуществления Октябрьской революции большевики, по мнению А.Н. Медушевского, столкнулись с идеологической проблемой отсутствия плана построения нового общества. В связи с этим лидирующую позицию заняла хорошо известная им идея К. Маркса о коммуне, получившая широкое распространение в европейских левых партиях накануне Первой мировой войны, рядах европейского и русского анархизма, повлиявшая на радикальное народничество в России. Не просто так практически все партии характеризовали большевизм как анархическую силу: правые партии говорили о его фанатическом стремлении разрушить все, кадеты – о проявлении традиционалистских черт, меньшевики – о победе бакунизма над марксизмом, эсеры – о его сходстве с якобинско-бланкистской диктатурой³.

Возникшая ещё в 1871 г. в Европе идея коммуны занимала умы многих интеллигентов в России, в том числе брата В.И. Ленина А. Ульянова, состоящего в «Народной воле». В отношении него специальный трибунал Сената в 1887 г. вынес решение о смертной казни, потому что Александр III, увидев революционные листовки, которые распространяла «Народная воля», сказал: «Да это просто Парижская Коммуна»⁴. Обоснование мифа коммуны позволяло легитимировать Октябрьскую революцию как логический переход от Временного правительства и Учредительного собрания к советской непосредственной демократии. Помимо этого, большевики так обосновывали мессианские цели мировой революции и создания всемирной коммунистической федерации.

Учение В.И. Ленина о коммуне в 1917-1918 гг. было ярко представлено в двух произведениях, каждое из которых может быть выделено в качестве самостоятельного этапа его творчества: «Государство и революция» (1917 г.) и «Очередные задачи Советской власти» (1918 г.).

* Публикация подготовлена в рамках реализации финансируемого РФФИ научного проекта № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

¹ См.: Магун А. Революция и кризис репрезентации // Логос. №2 (86). 2012. С. 83-86.

² См. подробнее: Аренд Х. О революции. М., 2011.

³ См.: Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб., 2017. С. 169.

⁴ Цит. по: Каррерд'Анкосс Э. Ленин. М., 2017. С. 20.

«Государство и революция» является отправной работой в понимании логики первых шагов советской власти. В ней даётся системное изложение марксистского учения о государстве-коммуне, находящегося в основе советской конституционно-доктрины и проекта Конституции РСФСР 1918 г. В.И. Ленин считал, что нужно создать государство переходного типа по образцу Парижской коммуны и полностью уничтожить такое явление, как парламентаризм, в советском государстве. По его мнению, все граждане должны стать наёмными служащими всенародного государственного синдиката, который необходим «для подавления сопротивления эксплуататоров и для руководства громадной массой населения» в трудный переходный период. Как только соблюдение социальных норм станет привычкой по мере перехода от революционности к законности, наступит последняя стадия – отмирание государства⁵.

«Очередные задачи Советской власти» стали переломом во взглядах В.И. Ленина: он предлагал отступить от принципов Парижской коммуны, провозглашённых в «Государстве и революции», поскольку в переходный период необходима была именно диктатура – «железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении, как эксплуататоров, так и хулиганов»⁶. Тем не менее, социалистическое государство должно возникнуть в форме «производственно-потребительских» коммун (фабрик, деревень) с большой долей автономии в применении «общих советских узаконений». Здесь уже видится переход к другому принципу – диктатуре пролетариата.

Большевики, как писал В.И. Ленин, связывали возникновение государства-коммуны именно с классовой борьбой⁷. Она является необходимостью, так как имущие слои при прежнем общественном строе имели ряд экономических и политических благ, от которых они не готовы отказаться. Буржуазия будет сопротивляться, в связи с чем пролетариат будет вынужден использовать меры государственного принуждения для её подчинения социалистическим законам. Только рабочий класс способен стать движущей силой революции, поскольку крестьянство разобщено и им довлеют частнособственнические интересы⁸. Также в процессе трудовой деятельности на производстве пролетариат обрёл необходимые качества для построения коммунизма: высокая степень организованности и способность вести за собой мелкобуржуазные слои общества⁹.

Апрельская конференция, проходившая 24-29 апреля 1917 г., провозгласила изменение партийной программы в части понимания сущности государства, а именно: не буржуазно-демократическую республику строят большевики, а «демократическую пролетарско-крестьянскую республику», без полиции, армии и чиновничества¹⁰. Движение от буржуазного государства, как считал В.И. Ленин, к бесклассовому обществу невозможно без насилия. Коммуна использует государственное принуждение как необходимую меру для подавления сопротивления имущих слоёв населения и руководит массой населения, крестьянством, полупролетариями и мелкой буржуазией¹¹.

В.И. Ленин говорил, что пролетарское государство будет сильно отличаться от буржуазного, а именно своим демократизмом: буржуазный «демократизм всегда остаётся ... демократизмом для меньшинства, только для имущих классов, только для богатых»¹², тогда как пролетарская демократия будет доступна всем трудящимся. Именно поэтому население в буржуазных странах зачастую политически индифферентно, потому что не имеет финансовых возможностей для участия в выборах. Да и у имущих слоёв нет интереса в том, чтобы беднота была активной в избирательном процессе. Пролетарский демократизм характеризуется тем, что все население страны (вооружённые отряды рабочих) участвует в политической жизни, а не только народные представители, как это происходит в буржуазном государстве. Он прямо ссылается на опыт Парижской коммуны, а также на «вооружённых людей» Ф. Энгельса, которые являются одним из компонентов государства¹³.

Советское государство, как писал В.И. Ленин, являлось демократией нового исторического типа, которая даст населению возможность фактически, а не формально, пользоваться всеми политическими правами. Это первое в истории государство, где во главе него стоит пролетариат. Именно поэтому «пролетарская демократия в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии; советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики»¹⁴. Большевики по факту устанавливают новый тип демократии – демократический для неимущих слоёв и диктаторский для буржуазии, т. е. социалистическое государство¹⁵. Оно является государством рабочих не потому, что пролетариат составляет большую часть населения (наоборот, крестьянство количественно сильно преобладало), а потому что оно выражает публичный интерес и берет на себе обязательство построить социалистическое общество.

⁵ См.: Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Август - сентябрь 1917 г.; ранее 17 декабря 1918 г. // ПСС. Т.33. М., 1974. С. 101-102.

⁶ Ленин В.И. Очередные задачи советской власти. Между 13 и 26 апреля 1918 г. // ПСС. Т.36. М., 1974. С. 165-208.

⁷ См.: Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. С. 34.

⁸ См.: там же. С. 25.

⁹ См.: Сырых В. М. Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобострастия). М., 2017. С. 127.

¹⁰ См.: Седьмая (апрельская) всероссийская конференция РСДРП(б). Петроград. 24-29 апреля (7-12 мая) 1917 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. С. 510.

¹¹ См.: Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. С. 26.

¹² Там же. С. 87.

¹³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.21. М., 1961. С. 120.

¹⁴ Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. 9 октября 1918 г. // ПСС. Т.37. М., 1974. С. 101-110.

¹⁵ См.: Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. С. 35.

Цитируя К. Маркса, В.И. Ленин писал о коммуне как о противоположности империи, форме республики, направленной на уничтожение монархического строя, а также любого классового господства. Суть такой республики состояла в «уничтожении постоянного войска и замене его вооружённым народом», лишении полиции политических функций, его формировании на основе всеобщего избирательного права, отмене привилегий общественной службы и приравнивании достатка чиновника к заработной плате рабочего («дешёвое правительство»). Все это являлось проявлением более полной демократии, которая теперь являлась не буржуазной, а пролетарской, не «угнетательской» демократией, а «демократией угнетённых классов». Перейти от капитализма к социализму нельзя без возврата к «примитивному» демократизму. И государство как «особая сила для подавления определённого класса» превращалось в «нечто ..., что уже не есть собственно государство». Поскольку народ превращается в инструмент угнетения, в какой-то степени «государство начинает отмирать»¹.

Парижская коммуна, по мнению В.И. Ленина, как «правительство рабочего класса, результат борьбы производительного класса против класса присваивающего» воплотилась в ходе революции в Советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Советы должны стать органом законодательной и исполнительной власти, так как парламентарии должны исполнять и следить за реализацией изданных законов. Парламентаризм буржуазного типа в социалистическом обществе будет неуместен, «коммуна должна быть не парламентским учреждением, а работающим». «Революционно-пролетарская» критика парламентаризма состоит не в отказе от представительства, а в трансформации последнего в «работающий» механизм. «Закулисно» принимать решения и «надувать «простонародье» в новом обществе неприемлемо. «Продажный и прогнивший парламентаризм» должен быть заменён на ответственную работу выборных лиц, работающих без «разделения труда», принимающих и одновременно исполняющих законы самостоятельно².

В организации Советов В.И. Ленин полностью ориентировался на понимание К. Марксом коммуны как не «парламентарной», а «работающей корпорации», являющейся законодательным и исполнительным органом³. При социализме основы для развития бюрократизма будут просто уничтожены - пролетариат устранил бюрократизм благодаря таким мерам, как выборность и сменяемость чиновников, замена парламента органом, который одновременно издаёт законы и занимается их исполнением⁴. По мнению К.Н. Куликова, политическая организация общества по образу Парижской коммуны понимается В.И. Лениным как наилучшая форма диктатуры пролетариата⁵. Подтверждением выступает следующее высказывание В.И. Ленина: «Если бы народное творчество революционных классов не создало бы Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадёжным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя»⁶.

Миф коммуны, по мнению А.Н. Медушевского, повлиял на представления о рабочей демократии у левых коммунистов, а также на сторонников диктатуры, которые оставили неизменным коммунистический идеал, от которого впоследствии им пришлось отказаться⁷. Эти представления стали основой, на которой строились все проекты советской конституции и сама конституция, принятая в 1918 г. как альтернативный вариант Учредительному собранию. Трансформация мифа о государстве-коммуне происходила именно в конституционной комиссии. В итоге идеал коммуны был отложен на потом в угоду тактическим причинам для целей переходного периода. Левые партии указывали на несоответствие советской модели идеалу коммуны: опора не на всеобщие выборы, а на многоступенчатые (А. Богданов)⁸; наличие единоличных диктаторов и отсутствие коллегиального начала (эсеры-максималисты)⁹; есть импровизация, а не коммунистическая наука государственного права (М.А. Рейснер)¹⁰.

В.И. Ленину пришлось отступить от «святых» принципов Парижской коммуны в целях реализуемости советского проекта. Во-первых, для того чтобы привлечь буржуазных специалистов для строительства советской экономики, большевики пойдут на такой шаг, как повышение им жалованья по сравнению со среднестатистическим рабочим. Во-вторых, в области повышения производительности труда большевики возьмут за основу капиталистические достижения науки и техники. В целом, как писал В.И. Ленин, на этапе перехода от капитализма к социализму «сразу избавиться от дурного наследия капитализма мы не в состоянии»¹¹. После же решения таких управленческих, организационных задач Россия станет «не только советской, но и социалистической республикой»¹².

¹ Там же. С. 41-43.

² Там же. С. 45-48.

³ Там же. С. 45-49, 55.

⁴ См.: там же. С. 115.

⁵ См.: Куликов К. Н. Марксистско-ленинская теория диктатуры пролетариата и ее претворение в победе Великой октябрьской социалистической революции: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1954. С. 30.

⁶ Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? Конец сентября - 1 (14) октября 1917 г. // ПСС. Т.34. М., 1974. С. 305.

⁷ См.: Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. С. 173-174.

⁸ См.: Богданов А. А. Социализм науки. 1918 г. // Его же. Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990. С. 405-407.

⁹ См.: Союз эсеров-максималистов. Документы и публицистика 1906-1924 гг. М., 2002. С. 135-137.

¹⁰ См.: Рейснер М.А. Советская конституция: обзор литературы // Печать и революция. 1921. Кн.3. С. 124-135.

¹¹ Ленин В. И. Очередные задачи советской власти. Между 13 и 26 апреля 1918 г. С. 181.

¹² Там же. С. 173.

Хотя идеал государства-коммуны не был реализован в проекте Конституции РСФСР, понятие коммуны использовалось в дискурсе участниками конституционной комиссии. Коммуна в понимании члена комиссии, большевика М.А. Рейснера отличалась от понятия коммуны, используемого как его соратниками-большевиками, так и во французском революционном законодательстве. Он говорил, ссылаясь на соответствующее название партии – РКП(б) - и Манифест Коммунистической партии, что название «коммуна» может быть полезным для будущих социальных ячеек, которые впоследствии перерастут в настоящую коммуну. Он писал, что она есть «местная советская организация» и называется таковой «в предвидении, что она станет коммуной и должна стать». Она ей обязательно станет, поскольку в её основе заложена национализация промышленности, в то время как национализация земли уже осуществлена, и торговля идёт «в полном разгаре». Коммунальные интересы различных организаций состоят, прежде всего, в потребительском распределении, а также выражают профессиональные, культурные и политические, в смысле борьбы за власть, интересы, которые составляют коммуны¹.

Сейчас так называемые коммуны образуют федерацию «социалистических хозяйств, организаций, союзов» на основе распределения потребления, «местных интересов, громадных интересов, здравых интересов». Коммуна, по мнению М.А. Рейснера, «раздавит мелко буржуазные интересы», а политическая власть должна подняться выше на уровень федерации. Именно так и произошло в советском государстве, когда съезд Советов формировался на основе представительства от коммун («будем называть их местными советами»)². «К моему удивлению, Ланин очень часто употребляет слово коммуна, так что мне было очень приятно видеть, что мы единогласны»³. Это была единственная отсылка к В.И. Ленину, а точнее к его работе «Государство и революция», которая встречалась в материалах конституционной комиссии. В основном члены комиссии оперировали его идеями, прямо не артикулируя их. И.В. Сталин вовсе призывал не увлекаться такими названиями, как коммуна, так как в Кронштадской и Петроградской коммунах существовала такая же организация советской власти, как и везде. Важно то, что любая советская организация являлась «самостоятельной единицей, вступающей в союз». Он запутался в терминологии М.А. Рейснера, а конкретно его смутили понятия «федерация профессиональных союзов, кооперативов» и «федерация городов»⁴.

Члены комиссии так и не выработали понятия коммуны, в результате чего проект И.В. Сталина одержал победу. Ю.М. Стеклов вовсе считал, что коммуна, которую М.А. Рейснер обозначал как первостепенную ячейку власти, является нечёткой и неопределённой категорией⁵. Советы, являясь как воплощением коммуны, так и стремлением к ней, заменили понятие коммуны и отодвинули на второй план проект М.А. Рейснера, который, по сути, под коммуной все же подразумевал Советы. Последние являлись учреждениями массовыми, мобилизационными, возникшими ещё в ходе первой революции в 1905 г. После Февральской революции в здании последней Государственной думы, которое депутаты во главе с председателем М.В. Родзянко добровольно покинули, был образован Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Большевики изначально в него не вошли, поскольку Русское Бюро ЦК РСДРП было противником Советов и агитировало за создание социал-демократических комитетов⁶. На первом съезде, проходившем с 3 июня по 24 июля 1917 г., большевики присутствовали в меньшинстве.

В регионах бывшей Российской империи земства стали опорой Временного правительства, в то время как социалистические партии не были особо популярны. Лишь позже эсеры стали захватывать определённые позиции в общественной жизни провинции. Основная борьба за власть сосредоточилась в Петрограде, где Совет был уполномочен Всероссийским совещанием Советов, проходившем 29 марта – 3 апреля 1917 г., представлять все Советы России. Петроградский Совет инициировал знаменитую Декларацию прав солдата, тем самым привлёк на свою сторону военных. Первый Всероссийский съезд Советов создал Всероссийский Центральный исполнительный комитет (ВЦИК), который стал центром принятия решений среди рабочих и солдат. Крестьянство создало свой Центральный исполнительный комитет, поскольку классовый состав этих Советов был разным. В последних преобладали эсеры и меньшевики. Между тем ещё было Временное правительство, которое признавалось официальным центром власти даже большевиками. С точки зрения М. Реймана, говорить о двоевластии не имеет смысла, поскольку Петроградский совет не был правительством, а был той политической силой, которая влияла на законодательную деятельность Временного правительства⁷.

Апрельская конференция, проходившая 24-29 апреля 1917 г., зафиксировала тот факт, что население в регионах России стало самостоятельно организовывать Советы. Партия большевиков, в частности И.В. Сталин, Л.Б. Каменев и М.К. Муранов, вплоть до возвращения из Швейцарии В.И. Ленина была настроена на сближение с меньшевиками и другими социалистическими силами. Трудности, стоящие на пути большевиков, можно было решить только благодаря перевыборам в Советы и установлению единственно правильной линии⁸. Уже на VI съезде РСДРП(б) революционер, архитектор Н.А. Милютин заявил, что лозунг «Вся власть Советам!» означал коренной разрыв с буржуазным правительством. Новая власть будет опираться как на пролетариат, так и на

¹ Стенограмма заседания комиссии по выработке конституции 12 апреля 1918 г. // ГАРФ. Ф.6980. Оп.1. Д.5. Л. 13.

² Там же. Л. 14.

³ Заседание комиссии по выработке конституции 19 апреля 1918 г. // ГАРФ. Ф.6980. Оп.1. Д.6. Л. 10.

⁴ Стенограмма заседания комиссии по выработке конституции 12 апреля 1918 г. Л. 4.

⁵ См.: Стенограмма заседания комиссии по выработке конституции 10 апреля 1918 г. // ГАРФ. Ф.6980. Оп.1. Д.4. Л. 7, 9.

⁶ См.: *Рейман М.* Рождение державы: История Советского Союза с 1917 по 1945 год. М., 2015. С. 78.

⁷ См.: там же. С. 85.

⁸ См.: Седьмая (апрельская) всероссийская конференция РСДРП(б). Петроград. 24-29 апреля (7-12 мая) 1917 г. С. 510-511.

«беднейшие слои крестьянства». В. Володарский (М.М. Гольдштейн), большевик, считал, что крестьянство всегда будет «революционным» и с пролетариатом, так как даже если оно получит землю, то «землю жрать нельзя». Поэтому нужно модифицировать лозунг так: «Вся власть пролетариату, поддерживаемому беднейшим крестьянством и революционной демократией, организованной в Советы ...»¹.

На следующем партийном заседании И.В. Сталин решил дать комментарий по обсуждаемой проблеме. В Советы могут входить разные группы, поэтому нужно говорить о передаче власти определённым классам - «в руки пролетариата и беднейшего крестьянства», т. е. речь идёт о составе Советов². Произойдёт «устранение полиции, армии, чиновничества», которое станет получать равно столько, сколько добросовестные рабочие³. «Конфискация ... помещичьих земель. Национализация всех земель в стране ... Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк». В этих обстоятельствах задача пролетариата – «переход ... к контролю со стороны С.Р.Д. [Совета рабочих депутатов]»⁴.

В.И. Ленин подчёркивал, что по К. Марксу условием «народной революции» является мобилизация рабочего класса, или «народа» - свободного союза «беднейших крестьян с пролетариями». Он не просто должен захватить власть, «не передать из одних рук в другие», а «разбить, сломать» «грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений»⁵. Такое уничтожение будет постепенным процессом, в ходе которого народ подчинится «вооружённому авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся – пролетариату». Чиновники станут подконтрольными «надсмотрщиками и бухгалтерами», в конечном итоге их функции «будут выполняться всеми по очереди». Государственная власть здесь становится лишней, «паразитическим наростом»⁶.

Идея «работающей» демократии была направлена на преодоление буржуазного разделения властей и парламентаризма. Её выражением, по словам О. Анвейлера, стали Советы – институты, возникшие спонтанно и репрезентующие классическое традиционалистское мышление аграрного общества, проявляющееся в уравнительных и распределительных принципах крестьянской общины⁷. Никто, кроме большевиков, из социалистических партий не рассматривал Советы как альтернативу парламентаризму, а считали их способом воздействия на Временное правительство. Компартия, которая поддержала изначально Учредительное собрание, аналогично инструментально относилась к Советам. В процессе принятия Конституции РСФСР 1918 г., в связи с отсутствием внятного проекта и неопределённостью понимания «советской» демократии, как считал А.Н. Медушевский, Республика Советов стала единственно понятной формой будущего государства, вокруг содержания которой шли споры⁸.

В понимании сущности Республики Советов В.И. Лениным анархический компонент его учения о государстве прошёл определённую эволюцию. На первом этапе, в работе «Государство и революция», говорилось об установлении государства переходного типа по образцу Парижской Коммуны. Второй этап его творчества, работа «Очередные задачи Советской власти», характеризовался развитием анархо-синдикалистских идей, обобщающих социалистическое государство как сообщество производственно-потребительских коммун, но с той оговоркой, что в условиях переходного периода необходимо отступить от этих принципов в пользу диктатуры. Третий этап, «Детская болезнь», означивал полный отказ от анархизма и утверждение принципа диктатуры пролетариата.

По В.И. Ленину, Советы обладают следующими преимуществами перед буржуазными парламентскими учреждениями: состоят из представителей трудящегося народа, до этого угнетаемого (рабочие, солдаты и крестьяне), т. е. из непрофессиональных политиков; сосредотачивают в себе законодательную власть, контроль над исполнением законов, а также осуществление законов всеми членами Советов; местные Советы объединяются на началах демократического централизма⁹. «Если бы народное творчество революционных классов не создало бы Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя»¹⁰.

В структуре Советов В.И. Ленин обозначал следующие ключевые правовые характеристики: 1) революционно-военная «вооружённая сила рабочих и крестьян»; 2) «форма организации авангарда, т.е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части угнетённых классов»; 3) организация, построенная на принципе «тесной, неразрывной» связи с народом (массами), выражающейся в сменяемости и выборности разнородного с точки зрения профессий состава; 4) орган пролетарской власти, соединяющий в себе преимущества парламентаризма и прямой (непосредственной) демократии – совмещение законодательной и исполнительной функций¹¹. С одной стороны, Советы, являются демократическими государственными управленческими органами¹²,

¹ Заседание девятое 30 июля (12 августа) // Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 118-120.

² Заседание десятое (Утреннее) 31 июля (13 августа) // Шестой съезд РСДРП (большевиков). С. 122.

³ Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции. 4 и 5 (17 и 18) апреля 1917 г. // ПСС. Т.31. М., 1974. С. 115-118.

⁴ Там же. С. 117-118.

⁵ Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. С. 37-40.

⁶ Там же. С. 49-50, 55.

⁷ См.: подробнее: Anweiler O. Die Rätebewegung in Russland. 1905-1921. Leiden, 1958.

⁸ См.: Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. С. 217-218.

⁹ См.: Ленин В. И. О демократизме и социалистическом характере советской власти. Первая половина 1918 г. // ПСС. Т.36. М., 1974. С. 481.

¹⁰ Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? Конец сентября - 1 (14) октября 1917 г. // ПСС. Т.34. М., 1974. С. 305.

¹¹ Ленин В. И. Указ. соч. С. 304-305.

¹² См.: Левин М. Советский век. М., 2008. С. 243-245.

с другой же, с того момента, как они возникли в 1905 г., они не были демократическими органами и сейчас не могут признаваться эффективными¹. Компромиссом будет такая позиция, что Советы в своём развитии прошли два этапа: демократический, пока они были институтами непосредственной многопартийной демократии, и авторитарный, когда они с середины 1920-х гг. превратились в чисто декоративные институты².

В конституционной комиссии стали обсуждаться связанные с Советами вопросы более прикладного характера. Но не обошлось без теоретических рассуждений М.А. Рейснера, который говорил, что «власть, которая имеется сейчас, страшная власть, деспотическая, эта власть, извините, не крестьянская», так как она сосредоточилась в центре, наверху, а не внизу. Он предлагал сказать так: «мы, крестьянский и рабочий трудовой народ ... соединились в социалистическо-хозяйственную организацию», и пролетариат реализует власть через Советы³. Я.М. Свердлов подметил проблему того, что «... из совета всю практическую работу убрали», «Советы становятся смертными». Советы должны рассматриваться как «дееспособные, жизненные», концентрирующие «всю практическую работу власти» и непосредственно связанные с массами⁴.

Советы в новом государстве были представлены в двух формах – Центральный исполнительный комитет (ЦИК) и Совет народных комиссаров (СНК). А.И. Бердников говорил о том, что конституционная комиссия должна быть нацелена на формирование Советов как единой организации. Деятель ВЧК-ОГПУ М.И. Лацис считал, что не было надобности в «параллельных организациях» - ЦИК и СНК⁵. СНК «в том виде, как он есть сейчас» уничтожился и становился отделом ЦИК, что вызвало бы «страшную ломку», поскольку на съезде Советов, помимо большевиков, были ещё левые эсеры, а правительство по факту состояло только из большевиков. Поэтому, если правительство будет отделом ЦИК, нужно будет следить, чтобы эсеры не вошли в его состав или, наоборот, допустить то, что в правительство войдут все партии⁶. Эсерам, конечно же, было выгодно, чтобы отделы были при ЦИК, а не существовал отдельный СНК, который будет состоять только из большевиков.

В.А. Аванесов считал, что нецелесообразно менять название СНК. Проблема состояла в том, что если отделы СНК назвать отделами ЦИК, возглавляют которые народные комиссары, избираемые ЦИК, то они по своей сути и по функционалу останутся обособленными, склонными к сепаратизму. Народные комиссары обязательно должны являться членами ЦИК. Поскольку же сейчас ЦИК имеет президиум, а одновременно существует СНК, то «происходит большая путаница». В предлагаемой конструкции власти главенство будет у ЦИК, а потом уже будет в иерархии находиться СНК, функции которого будут строго разграничены. Вопрос о том, как назвать СНК (отделом, комиссариатом, коллегией), является уже второстепенным⁷.

«Ненормально быть на задворках и ворочать всеми делами», - восклицал А.И. Бердников в отношении статуса СНК. На 2-м Всероссийском съезде Советов, на котором была образована «рабоче-крестьянскую власть» говорилось, что «правительственная власть» создаётся с целью управления населением посредством временного рабоче-крестьянского правительства, именуемого СНК. Получается, что СНК – это «коллегия председателей комиссаров, а каждый из комиссаров избирается ЦИК или Всероссийским съездом Советов». Съезд или же его ЦИК контролируют деятельность народных комиссаров, которых они же избирают и смещают с должности. Комиссариат возглавляет председатель, а совокупность председателей образует правительство, именуемое СНК. Если же СНК станет отделом ЦИК, то на самом деле просто уберётся название комиссариат. Ведь лицо, стоящее во главе комиссариата, по сути является министром. В идеале же должна быть коллегия, члены которой будут равноправными лицами. Именно поэтому «С.Н.К. – вещь неопределённая». «Нужно построить с одной стороны правительство ..., а с другой стороны нужно построить отдельные комиссариаты, которые заведуют отдельными отраслями государственной жизни»⁸.

Существует два варианта, как говорил А.И. Бердников: либо отделы ЦИК «отбросить от соприкосновения с ним», либо «правительство с его отдельными отраслями нужно втянуть в Ц.И.К.». Если же правительство будет отделено от ЦИК, то создастся система разделения властей, что не является положительным результатом. Целью же является создание единого сплочённого аппарата правительства, который будет соединён с ЦИК. Комиссариаты будут отделами правительства – промежуточным аппаратом «между пленумом и президиумом Ц.И.К.». «Мы разрываем возможно больше с принципом разделения властей и создаём слитность между законодательной властью и властью исполнительной»⁹. «Следуя принципу коллегиальности», «во главе каждого центрального ведомства должна стоять коллегия». Некоторые члены комиссии говорили, что «функции председателя в правительстве тоже нужно похерить». «Я находил, что это крайнее проведение начала коллегиальности». Некоторые, наоборот, считали, что правительство должно возглавлять одно лицо с определённым неизменным курсом, что правительство «не есть какой-то механизм, склеенный из отдельных ведомств»¹⁰.

¹ См.: *Фельдман М. А.* Большая тайна советской историографии (Историография Советов в годы Гражданской войны) // *Общественные науки и современность.* 2013. №5. С. 127-137.

² См. подробнее: *Farber S.* Before Stalinism: The Rise and Fall of Soviet Democracy. Oxford., 1990.

³ Стенограмма заседания комиссии по выработке конституции 12 апреля 1918 г. Л. 12.

⁴ Стенограмма заседания комиссии по выработке конституции Советской республики 5 апреля 1918 г. // ГАРФ. Ф.6980. Оп.1. Д.3. Л. 36-37.

⁵ Стенограмма заседания Комиссии по выработке конституции 26-го июня 1918 года // ГАРФ. Ф.6980. Оп.1. Д.11. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 1-3.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 6-7.

⁹ Там же. Л. 7-8.

¹⁰ Стенограмма заседания Комиссии по выработке конституции 26-го июня 1918 года. Л. 8-9.

Я.М. Свердлов считал, что «необходимо уничтожить параллельное существование отделов и комиссариатов», «важно установить самую текущую связь между всеми советскими учреждениями, начиная с самого верха, до самого низу», для чего нужно устранить разрыв между комиссариатами и ЦИК. Аналогично ЦИК нужно более плотное взаимодействие с местными советами, а последним - с народными массами. Поэтому имелись две задачи: чтобы население имело представление о деятельности советских учреждений и чтобы население участвовало в управлении делами государства. Любой член Совета должен принимать участие в «советской работе» и отвечать перед избирателями¹. Он соглашался с А.И. Бердниковым в том, что «нам важно оттенить, что мы выделяем пр.-во как таковое, причём он согласен, что его можно назвать С.Н.К., потому что дело не в названии, а в самой сути пр.-ва». «Казалось, нужно назвать отделами, потому что отдел нечто более близкое к Ц.И.К., но мы должны считаться с практикой, кот. у нас имеется». Народные комиссариаты являются отделами ЦИК просто потому, что они обращаются в ЦИК, полагая, что они существуют при ЦИК, поэтому целесообразнее оставить народные комиссариаты в прежнем названии².

В.А. Аванесов выступил против отделов, так как «это произведёт путаницу на местах». «Одно из двух, наз. или отделами или нар. ком. Я предпочёл бы отделы Ц.И.К.» Это все равно ничего не изменит, поскольку во главе и так стоят народные комиссары. Название же нужно сохранить в связи с определённой революционной традицией. Тем не менее, во главе государства стоит ЦИК³. Нужно полностью выбросить СНК⁴. Аналогичной позиции придерживался Я.М. Свердлов, что народные комиссариаты являются отделами ЦИК⁵. И.В. Сталин подчеркнул, что против исполнительного органа никто не возражает. «Бюро ЦИК есть Совет Народных Комиссаров»⁶. Согласно статье 49 Конституции РСФСР высшей государственной властью обладал Всероссийский съезд Советов, а ВЦИК являлся высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом РСФСР⁷.

Согласованное функционирование центральных и местных Советов обеспечивалось принципом демократического централизма: развитие местных особенностей и инициативы, учёт конкретных условий региона и местное правотворчество. Все это, по словам В.И. Ленина, обеспечивало минимизацию искажений и извращений решений партии на местах⁸. Каждый член Советов должен привлекаться к решению вопросов на местах, а также должен вовлекать население для участия в государственном управлении⁹. В статье 7 Конституции РСФСР закреплено, что «власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов»¹⁰. Всякая конституция определяет характер органов государственной власти, и Конституция РСФСР наделила властными полномочиями (законодательной и исполнительной власти) Советы. Ещё до октябрьского переворота В.И. Ленин говорил: «Либо вся власть Советам в центре и на местах, ... либо помещики и капиталисты тормозят все, восстанавливают помещичью власть»¹¹. Он не видел никакой альтернативы Советам, так как Учредительное собрание было не способно революционными методами бороться с буржуазией и способствовать становлению пролетарского государства в ленинском понимании.

Итак, Советы были ключевым понятием социалистического конституционного дискурса. Изначально являясь учреждениями революционными, направленными на мобилизацию населения на определённые действия, они стали основополагающими органами власти большевистской России. Их институционализация началась на уровне партии и получила своё окончательное воплощение в конституционной комиссии. Изначально Советы имели стойкую идеологическую связь с моделью Парижской коммуны благодаря усилиям В.И. Ленина. Эволюция его взглядов относительно коммунистического содержания Советов показывает то, что его идейные мотивы не всегда соответствовали социальному праксису. Будучи революционным политиком, он тактически выстраивал свою пропагандистскую кампанию. В итоге уже ближе к дате принятия Конституции РСФСР Советы потеряли анархо-синдикалистские черты и стали инструментом диктатуры пролетариата. Именно в конституционной комиссии разгорелись споры относительно необходимости использования понятия «коммуна» в конституционном дискурсе. Большая часть дискуссий имела практическую направленность и была связана с функциональным наполнением Советов. Помимо же распределения полномочий у Советов должна была появиться определённая структура и иерархия. Как раз большей части именно этих вопросов были посвящены обсуждения в комиссии. Дело в том, что миф Парижской коммуны благодаря ленинской работе «Государство и революция» был достаточно стойким в правосознании, поэтому допустить реального разделения властей не мог ни один член конституционной комиссии. В связи с этим была выстроена антипарламентарная концепция государ-

¹ Там же. Л. 10-11.

² Там же. Л. 11-12.

³ Стенограмма заседания Комиссии по выработке конституции 26-го июня 1918 года. Л. 12-13.

⁴ Заседание комиссии по выработке конституции 19 апреля 1918 г. Л. 26-27.

⁵ Стенограмма заседания Комиссии по выработке конституции 26-го июня 1918 года. Л. 13.

⁶ Заседание комиссии по выработке конституции 19 апреля 1918 г. Л. 26-27.

⁷ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. №51. От 20 июля 1918 г. Отдел первый. Ст. 582.

⁸ См.: Ленин В. И. Очередные задачи советской власти. Между 13 и 26 апреля 1918 г. С. 206.

⁹ См.: Ленин В. И. Черновой набросок проекта программы. Март, не позднее 8, 1918 г. [Седьмой экстренный съезд РКП (б) 6-8 марта 1918 г.] // ПСС. Т.36. М., 1974. С. 70-76.

¹⁰ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года.

¹¹ Ленин В. И. Один из коренных вопросов революции. 14 (27) сентября 1917 г. // ПСС. Т.34. М., 1974. С. 205.

ства, направленная на соединение всех полномочий в одном органе – Советах. Более того, споры дошли до того, чтобы среди Советов – Ц.И.К. и С.Н.К. – сделать объединение с целью формирования полного единоначалия. Представляется, что абсолютное отрицание разделения властей, сдержек и противовесов может привести именно к такому тотальному пониманию государственной власти.

Библиография

- Anweiler, O.* Die Rätebewegung in Russland. 1905-1921. Leiden, 1958.
- Farber, S.* Before Stalinism: The Rise and Fall of Soviet Democracy. Oxford., 1990.
- Аренд, Х.* О революции. М., 2011.
- Богданов, А. А.* Социализм науки. 1918 г. // Его же. Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990.
- Заседание девятое 30 июля (12 августа) // Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958.
- Заседание десятое (Утреннее) 31 июля (13 августа) // Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958.
- Заседание комиссии по выработке конституции 19 апреля 1918 г. // ГАРФ. Ф.6980. Оп.1. Д.6.
- Каррерд'Анкокс, Э.* Ленин. М., 2017.
- Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. №51. От 20 июля 1918 г. Отдел первый. Ст. 582.
- Куликов, К. Н.* Марксистско-ленинская теория диктатуры пролетариата и ее претворение в победе Великой октябрьской социалистической революции: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1954.
- Левин, М.* Советский век. М., 2008.
- Ленин, В. И.* Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Август - сентябрь 1917 г.; ранее 17 декабря 1918 г. // ПСС. Т.33. М., 1974.
- Ленин, В. И.* О демократизме и социалистическом характере советской власти. Первая половина 1918 г. // ПСС. Т.36. М., 1974.
- Ленин, В. И.* О задачах пролетариата в данной революции. 4 и 5 (17 и 18) апреля 1917 г. // ПСС. Т.31. М., 1974.
- Ленин, В. И.* Один из коренных вопросов революции. 14 (27) сентября 1917 г. // ПСС. Т.34. М., 1974.
- Ленин, В. И.* Очередные задачи советской власти. Между 13 и 26 апреля 1918 г. // ПСС. Т.36. М., 1974.
- Ленин, В. И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский. 9 октября 1918 г. // ПСС. Т.37. М., 1974.
- Ленин, В. И.* Удержат ли большевики государственную власть? Конец сентября - 1 (14) октября 1917 г. // ПСС. Т.34. М., 1974.
- Ленин, В. И.* Черновой набросок проекта программы. Март, не позднее 8, 1918 г. [Седьмой экстренный съезд РКП (б) 6-8 марта 1918 г.] // ПСС. Т.36. М., 1974.
- Магун, А.* Революция и кризис репрезентации // Логос. №2(86). 2012.
- Медушевский, А. Н.* Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб., 2017.
- Рейман, М.* Рождение державы: История Советского Союза с 1917 по 1945 год. М., 2015.
- Рейснер, М. А.* Советская конституция: обзор литературы // Печать и революция. 1921. Кн.3.
- Седьмая (апрельская) всероссийская конференция РСДРП(б). Петроград. 24-29 апреля (7-12 мая) 1917 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983.
- Союз эсеров-максималистов. Документы и публицистика 1906-1924 гг. М., 2002.
- Стенограмма заседания комиссии по выработке конституции 10 апреля 1918 г. // ГАРФ. Ф.6980. Оп.1. Д.4.
- Стенограмма заседания комиссии по выработке конституции 12 апреля 1918 г. // ГАРФ. Ф.6980. Оп.1. Д.5.
- Стенограмма заседания Комиссии по выработке конституции 26-го июня 1918 года // ГАРФ. Ф.6980. Оп.1. Д.11.
- Стенограмма заседания комиссии по выработке конституции Советской республики 5 апреля 1918 г. // ГАРФ. Ф.6980. Оп.1. Д.3.
- Сырых, В. М.* Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобострастия). М., 2017.
- Фельдман, М. А.* Большая тайна советской историографии (Историография Советов в годы Гражданской войны) // Общественные науки и современность. 2013. №5.
- Энгельс, Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.21. М., 1961.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

М. А. Кожевина,
доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории права и государства
Омской академии МВД России

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕВЕДЕНИИ XIX ВЕКА*

Аннотация: В статье раскрываются историографические аспекты истории отечественного права XIX столетия. Выявляются и анализируются основные направления научного поиска в области истории русского права, определяются факторы, обусловившие развитие историко-правовой науки, определяется круг исследователей-юристов.

Ключевые слова: история права, юридическая наука, историография, методология, история науки.

M. A. Kozhevina,
Doctor of Law,
Professor of the Department of Theory and History of Law and State
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

HISTORIOGRAPHY HISTORY OF RUSSIAN LAW IN DOMESTIC LAW OF THE XIX CENTURY

Abstract: The article reveals the historiographic aspects of the history of domestic law of the XIX century. The main directions of scientific research in the field of the history of Russian law are identified and analyzed, factors determining the development of historical and legal science are determined, a circle of legal scholars is determined.

Keywords: history of law, legal science, historiography, methodology, history of science.

Историографическая традиция, сложившаяся в дореволюционный период, к сожалению, не нашла широкомасштабного развития в современной историко-правовой науке. Трудно выделить юридическую историографию как самостоятельное научное направление, современные исследователи отечественного права (приоритетно начинающие) ограничиваются лишь небольшим экскурсом в библиографию, не углубляясь в историю проблемы, не подвергая историографическому анализу предшествующий научный опыт. Раздел диссертационных исследований, посвященный степени изученности темы, как правило, наполнен большим списком известных и неизвестных ученых, за редким исключением с обозначением названия работы и ее основной идеи, в малой степени показана связь идеи с темой изыскания. Такой подход к истории науки, как нам кажется, мало эффективен, чреват утратой важных преемственных связей и размыванием предметного пространства, легковесностью и необоснованностью выводов.

Историография значимый и научный, и воспитательный инструмент, позволяет прежде всего молодому ученому понять масштаб и глубину научного поиска, определить место и роль своего научного интереса в ряду проблем современной науки, приобрести аргументы в пользу его актуальности, чтобы в последующем достойно войти в научное сообщество. Перспектива историографического направления в отечественной юридической науке очевидна, поэтому важно повернуться к нему лицом и взять за правило – индикатором качества научной работы считать качественный историографический анализ.

Историография как часть исторической науки сформировалась на рубеже XVIII-XIX веков. Историографы видели главное свое предназначение в расследовании и описании процесса познания «общей истории человечества» или «национальной истории». История русского права в качестве науки зарождается в недрах отечественной исторической науки, поэтому на протяжении всего периода становления не только создавала свой предмет, но и активно культивировала преемственные связи с общей историей, всеобъемлюще использовала ее историографический опыт. Однако имея специфику, следуя общим канонам описания процесса познания истории, определила собственный вектор в историографии истории русского права. Сегодня для историко-правовой науки этот опыт имеет непреходящее значение, позволяет соотнести современные тренды и проблематику исследований с прошлыми, обозначить преемственные перспективы. Очертить круг вопросов, которые вбирает в себя историография, пожалуй, первый шаг в решении обозначенной проблемы, сама тема намного шире, мало разработана, поэтому выделим в очерковой форме основные направления и достижения отечественной истории русского права в XIX веке.

Попытки осуществить историографический обзор истории русского права были предприняты отечественными юристами лишь во второй половине столетия. К этому времени сложилась группа исследователей, посвятивших себя изучению общих вопросов развития права в России. Они были и ведущими профессорами рос-

* Публикация подготовлена в рамках реализации финансируемого РФФИ научного проекта № 20-011-00523 «Эволюция науки истории права и государства России XVIII - XX вв.».

сийских университетов, преподававшими преимущество историю права¹. Следует отметить, что полноценного обзора ранее в силу разных обстоятельств трудно было ожидать. Признается факт, что история русского права как наука самостоятельность проявила только во второй четверти XIX в. и формировалась под влиянием немецкой исторической школы правоведения. Становление осуществлялось на фоне развернувшейся широкомасштабной систематизации русского законодательства, которая была обусловлена не только меняющимися идеологическими установками российской монархии, отражающими ее намерение еще в большей степени солидаризироваться с собственным народом посредством веры, но и потребностями как юридической практики, так и уже вполне осязаемой отечественной науки о праве.

В развитии истории русского права выделялось несколько этапов. Первый этап ограничивался XVIII – началом XIX вв. – это время зарождения в недрах отечественной истории. На фоне написания истории Российского государства (В.Н. Татищев, Г.-Ф. Миллер, М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин и др.) формировалась группа издателей сборников памятников русского права, таким образом пробуждался научный интерес к отечественному праву и возникала потребность в создании специальной источниковедческой методики изучения правовых источников. Первая четверть XIX века – следующий этап, в рамках которого история права становится частью отраслевых юридических дисциплин², заинтересованность проявилась прежде всего в изучении гражданского и уголовного законодательства. Начало третьего этапа – 1930-е гг., связывалось с появлением работ профессоров Дерптского университета И. Ф. Г. Эверса «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» и А.М.Ф. фон Рейца «Опыт истории российских государственных и гражданских законов»³. Первый ученый был воспринят как основатель родовой теории происхождения государства, второй преподнес российской науке первый «опыт полного и систематического курса истории русского права».

1840-е годы фактически определили самостоятельный научный путь истории русского права. Не исключая влияния естественно-правовой доктрины на развитие научного правосознания, основная часть российского профессионального юридического сообщества во второй четверти XIX столетия уверенно повернула свой взор в сторону немецкой исторической школы, которая не только по-новому ставила вопросы, но и предлагала соответствующую методологию познания отечественного права. Наиважнейшим являлся вопрос об образовании права, о закономерностях, о соотношении объективного и субъективного в развитии права, в его содержании, об источниках и формах права, о преемственных связях в правовом развитии общества и государства.

Новая парадигма в полной мере вписывалась в российские реалии и позволяла с позиций науки взглянуть на прошлое отечественного права. Постулат исторической школы о том, что «право каждого народа есть его историческое наследие, от которого нельзя отказаться по произволу. Право не существует искони, оно создается во времени, но не субъективным произволом людей, а объективным процессом исторической жизни народа»⁴, был положен отечественными правоведами в основу познания истории русского права.

Пальма первенства в этом направлении отдается К. А. Неволину автору первого учебника по энциклопедии законоведения (1839-1840 гг.)⁵. Ученый впервые поставил вопрос о необходимости разграничения истории законов и истории законоведения, определил способы их изложения, указал на различия в периодизации каждой, определил особенности и этапы развития. Значимым было и то, что история рассматривалась в качестве основного источника теоретического познания права. И этот взгляд ученого нашел свое воплощение в научной и образовательной практике. Будучи профессором Киевского, затем Санкт-Петербургского университета, в своих лекциях и работах он предпринял попытку адаптировать немецкий опыт изучения истории права в двух курсах: внешнем и внутреннем. Основной труд «История Российских гражданских законов» явился первым русским опытом системного изучения истории отечественного права.

Вторая половина XIX века ознаменована яркими событиями, повлиявшими на всестороннее развитие науки истории права. Университетский устав 1863 года закреплял список обязательных учебных дисциплин, в числе которых были история философии права, история римского права, история русского права, история важнейших законодательств древних и новых, отдельно история славянских законодательств. В результате в университетах появляются кафедры истории права, вокруг которых формируется научное сообщество историков права. Объединительным центром любителей истории России стала и Археографическая комиссия, созданная еще в 1834 году, ею публиковались памятники истории, проводились публичные лекции, что позволяло популяризировать историческое знание, тем самым делая его более востребованным. Заметную роль в этом процессе

¹ См. напр.: *Леонтович Ф. И.* История русского права. Одесса, 1869; *Михайлов М. М.* История русского права. СПб., 1871; *Самоковасов Д. Я.* История русского права. Варшава, 1878; *Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1879; *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1886; *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1888; *Ясинский М. Н.* Лекции по внешней истории русского права. Вып. 1. Киев, 1898; *Загоскин Н. П.* История права русского народа. Том 1. Казань, 1899; *Филиппов А. Н.* Учебник истории русского права. Часть I. Юрьев, 1912, и др.

² См. напр.: *Васильева И. В.* Извлечение из истории уголовного законодательства в России. О смертной казни // Вестник Европы. 1823. № 9. Май. С. 3-14; *Коровецкий А.* Историческое обозрение российского гражданского и уголовного права // Сын отечества и Северный архив. 1829. Т.8. №48. С. 103, и др.

³ Перевод с немецкого первой книги был осуществлен профессором И. В. Платоновым в 1835 г., второй – профессором Ф. Л. Морозкиным в 1836 г. См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Р/на-Дону, 1998. С. 34.

⁴ *Коркунов Н. М.* История философии права. Пособие к лекциям. СПб., 1908. С. 317.

⁵ См.: *Неволин К.А.* Энциклопедия законоведения. Введение в энциклопедию. Общая часть ее и первая половина особенной части // Полное собрание сочинений К.Н. Неволлина. Т.1. СПб., 1857.

сыграл Николай Васильевич Калачев, основатель и издатель научных журналов (1850-1861 гг.) «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» и «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», «Юридического вестника» (с 1861 г.), таким образом появилась площадка для опубликования результатов историко-правовых исследований.

По мнению Н. П. Загоскина в это время получили дальнейшее развитие несколько научных направлений, он называет их школами. Часть из них появилась еще в недрах исторической науки в середине XVIII- начале XIX вв., к примеру, скандинавская или норманская (М. Н. Погодин и др.) и славянская школы (Ф.Л. Морошкин и др.), поддерживающие дискуссии об истоках русской государственности. На этом фоне развитие получили две основные теории происхождения русского государства – теория родового быта (Г. Эверс) и теория общинного быта (И.Д. Беляев, Н.В. Лешков). Свою нишу в науке заняла и так называемая скептическая школа (М.Т. Каченовский), которая культивировала критическое отношение в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, призывая с недоверием относиться к использованным автором источникам, подменять их более достоверными, углубляясь в тексты летописей или таких древних памятников как Русская правда. Представители историко-правовой науки в малой степени были солидарны с этим направлением, но критический взгляд на Русскую правду был воспринят как важный импульс к исследованию русского законодательства ранних периодов.

Новым веянием в развитие науки истории русского права во второй половине XIX века стало формирование, если можно так выразиться, условно солидаризированных групп исследователей на базе ведущих университетов. Среди тех, кто состоял в этом тандеме, можно назвать историков К.С. Аксакова, К.Н. Бестужев-Рюмина, Д.А. Валуева, П.А. Иванова, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова, А.С. Лаппо-Данилевского, П.Н. Милюкова, С.Ф. Платонова, М.П. Погодина, С.М. Соловьева и юристов, оставивших заметный след в историко-правовой науке, И.Д. Беляева, М.Ф. Владимирского-Буданова, Ф.М. Дмитриева, М.А. Дьяконова, Н.П. Загоскина, Н.Д. Иванишева, К.Д. Кавелина, Н.В. Калачова В.Н. Латкина, Ф.И. Леонтовича, В.Н. Лешкова, М.М. Михайлова, Ф.Л. Морошкина, П.Н. Мрочека-Дроздовского, К.П. Победоносцева, Д.Я. Самоквасова, В.И. Сергеевича, А.Н. Филиппова, Б.Н. Чичерина, и др.

В целом к концу XIX века история русского права была сложившейся научной дисциплиной. В соответствии с принципами исторической школы определялся предмет, наиболее полно он сформулирован в «Обзоре истории русского права» В. Ф. Владимирского-Буданова: «Понятие о науке истории русского права выводится из трех отдельных признаков, входящих в него, а именно из понятий: а) *о праве*, как совокупности обязательных норм, определяющих отношения государственные и частные; б) *об истории*, как прогрессивном движении явлений от форм простых к более сложным и совершенным; в) *и о нации*, как части человеческого рода, воспроизводящей в себе общечеловеческие законы развития в формах особенных (оригинальных). Итак, *история русского права есть наука, излагающая прогрессивное развитие юридических норм в жизни русского народа*. Предмет истории русского права определяется первым из указанных признаков понятия ее, т. е. понятием о праве»⁶.

Но имелось ввиду право не в статическом состоянии, а в динамике. В.Н. Латкин, а вместе с ним и другие ученые видели основную задачу истории права «в разработке *юридического быта известного народа* (курсив наш – М.К.) в историческом развитии»⁷. Такой подход к пониманию предметной области определил ее структуру и методы познания. Большая часть исследователей выделала внешнюю и внутреннюю историю русского права, то есть историю источников права (юридических обычаев и законодательных памятников) и историю норм и институтов права⁸. Иного взгляда на структуризацию юридического быта придерживался М.Ф. Владимирский-Буданов, считая приоритетным деление на систему публичного и систему частного права, при этом внешнюю и внутреннюю критику источников права не исключал и рассматривал как опосредованный метод.

В большинстве своем историки русского права придерживались концепции национального права, выделяя его в истории всеобщего права, истории права племенного (славянского)⁹. В соответствии с таким пониманием определялся объем науки. «Она есть история русского национального права (а не история права русского государства)», – утверждал М.Ф. Владимирский-Буданов¹⁰. При этом указывалось на преемственные связи с литовско-русским правом и с правом иных славянских народов. Таким образом история права русского народа в полной мере вписывалась в общую схему, являясь частью и всеобщей, и племенной истории права.

Методологический инструментарий мыслился достаточно широко. Прежде всего он формировался на междисциплинарной основе. Одновременно использовались догматический, философский и исторический подходы. В рамках первого исследовалась догма права, поэтому приоритетным был, формально-юридический метод, второй подход был ориентирован на сравнительно-правовой метод, последний позволял вовлечь в процесс познания историко-генетический метод, историко-сравнительный метод, хронологизацию и периодизацию. Предполагалось использование результатов вспомогательных исторических дисциплин – археологии, исторической географии, генеалогии, геральдики, библиографии¹¹.

Заключая, отметим, что история русского права к концу XIX столетия сформировалась в самостоятельное научное направление отечественной юридической науки с собственным предметным полем и методологией

⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Р/на-Дону, 1998. С. 14.

⁷ Латкин В. Н. История русского права в период империи. СПб., 1899. С.1.

⁸ Там же. С. 2.

⁹ Загоскин Н. П. История права русского народа. Том 1. Казань, 1899. С. 13.

¹⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 16.

¹¹ Подробнее см.: Загоскин Н. П. История русского права. Ея вспомогательные знания, источники и литература. Казань, 1891.

познания. В отличие от отраслевых юридических наук, история русского права стала аккумулирующей научной дисциплиной, вовлекая в круг исследования проблемы общего и отраслевого характера. История отечественного и зарубежного права была предметом изучения не только узких специалистов, историографическое сопровождение юридических работ любой тематики становится нормой научного познания, а исторические исследования отраслевого права, отдельных институтов права имеют такой широкий диапазон, что могут рассматриваться как самостоятельное направление в историографии истории русского права. Опыт, накопленный отечественными правоведами в XIX веке, настолько богат, что сегодня может стать предметом не одного научного изыскания.

Библиография

- Беляев, И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1879.
Васильева, И. В. Извлечение из истории уголовного законодательства в России. О смертной казни // Вестник Европы. 1823. №9. Май.
Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права. Р/на-Дону, 1998.
Загоскин, Н. П. История русского права. Ея вспомогательные знания, источники и литература. Казань, 1891.
Загоскин, Н. П. История права русского народа. Том 1. Казань, 1899.
Коржунов, Н. М. История философии права. Пособие к лекциям. СПб., 1908.
Коровецкий, А. Историческое обозрение российского гражданского и уголовного права // Сын отечества и Северный архив. 1829. Т.8. №48.
Латкин, В. Н. Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1888.
Леонтович, Ф. И. История русского права. Одесса, 1869.
Михайлов, М. М. История русского права. СПб., 1871.
Неволин, К. А. Энциклопедия законоведения. Введение в энциклопедию. Общая часть ее и первая половина особенной части // Полное собрание сочинений К.Н. Неволина. Т.1. СПб., 1857.
Самковасов, Д. Я. История русского права. Варшава, 1878.
Сергеевич, В. И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883.
Филиппов, А. Н. Учебник истории русского права. Часть I. Юрьев, 1912.
Ясинский, М. Н. Лекции по внешней истории русского права. Вып. 1. Киев, 1898.

Т. Ф. Ящук,

*доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского*

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ НАУКИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД 1918-1940-Х ГГ.

Аннотация: Выделены основные институциональные формы, в которых шло формирование истории государства и права в советских условиях. К ним отнесены научные учреждения и структуры в системе высшего образования. Выделены два этапа становления науки истории государства и права в период 1918-1940-х гг.

Ключевые слова: история науки, история государства и права, советское государство, советское право, юридическая наука, юридическое образование.

T. F. Yashchuk,

*Doctor of Law,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Omsk State University. F.M. Dostoevsky*

INSTITUTIONALIZATION OF HISTORICAL AND LEGAL SCIENCE IN THE SOVIET PERIOD 1918-1940.

Abstract: The main institutional forms in which the formation of the history of the state and law in Soviet conditions were identified. These include scientific institutions and structures in the higher education system. Two stages of the formation of the science of the history of state and law in the period 1918-1940s are allocated. The border between them is the mid-1930s.

Keywords: history of science, history of state and law, Soviet state, Soviet law, legal science, legal education.

При изучении процесса формирования отдельных наук следует выявить институциональные рамки, задающие параметры их функционирования. В перечень институциональных рамок включаются «номенклатура университетских подразделений, академических кафедр, квалификационных и коммуникационных ячеек»¹². В таком понимании обращается внимание на внешние формы организации науки. Указанные структуры активно

¹² Науки о человеке: история дисциплин. М., 2015. С. 19.

изучаются исследователями науки и образования, хотя сами учёные не всегда декларируют принадлежность к институциональной методологии.

Институционализация отдельных наук обусловлена усложнением и дифференциацией научного знания, меняющего его дисциплинарное устройство. На объективные факторы, обеспечивающие научный прогресс и стимулирующие появление новых исследовательских областей, могут накладываться политические и иные обстоятельства, особенно остро ощутимые в гуманитаристике и обществоведении.

В полной мере это относится к истории права, вычленение которой из общей истории обозначилось в XIX в., и было прервано революционными событиями 1917 г. В период Российской империи основными институциональными формами, обеспечивающими бытование науки, выступали университеты и Академия наук. Воспроизводство и трансляция научного знания реализовывалось в различных институциональных рамках, например, в виде подготовки к профессорскому званию, защиты диссертации, включения в учебные планы университетов курсов историко-правового содержания, организации профильных кафедр, издания специализированной литературы. Рамки могли иметь менее формализованные границы, как в случае с юридическими обществами, действующими при университетах.

Достаточно благоприятная для поступательного развития истории права ситуация изменилась в советских условиях. Уже в июне 1918 г. как альтернатива Академии наук, институты которой продолжали базироваться в Петрограде, в Москве создается Социалистическая академия общественных наук. После принятия нового устава в апреле 1919 г. она была переименована в Социалистическую академию, что подчеркивало ее универсальный характер, не ограниченный общественными науками, а с 1924 г. она стала именоваться Коммунистической академией. Академия имела «институтскую» структуру, которая была избрана в качестве типовой, и соотносилась с выделенными предметными областями научного знания. Юриспруденции отводилась утилитарная роль – обеспечивать, в первую очередь, изучение советского государства и права, что иллюстрирует название профильного института – Институт советского строительства. В 1930 г. в его состав был включен Институт советского права, изначально возникший как неформальная структура профессоров и преподавателей МГУ. Таким образом, возник Институт советского строительства и права.

Академическая реформа середины 1930-х гг. завершила объединение всех научных учреждений в рамках Академии наук СССР. В это же время на базе института, ведущего свою историю от Государственного института по изучению преступности и преступника 1920-х гг. и сохранившего уголовно-правовую проблематику, создается Всесоюзный институт юридической науки (ВИЮН), подведомственный наркомату юстиции СССР.

Поскольку официальная советская правовая доктрина строилась на отрицании ценности буржуазного права, допуская преемственность догматических форм и некоторых приемов юридической техники, то историко-правовая тематика, генетически связанная с осмыслением прежнего исторического опыта, не могла получить организационную поддержку ни со стороны государства, задающего перспективы и ограничения научной деятельности, ни со стороны самого академического сообщества. Это выразилось в отсутствии специализированных подразделений (секторов, отделов и т.п.) в научных учреждениях юридического профиля. Обращение к историко-правовой проблематике осуществлялось в основном при обобщении и анализе опыта советского строительства, или в связи с разработкой теоретических и методологических основ государства и права.

Прикладная тематика, а не изучение истории права доминировала и в подготовке новых научных кадров, которые должны были овладеть марксистской методологией исследования социальных явлений. Для их ускоренного обучения учреждается Институт красной профессуры, в котором хотя и было правовое отделение, но научный компонент в его деятельности, в отличие например, от исторического отделения, был выражен слабо.

Институциональные условия для историко-правовой науки ухудшились и в высшей школе. В 1919 г. закрываются юридические факультеты университетов, но обучение будущих юристов оставалось (сначала на факультетах общественных наук, затем на факультетах советского права, с 1930- г. – в институтах советского права, переименованных позднее в юридические институты).

Прекратилось системное преподавание историко-правовых дисциплин. Например, в учебном плане факультета советского права I МГУ на 1929-1930 учебный год значился предмет «История развития государственных форм и политических идей с развитием классово-борьбы», на аналогичном факультете Ленинградского государственного университета – два похожих: «История классово-борьбы», «История экономического развития в связи с историей права»¹³. Отметим, что указанным предметам придавалось пропедевтическое значение, поскольку они изучались на первом курсе.

Само высшее юридическое образование, как и иные сферы гуманитарной подготовки было трансформировано таким образом, что в начале 1930-х гг. среди молодежи не находилось достаточного числа желающих, готовых посвятить себя юридической профессии. Чтобы заполнить остававшиеся вакантными места, прием в некоторые вузы продолжался до конца календарного года, то есть завершался почти к концу первого семестра. В публичном пространстве профессия считалась умирающей. Так, на специальном совещании, состоявшемся в ноябре 1930 г., Н.И. Челябинов заявил, что «слово юрист мы должны уже ныне отбросить», прогнозируя появление новой профессии экономиста-правовика, обозначая ее в традициях лексики 1930-х гг., злоупотребляющей сокращенными словами, термином «эксправ»¹⁴. (Видимо, в нем оказались зашифрованы три слова экономист и

¹³ Юридический календарь на 1930 г. М., 1930. С. 285, 287.

¹⁴ АРАН (Архив Российской академии наук). Ф.360. Оп.4. Д.128. Л. 2.

советское право). Необходимо отметить, что позиция Н.И. Челябинова не была частным мнением, поскольку он занимал ответственный пост в Институте советского строительства и права Коммунистической академии, и одновременно являлся профессором Института красной профессуры.

Официальное изменение отношения к историко-правовым наукам обеспечили два акта, хотя они были посвящены другим вопросам. В содержательном смысле на судьбу историко-правового компонента в юридическом образовании, актуализации и интенсификации историко-правовых исследований оказало влияние Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР».

В организационном плане перестройку советской высшей школы можно считать состоявшейся в ходе мероприятий, предусмотренных Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой»¹⁵. Для истории права одним из первых институциональных последствий его выполнения стало создание первой специализированной кафедры истории государства и права в Свердловском юридическом институте (ныне Уральский государственный юридический университет). Кафедры относятся к типичным «институциям» в научно-образовательной сфере. Они объединяют ученых, специализирующихся на определенном предмете изучения. Через формализованные рамки аспирантуры, защиты диссертаций участвуют в подготовке новых исследователей, непосредственно влияют на формирование научных школ и иных неформальных сообществ. Как уже отмечалось ранее, институционализация научного знания отражается в его дисциплинарности, поэтому образование кафедр свидетельствует о появлении новых дисциплин. Именно кафедры обеспечивают связь науки и образования, а наличие в учебных планах определенных курсов подтверждает важность данного предметного компонента и в профессиональном обучении, и в более широком социальном контексте, то есть артикулирует его значимость в целом для общества.

В советский период кафедральная структура (наряду с факультетской) имела универсальный характер для университетов, где с 1942 г. стали воссоздаваться юридические факультеты, а также для оставшихся самостоятельными юридическими институтами. Только в современной России она стала дополняться иными институциями – научными школами, больше тяготеющими не к учебно-методической, а к исследовательской деятельности.

История кафедр или научных школ может выступать предметом специальных разработок. Так, Н.Н. Зипунниковой выявлен, описан с источниковедческих позиций и опубликован приказ директора Свердловского юридического института Ю.М. Позана от 13 сентября 1936 г. об организации кафедры истории государства и права, за которой закреплялись следующие дисциплины: история государства и права; «общая история госправа и Народов СССР»¹⁶, история политических учений. Однако кафедра с таким названием и профилизацией, была не правилом, а исключением. Инициирование ее создания, безусловно, принадлежало основоположнику истории государства и права советского периода С.В. Юшкову, а самостоятельное функционирование до 1939 г. обеспечивалось высоким научным авторитетом ученого. Как правило, преподавание дисциплин теоретико-правового и историко-правового содержания объединялись на одной общей кафедре, которая обычно называлась кафедрой теории и истории государства и права.

Учебные планы юридических институтов последних предвоенных лет предусматривали несколько учебных дисциплин историко-правового содержания. Но, как отмечал Г.С. Михайлов «В области марксистского правоведения участок, посвященный изучению и преподаванию истории государства и права, является одним из наиболее отсталых участков»¹⁷. Статья, откуда извлечена цитата, была озаглавлена «О некоторых недостатках программ по истории государства и права» и содержала пометку, что она печатается в дискуссионном порядке. Автор Г.С. Михайлов известен работами по государственному управлению и истории местных Советов, то есть в предметном ракурсе его научные интересы ограничивались историей государства и права советского периода.

Учебный план предусматривал изучение трех дисциплин историко-правового содержания: истории государства и права (иногда ее называли общей); истории государства и права СССР; истории политических учений. Г.С. Михайлов взял за основу Программу по истории государства и права 1940 г., подготовленную к началу нового учебного года, но также затронул вопросы содержания и структуры других программ. Было высказано немало конкретных замечаний, но в обобщенном виде в совокупности с вытекающими предложениями их можно свести к следующему: 1) расширить в курсах материал, отражающий процесс «зарождения и развития организационно-политических форм классовой борьбы» (о Парижской коммуне, Советах и пр.); 2) преодолеть «следы влияния буржуазной юриспруденции и буржуазной историографии», которые занимались приоритетным изучением «добропорядочных феодальных и буржуазных учреждений», и при этом игнорировали органы восстания и революционной власти, считая их «бандитскими и узурпаторскими»; 3) включить в программу теории государства и права широкую тематику политико-правовых учений, то же самое сделать в курсе истории государства и права СССР, особенно в отношении «социалистических учений в государственно-правовом их аспекте». Г.С. Михайлов особенно настаивал на последнем предложении, поскольку история курс политических учений «в юридических вузах практически не читается». Автор считал, что на четвертом, то есть послед-

¹⁵ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» // Народное образование в СССР. Сборник документов 1917-1973 гг. М., 1974. С. 427.

¹⁶ Зипунникова Н. Н. Кафедра истории государства и права СЮИ-УрГИА-УрЮУ-80: эпоха становления. Часть 1. Первый заведующий С.В. Юшков // Российский юридический журнал. 2016. №4. С. 221. (Приведена буквальная цитата из опубликованного архивного документа).

¹⁷ Михайлов Г. О некоторых недостатках программ по истории государства и права // Советское государство и право. 1940. №12. С. 94.

нем, заключительном курсе обучения необходимо «поставить развернутый курс истории политически учений или истории философии права»¹⁸, то есть признавалось важное методологическое значение такой дисциплины, и ее роль в завершении формирования юридической культуры и мировоззрения.

Таким образом, главным достижением довоенного периода в части историко-правовой подготовки будущих юристов, стало включение в учебные планы трех дисциплин, отличающихся своим предметом. Презюмировалось, что все они строятся на марксистской методологии. Дискуссионными оставались вопросы разграничения и взаимосвязи их содержания. Признание самостоятельности истории государства и права СССР (хотя некоторое время название было неустойчиво и неоднократно корректировалось), позволило С.В. Юшкову завершить работу над первым учебником по предмету, который был выпущен в 1940 г.

Другим важным достижением стало обозначение историко-правовой проблематики, как самостоятельной и равноправной предметной области в советской юридической доктрине. Так, на первой научной сессии ВИ-ЮН, проведенной в 1939 г. наряду с секциями, выделенными по признаку отрасли права (уголовного права, гражданского права, уголовного процесса и гражданского процесса), работала секция общей теории и истории государства и права. На ее заседаниях были заслушаны доклады А.И. Денисова по теории государства и права, доклад С.В. Юшкова «Русская правда как кодекс феодального права (к двухсотлетию открытия)», а также обсужден ряд учебных программ, в том числе, по истории государства и права и по истории государства и права народов СССР¹⁹.

Начавшаяся Великая Отечественная война остановила позитивные сдвиги в юридической науке и образовании. Однако после победы государственное внимание к состоянию в данной отрасли не только восстановилось, но и усилилось. В 1946 г. принимается Постановление ЦК КПСС «О расширении и улучшении юридического образования в стране». Оно было напечатано в ведущем юридическом журнале – «Советское государство и право»²⁰, но, судя по тексту, не в оригинале, а в виде реферативного изложения. С точки зрения внешней критики данного источника показателен факт, что в журнальной публикации не указана точная дата его принятия, хотя в других публикациях она называется – 5 октября 1946 г.

Само постановление, а также конкретизирующей его положения Приказ министра высшего образования СССР от 5 ноября 1946 г. «О мероприятиях по реализации постановления ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране»²¹ давно введены в научный оборот. Помимо серьезных организационных решений (открытия новых юридических факультетов в университетах, увеличение контингента приема на первые курсы и др.), они содержали предписания, относящиеся к качественным характеристикам учебно-методической и научной сферы. Так научным юридическим институтам, а их было всего два – Институт права Академии Наук СССР и Всесоюзный институт юридических наук – предписывалось сосредоточить усилия «на подготовке высококачественных исследовательских работ, монографий и учебников по актуальным вопросам юриспруденции», среди пяти перечисленных направлений числилась история советского государства и права²².

До 1 сентября 1947 г. планировалось издать учебники по шести предметам, в том числе по «Теории государства и права», «Всеобщей истории государства и права», «Истории государства и права СССР», «История политических учений». Таким образом, как наиболее проблемное оценивалось положение именно в дисциплинах теоретико-правового и историко-правового характера. Ситуация с изучением отраслевых юридических наук была более благополучной.

Можно утверждать, что принятые решения ускорили написание второй части учебника по истории государства и права СССР, который был целиком посвящен советскому периоду. В 1947 г. под редакцией С.В. Юшкова и А.И. Денисова был издан учебник «История государства и права СССР: История советского государства и права», а в 1948 г. под редакцией А.И. Денисова новое издание, для подготовки которого был привлечен широкий круг специалистов, представляющих отраслевые юридические науки.

Несмотря на очевидные положительные результаты, официальная реакция на выполнение Постановления 1946 г. оказалась весьма критичной. В десятом номере журнала «Советское государство и право» за 1951 г. была напечатана редакционная статья «К пятилетию постановления ЦК КПСС «О расширении и улучшении юридического образования в стране». В отличие от предыдущей публикации, помещенной почти в конце номера, новая статья открывала журнал. Этот, казалось бы, внешний факт, весьма показателен, поскольку отражает и позицию редколлегии, и сигнал для потенциальных читателей. В статье подтверждалось достижение количественных показателей, предусмотренных постановлением 1946 г., и серьезное отставание в выполнении научных и издательских планов.

Статья зафиксировало неблагоприятное состояние советской юридической науки, в качестве подтверждения приводилось много примеров, с указанием фамилий авторов, названий публикаций. Вне критики не остался ни один ученый, чьи труды составляли основу советской юридической доктрины, а научная и педагогическая деятельность непосредственно влияли на развитие правоведения.

¹⁸ Там же. С. 99.

¹⁹ Первая научная сессия Всесоюзного института юридических наук // Проблемы социалистического права. 1939. №2. С. 131.

²⁰ В ЦК ВКП(б). О расширении и улучшении юридического образования в стране // Советское государство и право. 1946. №11-12. С. 50-52.

²¹ О мероприятиях по реализации постановления ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране»: Приказ министра Высшего образования СССР от 5 ноября 1946 г. № 614 // Советское государство и право. 1947. № 1. С. 73 – 75.

²² В ЦК ВКП(б). О расширении и улучшении юридического образования в стране. С.52.

Например, указывалось, что во ВИЮН не были завершены закрепленные за профессором А.И. Денисовым и доцентом Б.П. Кравцовым работы «Советское государство и право в послевоенный период», «Главные фазы и функции советского социалистического государства», «Советское государство и право в период постепенного перехода от социализма к коммунизму»²³. Все они касались советского периода истории государства и права, максимально приближенного к современности.

Тем не менее, конец 1940-х гг. может оцениваться как завершающая дата институционализации в советских условиях науки и учебной дисциплины, которая имеет современное название «История государства и права России». Она получила круг исследователей, наиболее ярким представителем которых был С.В. Юшков, признание в юридическом научном сообществе, что подтверждает пример с организацией секций на Первой научной сессии ВИЮН. Значителен прогресс ее институционализации внутри университетов и юридических вузов, выражающийся в закреплении в учебных планах отдельной дисциплины и ее солидном методическом сопровождении.

Библиография

АРАН (Архив Российской академии наук). Ф.360. Оп.4. Д.128.

В ЦК ВКП(б). О расширении и улучшении юридического образования в стране // Советское государство и право. 1946. №11-12.

Зитунникова, Н. Н. Кафедре истории государства и права СЮИ-УрГИА-УрЮУ -80: эпоха становления. Часть 1. Первый заведующий С.В. Юшков // Российский юридический журнал. 2016. №4.

К пятилетию постановления ЦК КПСС «О расширении и улучшении юридического образования в стране // Советское государство и право. 1951. №10.

Михайлов, Г. О некоторых недостатках программ по истории государства и права // Советское государство и право. 1940. №12.

Науки о человеке: история дисциплин / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева. М., 2015.

О мероприятиях по реализации постановления ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране»: Приказ министра Высшего образования СССР от 5 ноября 1946 г. № 614 // Советское государство и право. 1947. № 1.

Первая научная сессия Всесоюзного института юридических наук // Проблемы социалистического права. 1939. №2.

Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» // Народное образование в СССР. Сборник документов 1917-1973 гг. М., 1974.

Юридический календарь на 1930 г. М., 1930.

²³ К пятилетию постановления ЦК КПСС «О расширении и улучшении юридического образования в стране // Советское государство и право. 1951. №10. С. 6.

В. А. Чашников,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории государства и права
Уральского государственного юридического университета*
О. Н. Старикова,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории государства и права
Уральского государственного юридического университета*

ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА (ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация: В статье рассматриваются историко-правовые аспекты формирования правовой доктрины как источника права, анализируется влияние рецепции римского права на развитие и использование правовой доктрины в романо-германской, англо-саксонской и мусульманской правовых системах. Авторы статьи считают, что правовая доктрина не является источником права Российской Федерации, но, несмотря на это, оказывает определенное влияние на судебный процесс.

Ключевые слова: правовая доктрина, источники права, римское право, романо-германская правовая система, англо-саксонская правовая система.

V. A. Chashnikov,
*Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of History of the State and the Law
Ural State State Court Law State University Law University*
O. N. Starikova,
*candidate of legal sciences,
Associate Professor of the Department of History of the State and the Law
Ural State Law Court State Law University Law University*

LEGAL DOCTRINE AS A SOURCE OF LAW (HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS)

Abstract: The article examines the historical and legal aspects of the formation of legal doctrine as a source of law, analyzes the influence of the reception of Roman law on the development and use of legal doctrine in the Romano-Germanic, Anglo-Saxon and Muslim legal systems. The authors of the article believe that the legal doctrine is not a source of law of the Russian Federation, but, despite this, it has a certain influence on the judicial process.

Keywords: legal doctrine, sources of law, Roman law, Romano-Germanic legal system, Anglo-Saxon legal system.

Категория «правовая доктрина» прочно вошла в научный обиход. Тем не менее, общепризнанное определение правовой доктрины юридической литературе до сих пор отсутствует. Как отмечает В.Д. Перевалов, это понятие употребляется как синоним юридической науки, юриспруденции, учения, теории, формально установленных и законодательно закрепленных положений²⁴. Кроме того, правовая доктрина может выступать и в качестве источника (формы) права. При этом, не все исследователи склонны однозначно видеть в ней внешнюю форму выражения права. Однако же, нельзя отрицать и того факта, что в некоторые исторические периоды в отдельных правовых семьях доктрина становится одним из наиболее авторитетных источников права именно в юридическом контексте.

Правовая доктрина, как источник права, ярчайшим образом проявила себя в Древнем Риме. Именно древнеримские юристы одними из первых создали юридическую технику толкования и применения норм права. Первоначально это было делом понтификов. Гней Флавий – юрист, сын вольноотпущенника, достигший высочайшего положения в Римской республике, опубликовал сборник юридических формул «Цивильное право Флавия», употреблявшихся по закону в ходе судебного процесса. Публичному обучению юриспруденции положило начало в 253 г. до н.э. верховный понтифик Тиберий Корунканий, который вместе со своими учениками стал разбирать юридические вопросы. В своем становлении правовая доктрина тесно связана с именами Манилия, Юния Брута, Офилия, Элия Туберона и других. Как правило, свое решение и толкование дела они оформляли в виде обращения к судьям при свидетелях.

В Риме трактовали правовые нормы исходя из соответствия требованиям справедливости, что содействовало дальнейшему их развитию. Со времени правления Октавиана Августа, по его поручению, самые заслуженные юристы имели право давать официальные консультации, которые со временем стали обязательными. В III веке н. э. на некоторые их положения ссылались как на закон.

В 426 году н. э. при императоре Валентиниане III введен в действие Закон о цитировании юристов, который придавал силу источника права трудам Папиниана, Павла, Ульпиана, Модестина и Гая. Законом были определены некоторые правила использования доктрины в правоприменительной практике. Так, судья был обязан присоединиться к мнению большинства, если по вопросу присутствовал спор, при равенстве голосов, точка зрения Папиниана была решающей. Чуть позднее, император Восточной римской империи Феодосий II распро-

²⁴ Перевалов В. Д. Правовая доктрина: понятие и соотношение с иными близкими по содержанию категориями // Российское право: образование, практика, наука. 2019. №5. С. 42.

странил действие этого акта на территорию своей страны, а император Юстиниан специальной Конституцией 533 г. подтвердил, что доктрина отдельных наиболее авторитетных римских юристов имеет силу закона.

Разумеется, с падением Римской империи влияние римского права ослабевает. Однако, в XII-XIII вв. на территории Западной Европы появляются первые университеты, где, в первую очередь изучают юриспруденцию в русле идей и духа римского права, считавшегося идеальным по своей структуре и терминологии. Произошел процесс, получивший название «рецепция римского права». Собственно, сам термин «романо-германская правовая семья» раскрывает её историческое основание – римское право. При этом заимствование вначале носило доктринальный характер, ведь в повседневной юридической практике римское право не применялось. Постепенно внедряется понятийный аппарат, логика и система изложения материала. В связи с этим, правовую доктрину долгое время воспринимали в качестве источника права романо-германской правовой семьи. Так считает и Рене Давид, который поясняет: «В течение длительного времени доктрина была основным источником права в романо-германской правовой семье; именно в университетах были главным образом выработаны в период XIII-XIX веков основные принципы права. И лишь относительно недавно с победой идеи демократии и кодификации первенство доктрины было заменено первенством закона... можно установить подлинное значение доктрины вопреки часто встречающимся упрощенческим формулам, согласно которым она не является источником права»²⁵.

Отсутствие влияния римского права вынудило страны англосаксонской правовой семьи, создавать собственные правовые доктрины, на основе обобщения судебных решений, ставших базой для формирования общего права. Система источников права Англии самобытна, однако, именно доктрина оказала существенное влияние на её правотворчество и правоприменение. Особая роль здесь принадлежит доктринам таких авторов как Глэнвилл («О законах и обычаях Англии» 1187 года), Литтлтон («О держаниях»), Кока («Институции английский законов» 1628 года), Брэктон («О законах и обычаях Англии» XIII века), их труды были признаны наиболее авторитетными и долгое время применялись в качестве источников права при разрешении дел в судах.

Под правовой доктриной в англосаксонской правовой семье понимают судебные комментарии, прецедентную практику как практическое руководство для юристов. Основатель юридического позитивизма Джон Остин в своей работе «Лекции по юриспруденции или философия позитивного права» писал: «Я никоим образом не отношусь неодобрительно к тому, что мистер Бентам избрал назвать непочтительным и поэтому, как я считаю, неуместным наименованием «права, созданного судьями». Я считаю некорректным называть любым именем, свидетельствующим о неуважении, то, что представляется мне в высшей степени полезным и даже абсолютно необходимым. Я не могу понять, как можно предполагать, что общество в состоянии идти вперед в условиях, когда судьи не занимаются правотворчеством, или что есть вообще какая бы то ни было опасность в том, чтобы позволить им иметь ту власть, которую они фактически осуществляют для восполнения нерадивости или неспособности открыто признанного законодателя. Та часть права каждой страны, которая выработана судьями, гораздо лучше сформулирована, чем его часть, состоящая из статутов, принятых законодательством. Несмотря на мое громадное восхищение мистером Бентамом, я не могу не думать, что вместо порицания судей за то, что они творят право, ему следовало бы упрекать их за робкий способ, каким они это делают, а также за то, что они занимаются правотворчеством под покровом смутных и неопределенных фраз, которые были бы достойны осуждения, если бы применялись любым законодателем»²⁶.

Можно сказать, что до второй четверти XIX в., то есть до времени, когда в Англии и США распространила свое влияние школа юридического позитивизма, «доктринальные» описания играли роль комментариев к казусам. С конца XIX - начала XX в. все большее значение в странах общего права стали приобретать систематизированные цельные доктрины, сложившиеся в результате длительной деятельности парламента в Англии, Канаде и Австралии. Например, в США оформились многочисленные судебные доктрины, подобные запретам федеральным судам принимать дела политического свойства. Исследователи, однако, отмечают, что на сегодняшний день значение правовой доктрины в системе источников права стран англосаксонской правовой семьи уменьшается²⁷, что связано с усилением роли других источников.

Ещё одной системой, в которой место важнейшего источника права занимает правовая доктрина, является семья мусульманского права. Мусульманское право (шариат) сформировалось в VII в., его основные источники – Коран и сунна. Правовая система, в своей основе имеющая религиозные догмы, на протяжении нескольких столетий сумела приспособиться к новым реалиям. Наиболее приемлемым способом развития шариата оказалась деятельность мусульманских правоведов, которые разработали комплекс приемов, ориентированных на извлечение новых норм, предназначенных для решения конкретных вопросов, не урегулированных напрямую Кораном и сунной. Мусульманские ученые-юристы веками вели работу по разъяснению положений священных писаний, что в конечном итоге привело к формированию таких источников как *иджма* и *кийяс*, по сути, являющихся правовой доктриной.

Особенность мусульманского права заключается в том, что оно не сводится к предписаниям Корана и другим священным текстам, а опирается на них лишь в самых общих чертах, используя в основном идейно-теоретическую базу, черпает содержание из трудов правоведов, которые изучали священные писания.

²⁵ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 2009. С. 120-121.

²⁶ Цит. по: Дробышевский С. А. История политических и правовых учений. М., 2003. С. 164.

²⁷ Горбунов Е. И. Правовая доктрина как источник общего права. // Бизнес в законе. 2000. №6. С. 25.

Вопрос об отнесении правовой доктрины к источникам права России сегодня является дискуссионным. Позиции исследователей, в общем, можно разделить на три группы. К первой принадлежат те, кто отрицает способность научных концепций быть источником права. Эти учёные полагают, что в современных государствах идеи и теории юристов, пусть и поддержанные научным сообществом, не санкционируются государством в качестве обязательных. Другой аргумент против признания правовой доктрины источником права основан на том, что она выступает частью правовой науки. Данное утверждение видится нам не вполне обоснованным, ведь научные положения непосредственного воздействия на правовое регулирование не оказывают, в то время как научной доктрине присуще такое свойство. Выделяя отличительные признаки правовой науки и правовой доктрины, следует также упомянуть то, что правовая доктрина шире, поскольку представляет собой определенные суждения по различным вопросам, которые нашли признание и полностью поддерживаются государством. Кроме того, она представляет собой единое целое, состоящее из социального и профессионального сознания. Также, говоря об отличительных признаках правовой доктрины, которые подтверждают различие правовой доктрины от правовой науки, следует упомянуть наличие регулятивной функции, влияние на дальнейшее развитие общественных отношений, оформление (изложение) позиции в нормативно-правовых актах, судебной практике, авторитетность и другие.

Вторая группа исследователей относит правовую доктрину к вторичным, дополнительным источникам права. По их мнению, правовая доктрина призвана устранять неполноту и неясность писаных источников права. Иными словами, правовая доктрина используется для регулирования общественных отношений только в случае неполноты писаных источников.

Третья группа ученых предлагает считать правовую доктрину полноценным источником права. В обоснование своей позиции они приводят ряд аргументов. Первый сводится к тому, что в современном российском праве существуют нормы, которые придают правовой доктрине обязательный характер. Так, согласно статьям 1191 ГК РФ, 116 СК РФ содержание норм иностранного права, регулирующего отношения с иностранным элементом, устанавливается в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве.

Второй довод связан с ситуацией, когда в процессе правоприменительной деятельности компетентные органы сталкиваются с правовыми коллизиями или обнаруживают пробелы в правовом регулировании. Тогда, считают приверженцы третьего подхода, соответствующий субъект может обратиться к правовой доктрине, ее принципам и ценностям для разрешения юридического дела. Сторонники данной позиции напоминают об использовании правовой доктрины в формировании категориального аппарата права, о её влиянии на законодателя при разработке нормативных правовых актов, при производстве научной экспертизы законов и их проектов, а также при принятии судебных решений.

Некоторые ученые вообще понимают доктрину как государственный документ, который содержит в себе цели, задачи и принципы по наиболее важным общегосударственным вопросам. К их числу они относят доктрину информационной безопасности Российской Федерации²⁸, военную доктрину Российской Федерации²⁹, морскую доктрину Российской Федерации³⁰, доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации³¹, климатическую доктрину Российской Федерации³², экологическую доктрину Российской Федерации³³.

В данном случае следует согласиться с мнением К.С. Балицкого о том, что такие программные документы нельзя относить к источникам права, поскольку они не содержат конкретных правил поведения, в них зачастую четко не определены субъекты, которые подпадают под действие документа. Кроме того, преимущественно, они содержат положения стратегического планирования в какой-либо области государственной политики³⁴.

Таким образом, история развития права и юридической науки показывают нам множество подходов к определению правовой доктрины. Среди огромного количества суждений невозможно найти единственно верного, ведь они всегда зависят от целей и направленности конкретного исследования. Порой уместно считать правовую доктрину внешней формой права, или синонимом юридической науки или системой юридических знаний, отражающей видение проблем в масштабах государства и права конкретного общества, любое из определений будет правильным исходя из выбранного контекста. Цель же нашей статьи заключалась в том, чтобы обратить внимание на те периоды истории, когда правовая доктрина являлась непосредственным регулятором общественных отношений.

²⁸ Утверждена Указом Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

²⁹ Утверждена Президентом РФ 25.12.2014 г. № Пр-2976 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

³⁰ Утверждена Президентом РФ 26.07.2015 г. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

³¹ Утверждена Указом Президента РФ от 30.01.2010 г. № 120 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

³² Утверждена Распоряжением Президента РФ от 17.12.2009 г. № 861-рп [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

³³ Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 31.08.2002 г. № 1225-р [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

³⁴ Балицкий К. С. Влияние доктрины трудового права на формирование института трудового договора: дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2018. С. 23.

Библиография

- Аль-Газали, М. Нравственность мусульманина / пер. с араб. А. И. Рустамова. М., 2005.
- Балицкий, К. С. Влияние доктрины трудового права на формирование института трудового договора: дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2018.
- Бернам, У. Правовая система США. Вып. 3. М., 2006.
- Ван дер Берг, Л. В. С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. М., 2005.
- Васильев, А. А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Барнаул, 2007.
- Горбунов, Е. И. Правовая доктрина как источник общего права. // Бизнес в законе. 2000. №6.
- Давид, Р., Жоффре-Спинози, К. Основные правовые системы современности. М., 2009.
- Дробышевский, С. А. История политических и правовых учений. М., 2003.
- Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1990.
- Нерсесянц, В. С. Теория права и государства. М., 2013.
- Перевалов, В. Д. Правовая доктрина: понятие и соотношение с иными близкими по содержанию категориями // Российское право: образование, практика, наука. 2019. №5.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 г. № 10-П [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
- Рахматуллин, Р. Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. №4.
- Романов, Л. К. Правовая система Англии: Учебное пособие. М., 2000.
- Саидов, А. Х. Сравнительное правоведение. М., 2003.
- Цвайгерт, К., Кёту, Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2-х тт. Том 1. Основы. М., 2000.
- Эволюция фикха: (Исламский закон и Мазхабы) / пер. с англ. Т. В. Гончаровой. К., 2001.
- Якубенко, К. Ю. К вопросу о понятии и источниках мусульманского права // Сибирский юридический вестник. 2008. №4.

А. С. Смыкалин,

*доктор юридических наук, профессор, академик военно-исторических наук,
заведующий кафедрой истории государства и права
Уральского государственного юридического университета*

ИУДЕЙСКОЕ ПРАВО: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Аннотация: В статье рассмотрено возникновение и развитие иудейского (еврейского) права. Выделены особенности формирования правовой системы иудаизма. Прослеживается историческая связь с мусульманской правовой доктриной. Рассмотрены основные понятия еврейского (иудейского) права – Талмуд, Тора, Мишна, Гемара, Галаха. Отмечается, что некоторые основы религиозного права сохраняются и в современном еврейском государстве Израиль. Сделан вывод о необходимости более внимательного рассмотрения этой правовой системы в курсе истории правовых и политических учений.

Ключевые слова: иудейское право, особенности формирования, Талмуд, Тора, Галаха, историческая преемственность, источники права.

A. S. Smykalin,

*Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician of Military Historical Sciences,
Head of the Department of History of the State and Law
Ural State Law Court State Law University Law University*

JEWISH LAW: RISE AND DEVELOPMENT

Abstract: The article examines the emergence and development of Jewish (Jewish) law. The features of the formation of the legal system of Judaism are highlighted. The historical connection with the Muslim legal doctrine is traced. The basic concepts of Jewish (Jewish) law - Talmud, Torah, Mishna, Gemara, Halakha are considered. It is noted that some of the foundations of religious law are preserved in the modern Jewish state of Israel. The conclusion is made about the need for a more careful consideration of this legal system in the course of the history of legal and political doctrines.

Key words: Jewish law, peculiarities of formation, Talmud, Torah, Halakha, historical continuity, sources of law.

Для того, чтобы определить роль и значение еврейского (иудейского) права, обратимся к религиозной статистике первой четверти XXI века. И так, к 2000 году население земного шара превышало шесть миллиардов человек. Из них христиан было – около 33% населения (это почти 2 млрд. человек)...примерно 20% исповедовало ислам. Это 1 млрд. 180 млн. человек... затем следует индуизм, который исповедует примерно 880 млн. человек.

Что касается конкретных религиозных конфессий, то им является *римский католицизм*. Католиков в мире более 1 млрд. человек. Православных в мире около 180-210 млн. человек, если говорить о всемирном православии.³⁵ Несколько по иному стоял вопрос о формировании иудейского государства.

1. Особенностью формирования иудаизма было отсутствие собственного государства. В течение почти полутора тысячи лет еврейское право существовало и развивалось не просто вне национальной государственно-

³⁵ Прот. Максим Козлов «Православие и инославие». М., изд-во «Никея», 2009. С.5-16-17.

сти, но и вне исторической родины – национальной территории народа. Евреи рассеянные по всему свету, сохраняли свою национальную культуру, часть которой являлась соответствующая правовая система.³⁶

2. Другой особенностью еврейского права была его тесная связь с мусульманской религиозной доктриной. После Ветхого Завета важной и священной книгой еврейского народа являлся Талмуд, который был плодом творчества нескольких тысяч раввинов – религиозных ученых и толкователей, исследователей Торы, юристов, учителей. Он состоял из 40 томов.

Талмуд состоит из двух частей – Мишны и Гемары. (выделено – А.С.).

Мишна – толкование и дополнение к Ветхому завету (Торе) раввинов (их более 200) творивших в течение первых двух веков нашей эры.

Первоначально это был устный источник, передаваемый из поколения в поколение. Знание Талмуда была профессиональной обязанностью раввинов, и нередко передавалось из поколения в поколения. Однако, ко II в. н.э. этот материал уже не мог быть охвачен человеческой памятью, и настала необходимость его письменной фиксации. И тогда наработанное веками наследие было записано. Оно получило название Мишны. На иврите это слово означает «повторение», поскольку Мишна заучивалась наизусть. Она заключала в себе не только самые законы, древние и новые, по и мотивировку их, прения ученых, характеристики учёных, выдающиеся случаи применения законов и т.п. сведения. Работа по ее составлению была проделана многими учеными - *таннаями*, что значит по-арамейски «изучающие».

При отсутствии еврейской государственности и политической жизни, евреи с любовью предавались изучению права, в котором находили свое лучшее прошлое и искали залог будущего. Наука права служила духовной связью для народа, рассеянного повсюду. Авторитет юристов-раввинов сделался почти единственно общим для всех евреев. За толкованиями юристов признавался только научный авторитет, а не законодательный, как и в республиканском Риме.

Мишна состоит из 12 томов и делился на шесть разделов (*седеров*), заключающих 63 или 523 главы, приблизительно по 10 статей в каждой. В Миши вопросам специально гражданского и уголовного права в собственном смысле посвящено всего лишь пять трактатов четвертого раздела и, сверх того, четыре трактата третьего раздела, затрагивающие вопросы брачно-семейного и наследственного права. Эти девять трактатов представляют огромный интерес для юриста. Остальной материал Мишны в подавляющей массе трактует различные вопросы сакрального права, стремясь охватить повседневную жизнь во всех проявлениях.

Мишна была разделена на шесть разделов, которые, в свою очередь, подразделялись 63 трактата. Первый раздел, Зераим (Посевы) содержал постановления о храмовый приношениях, о богослужении, о молитвах, о благотворительности, о земельном праве, землепользовании (о седьмом годе, о юбилейном годе), о плодах, запрещённых к употреблению. Второй раздел, Моэд (Праздники) занят регулированием религиозных праздников и регламентацией поведения верующих в дни религиозных праздников, описанием постов, и праздничного отдыха, субботнего покоя, храмовой жизни. Третий раздел, Нашим (Жены) в семи трактатах (Евамот, Кеттубот, Недарим, Назир, Сота, Гиттин, Кидушин) регулирует брачно-семейное право, брак, развод, левират, имущественные отношения между супругами, наказания за прелюбодеяния.

На основе единой Мишны выросли в течение веков две Гемары - Вавилонская (V в. до н.э.) и Иерусалимская (IV в. до н.э.), плод творчества еврейских раввинов третьего - пятого столетий. В Гемаре нашли свое отражение углубленные дискуссии более двух с половиной тысяч комментаторов и интерпретаторов Мишны. В широком смысле Талмудов (в переводе с иврита это слово означает «законченное, завершённое учение») называют Мишну и Гемару. В узком смысле - только Гемару, поэтому говорят о Вавилонском Талмуде (создан он в Вавилоне - он больше по объёму и авторитетней) и Иерусалимом, созданном в Галилее. Вавилонский Талмуд составляет 36 томов, а Иерусалимский - 12 томов.

После завершения составления Талмуда - Торё, считаясь Божественным откровением, осталась как бы основой еврейского права, высшей нормой, из которой должны были выводиться все правовые институты и постановления, а Талмуд стал основным источником еврейского права и объектом многочисленных комментариев раввинов - талмудистов (глоссаторов), изучался и глоссировался в еврейских школах. Новое талмудическое право заслонило собой и отодвинуло на задний план библейское законодательство Моисея. Будучи действующим правом, это новое право постепенно приобрело самостоятельный, независимый от Торы авторитет и стало считаться таким же священным и боговдохновенным правом, как раньше считалась Тора. Миши излагала общее правило: «кто учит против Пятикнижия, не осуждается на смерть, потому, что все люди знают Библию, но тот, кто учит против учителей тот осуждается».

Под видом толкования и развития Торы раввинами зачастую создавалось новое право. Талмуд - это не только энциклопедический свод знаний, не только сборник готовых предписаний, но и набор принципов, с помощью которых возможно решение новых проблем, неизбежно возникающих в ходе исторического развития. Евреи жили в разных странах, в разных социальных условиях, перед ними возникали вопросы, неведомые раввинам Талмуда. И еврейский мир нашел способ их разрешения.

Еврейские общины, которые не знали как вести себя в новой исторической ситуации, задавали вопросы наиболее выдающимся ученым - талмудистам своего времени, и те выносили решения. Эти «вопросы-ответы»

³⁶ Козлихин И. Ю. «Источник еврейского (иудейского) права» в мат-х Всероссийской научной конференции «Источники (формы) права: вопросы теории и истории». Сочи, 2002. С. 59-63.

называются *респонсами*, как и ответы юристов в Риме. Раввины, занимавшиеся изучением Торы, не были официальными судьями, но их ответы и решения, однако, принимались в судах за основу как ответы специалистов-экспертов, как в Риме. Еврейские купцы разносили их по общинам всего мира, они становились всеобщим достоянием. *Респонсы* возникли вскоре после завершения Талмуда и существуют поныне. Таким образом, и после завершения Талмуда еврейское право продолжало развиваться и обогащаться.

Начиная с середины IX века и далее, все разногласия между учёными после завершения Талмуда, решались в пользу учёных более поздних периодов по принципу: «Галаха — согласно решению «последних». «Галаха — согласно решению «последних действует только в том случае, если “последний” изучил мнение “первых”. Этот принцип был жизненно важным, так как давал возможность ученым последующих поколений устанавливать Галаху (закон) в соответствии с обстоятельствами времени и места и с учетом новых проблем, рождаемых жизнью.

Изгнание или рассеяние для громадного числа евреев продолжалось примерно 2 500 лет. Большая часть еврейского народа проживала вне своей родины, среди других народов, не смешиваясь с ними и не теряя своего этнического лица. Всякий другой этнос давно бы исчез при подобных условиях, ассимилировался, растворился среди других народов. Евреи же проявили необычайное самосохранение.

Марк Твен писал: «Египтяне, вавилоняне и персы рождались, наполняли планету шумом и блеском, затем гасли, превращаясь в грезы сказок и предания, а потом исчезли совсем. За ними появились греки и римляне, устроили жуткий шум и гам, но и они исчезли, Появились и другие народы, некоторое время высоко держали свой светоч, но он выгорел, и они сидят теперь в полумраке, если вовсе не исчезли с лица земли. Еврей видел их всех, превзошел их всех, но и сейчас он тот же, каким и был всегда. Все на свете смертно, кроме еврея. Все минует, а он остается».

Именно иудаизм и иудаистический закон был орудием выживания и сплочения евреев. Он определял жизнь еврея от рождения до смерти, обозначая, что дозволено и что запрещено. Огромное значение имели хранители и толкователи закона - раввины.

В силу персонального принципа действий права в середине века раввины удерживали за собой право суда над еврейскими общинами и основывали свое решение на Талмуде. Только с конца XVIII века юридическое уравнение евреев с христианами сделано излишним особые суда раввинов, хотя, впрочем, в делах брачно-семейных Талмуд сохранил свое значение для практики. Таким образом, еврейское право пережило еврейское государство на 18 столетий и продолжает жить во вновь возникшем в 1948 году еврейском государстве Израиль.

Еврейским идеалом стала поголовная грамотность: религиозной ценностью стало получать образование - уже для того, чтобы самому читать Библию. Повсеместно в домах общественной молитвы - в синагогах евреи изучали Тору. Раввины посвящали этому всю жизнь, а простые люди были грамотны, по субботам ходили в синагогу и пытались, как могли, построить свою жизнь в соответствии с тем, что требовала от них Тора. Главную целью учения являлось не изучение, а использование учения.

Важным источником еврейского права являлось судебное решение. Как отмечено в литературе, посвященной еврейскому праву, грань между судебным решением и законом очень условна. «Мудрецы» (т.е. судьи и раввины) являлись одновременно и законодательным и судебным органом. И, это вторая особенность иудейского права. Израильский профессор М. Элон отмечал: «Тот, кто даровал нам Тору, сам не сформулировал ее законы однозначно и окончательно. Его целью было сделать их такими, чтобы впоследствии галахические авторитеты толковали их, находя в них скрытые смыслы».¹

3. Третья важная особенность еврейского (иудейского) права в том, чтобы в качестве источника использовались обычаи, а кроме этого и юридическая доктрина.

Хотелось бы отметить, что религиозное еврейское (иудейское) право оказало влияние и на светское законодательство государства Израиль (возникло в 1948 году). Хотя, сейчас, как отмечает профессор Козлихин И.Ю.: «Еврейское религиозное право может регулировать в лучшем случае лишь семейные отношения».

В заключение необходимо отметить, что в нашей историко-правовой науке уделяют очень мало внимания развитию этого самобытного национального права и об этом свидетельствуют основные особенности, отмеченные в статье.

Библиография

«Еврейское право. История, источники, принципы». Ч. II. Иерусалим, 1998.

Козлихин, И. Ю. «Источник еврейского (иудейского) права» в мат-х Всероссийской научной конференции «Источники (формы) права: вопросы теории и истории». Сочи, 2002.

Прот. Максим Козлов «Православие и инославие». М., 2009.

¹ «Еврейское право. История, источники, принципы». Ч. II. Иерусалим, 1998.

